

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

8

**МОСКВА
ИПО — МАНУФАКТУРА
2007**

Редакционная коллегия:
д. и. н. С.В. Алексеев (председатель),
к. и. н., доц. Д.М. Володихин, к.и.н. А. Ю. Смирнов.

На обложке: Храм Спаса в Чернигове

Историческое обозрение. Вып. 8. М.: ИПО — ЗАО «Мануфактура», 2007. — 88 с.
Восьмой выпуск ежегодного альманаха, включающего статьи и материалы, подготовленные Историко-просветительским обществом. В сборник включены работы, посвященные средневековой, новой и новейшей истории, историософским проблемам.

ISBN 978-5-93084-043-8

© Коллектив авторов, 2007

Подписано в печать 20.04.2007. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИНКОВ А.А. НАШЕСТВИЕ ШАРУКАНА НА РУСЬ В 1068 ГОДУ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.....	4
ГУЛАРЯН А.Б. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕРРОР: ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ МАКСИМАЛИСТОВ В БРЯНСКОМ УЕЗДЕ.....	17
МАРЧЕНЯ П.П. МАССЫ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	28
ГРИБАКИН А.С. 18-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ ФИНСКОЙ АРМИИ В ВОЙНЕ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ 1941-1944 гг.....	44
ПИЛИППОВИЧ О.В. ДВИЖЕНИЕ АНТИГЛОБАЛИСТОВ (АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТОВ) КАК ОТВЕТ НА КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ.....	53
<i>ЭССЕИСТИКА</i>	
АЛЕКСЕЕВ С.В. ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	62
ВОЛОДИХИН Д.М. ДУША БЕЛОГО ДЕЛА. ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ.....	66
<i>НОВЫЕ ИМЕНА</i>	
ГРОМЕНКО Е.Н. МАКСИМ ПЕТРОВИЧ ДМИТРИЕВ (1858-1948 ГГ.): БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....	72
СМОЛЯНСКИЙ С.В. РГАСПИ: ИСТОРИЯ АРХИВА	79
<i>КРИТИКА</i>	
ВИЛЬГЕЛЬМ К.Ю. «РЕАЛЬНОСТЬ МАССМЕДИА» НИКЛАСА ЛУМАНА	86

А.А. ИНКОВ
НАШЕСТВИЕ ШАРУКАНА НА РУСЬ В 1068 ГОДУ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Половецкое нашествие 1068 г., известное в исторической литературе больше как нашествие Шарукана, по имени возглавлявшего его половецкого хана, относится к одному из наиболее крупных вторжений кочевников на Русь. По своей продолжительности (около двух месяцев: сентябрь — начало ноября) оно является самым длительным набегом половцев на русские земли за всю историю русско-половецких отношений¹.

Несмотря на это, в литературе нашествию 1068 г. до сих пор уделено явно недостаточное внимание. Дореволюционные историки рассматривали половецкое вторжение лишь в самом общем виде в трудах по истории Древней Руси, ограничиваясь, по существу, простым пересказом летописного текста о нем. Какой-либо принципиальной разницы между ним и другими набегам кочевников они не видели. Не появилось специальных работ по интересующей нас проблеме и в новейшей литературе, хотя советские историки, в целом, уделяли ей несколько большее внимание, чем их предшественники.

Недостаток внимания к нашествию Шарукана в какой-то степени компенсировался в новейшей историографии исследованием другого крупнейшего события — знаменитого Киевского восстания, произошедшего на Руси в том же 1068 г., что и половецкое вторжение. Однако хотя историки и прослеживали тесную связь между Киевским восстанием и нашествием Шарукана (согласно летописи, киевляне восстали против своего князя, после того как он отказался возглавить борьбу против кочевников), к изучению половецкого вторжения они обращались главным образом лишь для того, чтобы подчеркнуть силу и размах Киевского восстания. В результате о нашествии Шарукана они также судили исходя из своих оценок Киевского восстания: так, если, по их мнению, это восстание по своим масштабам было событием в своем роде грандиозным, то «грандиозным» следовало считать и нашествие Шарукана, которое явилось его причиной. Свою лепту в представление о «грандиозности» половецкого нашествия внесли исследователи русско-половецких отношений, которые связывали с ним начало перманентного половецкого натиска на русские земли. Еще дальше шел академик Б.А. Рыбаков, который увидел в половецком нашествии наступление для Руси целой эпохи — «эпохи страшного и длительного половецкого натиска, начавшегося походом самого Шарукана в 1068 г. и закончившегося походами Тугоркана и Боняка в самом конце XI в»². Другой советский историк В.В. Алин считал нашествие 1068 г. началом первого из трех широкомасштабных наступлений половцев на русские земли³. Фактически этой же точки зрения придерживался В.В. Каргалов, связывавший с ним усиление натиска кочевников на Русь⁴. По мнению С.А. Плетневой, после нашествия Шарукана русским князьям стало ясно, что «новая страшная опасность нависла над Русской землей»⁵.

¹ Основным источником о нашествии Шарукана является так называемая Начальная летопись, написанная в 70 — 90 гг. XI в. и сохранившаяся в составе Повести Временных лет (далее: ПВЛ) начала XII в. Ряд сведений, отсутствовавших в ПВЛ, например, о битве русских и половцев на Альте, произошедшей в самом начале этого вторжения, содержит Киево-Печерский патерик XIII в. Считается, что отголоски нашествия Шарукана нашли свое отражение также в некоторых древнерусских былинах (о Кудреванко-царе, Шарк-великане) (См. подр.: Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964). Однако привлечение их в качестве источника в данном вопросе представляется сомнительным, поскольку сообщаемые ими сведения, как две капли воды похожи на летописные известия о Батыевом вторжении на Русь.

² Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 90.

³ Алин В.В. Русь на богатых заставах // ВИ. 1969. № 1. С. 138.

⁴ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., С. 39. Эта же точка зрения повторяется в более новой книге автора: Русь и кочевники. М., 2004. С. 47.

⁵ Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 42.

Вместе с тем, не все историки придерживались столь негативной оценки. Так, В.А. Белявский считал сложившееся в исторической литературе представление об этом нашествии как о крупнейшем вторжении кочевников, как надуманное. По мнению историка «половецкие набеги не нарушали обычного ритма жизни Древней Руси, не создавали никакой угрозы ее существованию и развитию. Одержав в 1068 г. полную победу над русскими князьями половцы разграбили сельские районы и ушли восвояси в степь не тронув ни один русский город. Так выглядел на деле «грандиозный поход Шарукана»¹. К выводу о том, что поход Шарукана ограничился грабежом сельских районов, склонялся также В.Л. Егоров², считавший, что это был типичный грабительский набег, организованный раннефеодальной кочевнической знатью с целью захвата пленных и материальных ценностей. Определение половецкого похода 1068 г. как грабительского прочно закрепилось не только в специальной литературе, но и во многих учебниках как школьного, так и вузовского уровня. При этом маститых историков вовсе не смущает тот факт, что до событий 1068 г. древнерусские летописи всего дважды упоминают о половцах. Могли ли русско-половецкие отношения испортиться в столь короткий срок?

Летописная традиция датирует начало русско-половецких отношений 1055 г. «Приходи Болушь с Половци, и створи Всеволодь мирь с ними; и възвратишася (Половци) вспять отнюду же пришли»³, — записал летописец. Как следует из этого сообщения источника, встреча между Русью и половцами носила дружественный характер: переяславский князь Всеволод заключил с неизвестными для него кочевниками мир, после чего они ушли обратно в степь. Однако в литературе это представление о мирном характере установившихся между Русью и половцами отношений вызывает у ряда историков сомнение.

Л.Н. Гумилев, опираясь на прямое известие летописца о заключении половцами мира с Русью, считал, что половцы Болуша пришли к Всеволоду Ярославичу с мирными намерениями. Сопоставив летописную статью о появлении половцев на Руси с предшествовавшее ему летописным известием о том, что накануне прихода к нему половцев Всеволод вел войну с торками — еще одним кочевым народом южнорусских степей, историк считал, что обе стороны не только заключили мир, но и скрепили его военным союзом против торков, с которыми в это время половцы также враждовали⁴. Однако, в целом, в исторической литературе сложился противоположный подход. Так, П. Голубовский считал, что половецкий хан Болуш имел враждебные намерения по отношению к русским землям и не совершил на них нападение только потому, что основная масса половецких орд в это время еще не успела подкочевать в Приднепровье из донецких степей⁵. По мнению видного советского историка И.У. Будовница, Всеволоду пришлось даже откупаться от половцев дарами⁶, чтобы уберечь свои земли от разорения. Наконец, В.Л. Егоров, заметив, что из сообщения летописца будто бы выходит, что встреча Всеволода с половцами завершилась мирно, все же не исключил, что, возмож-

¹ Белявский В.А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 103 — 104.

² Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X — XIII вв. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 190.

³ Здесь и далее сноски ПВЛ даются, кроме оговоренных случаев, по Лаврентьевскому списку: Полное собрание древнерусских летописей (далее: ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 162. См. также: ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 151; Начальная летопись (далее: НЛ) / Пер. с древнерус. и науч. коммент. С.В. Алексеева. М., 1999. С. 72.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993. С. 301.

⁵ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX — XIII вв. Киев, 1884. С. 77 — 78.

⁶ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (IX — XIX вв.). М., 1960. С. 197.

но, половецкий отряд Болуша был разведочным, «имевший целью выявить соотношение сил и оценить возможности будущих набегов на Русь»¹.

Следует отметить, что подобные неизвестно откуда появившиеся «подробности» первой встречи Руси и половцев в 1055 г., которые неожиданно обнаруживают историчности в летописном известии, носят исключительно мифотворческий характер. Летопись ничего не говорит о намерении половцев напасть на земли Всеволода. Молчит она и о попытках переяславского князя с помощью даров уберечь свои владения от вторжения, равно как и о заключении между ним и половцами союза против торков. В словах летописца «приходи Болушь с половци и створи Всеволод мир с ними (половцами)» прямо говорится о том, что обе стороны стремились к установлению между собой мирных отношений, то есть не собирались воевать. Поэтому считать, что встреча Всеволода и Болуша закончилась враждебно, у нас нет достаточных оснований.

В период между 1055 и 1061 гг. в древнерусских летописях о половцах лакуна. Отсутствие в источниках известий о кочевниках в это время вряд ли следует признавать случайным. В этот период расселявшиеся в южнорусских степях орды должны были заниматься решением прежде всего внутренних задач — дальнейшим освоением захваченных территорий, установлением в них своей власти, укреплением своей экономической базы, серьезно пошатнувшейся в предшествующий завоеванию период, урегулированием отношений с прежними насельниками степей — торками и печенегами. Едва ли в этих условиях половцы имели достаточно сил для обострения отношений с соседними русским княжествами. Более того, заключенный в 1055 г. ханом Болушем мир с Русью в это время был особенно выгоден половцам, поскольку позволял им решить многочисленные внутренние проблемы, не опасаясь перманентных ударов русских дружин, которые, как показали последующие события (см. ниже), вовсе не были невозможны, как полагают ряд исследователей².

Кроме того, следует иметь в виду, что в середине XI в. половецкие племена еще только начинали расселяться в южнорусских степях. Первым районом, освоенным ими здесь, было среднее течение Северского Донца³, притока Дона. Отсюда половцы стали продвигаться к среднему Днепру, а затем уже к концу XI в. в низовья Днепра, на Северный Кавказ и в Крым⁴. Но даже в 1060 г., через пять лет после первого своего появления у границ Руси, в приднепровских степях половцев все еще было сравнительно мало. В этом году древнерусские летописи сообщают о крупной войне русских князей в Поднепровье с торками (гузами)⁵, прежними насельниками южнорусских степей. По-

¹ Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X — XIII вв. // ОИ. 1994. № 6. С. 189.

² Плетнева С.А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 257.

³ Плетнева С.А. Донские половцы. С. 253.

⁴ Там же.

⁵ Первое обострение русско-торческих отношений летописи фиксируют всего за несколько месяцев до появления половцев во главе с ханом Болушем у русских границ. Зимой 1055 г. по сообщению источника: «иде Всеволодь на Торкы зиме воиноу и победи Торкы» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 151). Причины войны Всеволода с торками неизвестны. Предполагают, что они, очевидно, как-то были связаны с борьбой торков с переселявшимися на запад половецкими племенами. В результате поражения в этой борьбе торки, кочевавшие до того в междуречье Днепра и Дона, оказались притиснуты к границам Руси, после чего попытались компенсировать за счет грабежа русского населения свои потери, понесенные в предшествующее время. В литературе распространено и другое объяснение причин набега торков: отрезанные наступающими с востока половцами они пытались пройти по русским окраинам, чтобы уйти в еще незанятое половцами правобережье Днепра. В то же время указание летописца на то, что война торков с Всеволодом произошла зимой, позволяет предположить, что в ее основе лежали экономические причины, поскольку известно, что зимой скот кочевников не умел добывать себе корм из под снега и массами погибал от бескормицы и зимних холодов, а вслед за этим начинали голодать и сами немцы. В этих условиях нападение торков на Русь могло быть вызвано попыткой компенсировать понесенные потери за счет соседнего древнерусского населения. Прочтение летописи позволяет говорить о том, что инициатором войны мог выступить и Всеволод Ярославич, который вполне мог воспользоваться бедственным

ловцы в этой войне не упоминаются, из чего можно заключить, что какой-либо угрозы для русских земель в рассматриваемое время они не представляли. Непосредственной причиной русско-торческой войны были усилившиеся набеги торков на переяславское пограничье¹, связанные, очевидно, с вытеснением этих кочевых племен из южнорусских степей двигавшимися со стороны Северского Донца половецкими племенами. В ответ на эти нападения объединенные силы четырех самых могущественных русских князей: Изяслава Киевского, Святослава Черниговского, Всеволода Переяславского и Всеслава Полоцкого зимой 1060 г. двинулись походом в степь вниз по Днепру. Не приняв боя, торки обратились в бегство и были разбиты. Часть из них сдалась в плен и была приведена победителям на Русь, где позднее расселена «по городам»², т. е., скорее всего в приграничных со степью малонаселенных русских землях на условиях несения пограничной службы. Оставшаяся часть торков «помроша бегаючи Бжьимъ гневомъ гоними, ови от зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Бжьимъ; тако Бъ избави хсьяны от поганыхъ»³. Итогом русско-торческой войны 1060 г. стал полный разгром торческого племенного союза, который после понесенного поражения уже не мог больше удерживать в своих руках контроль над степями между Днепром и Доном. С этого времени днепровские степи становятся владением половцев.

В 1061 г. половцы неожиданно вновь появляются на страницах летописи. «Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволодь же изиде противу имъ месяца февраля въ 2 день. И бившимся имъ, победиша Всеволода (половцы — А. И.) и воевавшие отидоша. Се быс первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ; быс же князь ихъ Искаль»⁴, — отметил источник. Обращает на себя внимание последняя фраза летописца: «се быс первое зло», — показывающая, что это столкновение было первым военным столкновением между Русью и половцами, то есть в предшествовавшее время эти отношения носили мирный характер.

Летописец ничего не сообщает о причинах половецкого набега на Русь. В литературе с легкой руки некоторых историков утвердилось мнение, что это был типичный кочевнический набег, имевший целью захват добычи, скота и пленных⁵.

При всей кажущейся лаконичности описания летописцем половецкого набега следует обратить внимание на необычную дату этого нападения — февраль 1061 г. Известно, что кочевники, в том числе и половцы, обычно отправлялись в набеги в конце лета или в начале осени, причем время набега определялось сугубо экономическими причинами: к концу весны кони кочевников, отошавшие после суровой и голодной зимы, вновь набирали форму и легко могли нести на себе вооруженного всадника, но только осенью в житницах крестьян, бывших главным объектом грабежа кочевников, скапливался хлеб после сбора урожая. Зимой же кочевники, так же как и земледельцы, обычно не воевали, поскольку в это время года их кони сильно тощали от бескормицы и не могли быстро передвигаться по глубокому снегу. Кроме того, из-за отсутствия у половцев практики заготовки сена на зиму их скот часто голодал и массами погибал от бескормицы и холодов, а вслед за этим голодали и сами кочевники. Поэтому зимой к набегам кочевников подталкивала, как правило, лишь сильная необходимость.

Можно предполагать, что набег, предпринятый половцами зимой, в самое неблагоприятное для них время, был вызван такой необходимостью. Вероятно, нападение

положением подошедших к его владениям торков и организовать на них нападение с целью их банального ограбления.

¹ Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 81.

² Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 108.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 163; ПСРЛ. Т. II. Стб. 152; НЛ. С. 72.

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 163. Ипатьевская летопись имя возглавлявшего половцев половецкого хана Искала не знает.

⁵ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 189.

было предпринято одной из половецких орд, которая еще летом подкочевала к русским границам и была застигнута здесь зимними холодами, не успев по каким-то причинам отойти к югу. Наступившая зима обернулась для неподготовленных к ней кочевников бедствием: с выпадением снега овцы и лошади кочевников больше уже не могли добывать себе траву и стали массами погибать от бескормицы, вслед за чем в орде начался голод. Выйти из сложившейся ситуации половцы попытались за счет соседнего русского земледельческого населения. Конечно, земледельцы тоже страдали от природных катаклизмов, но у них всегда оставались запасы на зиму. Их, видимо, и стремились отнять половцы. Последнее в какой-то степени подтверждает рассказ В.Н. Татищева, в основе которого лежат сведения несохранившихся летописей, что половцы в 1061 г. пришли на Русь «села жечь и пленить»¹. В селах нельзя было пожить ремесленными изделиями или предметами роскоши, но зато здесь имелись запасы зерна, необходимые для подкормки изголодавшегося за зиму скота, можно было захватить крестьянских коров и волов, чтобы восполнить его потери. Тем, очевидно, половцы и ограничились.

Несмотря на разорение половцами части пограничных территорий Переяславского княжества, отношения между сторонами после 1061 г. продолжали оставаться, в целом, мирными. Более того, есть все основания считать, что ни Русь, ни половцы не придавали этому столкновению вообще никакого значения. Вопреки мнению ряда историков, никакого начала пограничной войны между сторонами в виде мелких стычек², летописи после вторжения половцев в Переяславское княжество не фиксируют.

В 60-е годы XI века основное внимание южнорусских князей, по-прежнему, было сосредоточено на решении исключительно внутривнутриполитических проблем. В 1067 г. начинается борьба сыновей Ярослава Мудрого с усилившимся на северо-западе страны (то есть на противоположном от границ с половецкой степью конце Руси) Полоцким княжеством. Активное участие в войне против полоцкого князя Всеслава Брячиславиича, стремившегося расширить свои владения на севере Руси за счет владений Ярославичей, принимали дружины всех трех южнорусских княжеств: Киевского, Черниговского, Переяславского, а также непосредственно сами князья этих территорий, в том числе и Всеволод Ярославич Переяславский³, дважды в предшествующее время сталкивавшийся с половцами. Будь половецкая угроза пограничным русским землям в это время реальной, едва ли Всеволод мог позволить себе воевать столь далеко от своих владений. Ничего не говорит после набега 1061 г. в течение 7 последующих лет о половцах и древнерусский летописец. Можно полагать, что в это время половцы почти совсем не подходили к русским границам.

Осенью 1068 г. половцы крупными силами вновь вторглись на территорию Переяславского княжества. На этот раз вторжение было организовано жившими в степях среднего течения Северского Донца (русские обычно называли Донец Доном) донскими половцами, которые, в отличие от днепровских половцев, по-видимому, до того времени пока еще не сталкивались с Русью. Очевидно, нападение застало русских врасплох: половцам удалось вклиниться вглубь Переяславского княжества, прежде чем южнорусские князья — Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи — собрали войска и выступили им навстречу. Решающее сражение между русскими и половцами произошло на речке Альте, недалеко от столицы Переяславского княжества. «Грех же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганья и побегоша Русьскыи князи и победиша Половьци»⁴. Ярославичи потерпели сокрушительное поражение. Не имея больше сил под рукой для

¹ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 83.

² Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 301.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 166 — 167; ПСРЛ. Т. II. Стб. 155 — 156.-; НЛ. С. 75.

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 167; ПСРЛ. Т. II. Стб. 156; НЛ. С. 75.

продолжения войны, князья разошлись по своим столицам: черниговский князь Святослав ушел на север в Чернигов, а Изяслав Киевский и Всеволод Переяславский (последний бросил свою столицу на произвол судьбы) бежали на правую сторону Днепра в Киев.

Вернувшись в свою столицу, киевский князь Изяслав Ярославич неожиданно для себя столкнулся там с новой неприятностью. Прибежавшие вместе с князем с Альты киевляне созвали вече, на котором обратились к нему с требованием: «даи княже оружие и кони и еще бьемся с ними (то есть половцами)¹. Изяслав ответил отказом, но, по-видимому, сделал это так неумело и грубо, что в тот же день в городе вспыхнуло восстание. Восставшие киевляне устремились на «гору», где располагалась княжеская резиденция, и принялись громить дворы Изяслава и киевского воеводы Коснячка, которого, очевидно, считали одним из виновников поражения в битве с половцами. В итоге, киевский князь Изяслав и находившийся в его дворце младший брат Всеволод Ярославич вынуждены были бежать из столицы. Киевляне же посадили на великокняжеский стол освобожденного из княжеской темницы плененного незадолго перед этим Ярославичами полоцкого князя Всеслава Брячиславича².

Пока все эти события происходили в Киеве, в левобережье Днепра продолжалось половецкое вторжение. Разгромив русое войско в битве на Альте, половецкие отряды, по сообщению летописца, «росулися по земли», то есть, видимо, рассеялись загонами по захваченной территории. В конце октября половецкий хан Шарукан с частью орды попытался вторгнуться вглубь русских земель и двинулся на север в Черниговское княжество. При подходе к Сновску — центру наиболее густонаселенной и экономически развитой области Черниговского княжества — половцы столкнулись с наспех собранным войском черниговского князя Святослава. По данным древнерусского источника, Святослав имел 3000 воинов, в то время как у половцев было 12000. Однако на этот раз ожесточенное сражение, произошедшее на р. Снови, притоке Десны, завершилось разгромом половцев и «тако бьеми, а друзии потопоша въ Сньви, а князя ихъ (Шарукана?) яша руками въ 1 день ноября»³.

Историками неоднократно предпринимались попытки определить масштабы и последствия половецкого нашествия для Руси. Сложилось мнение, что нашествие затронуло огромную территорию, включавшую русские земли по обе стороны Днепра: Переяславское и Черниговское княжества на его левом, Киевское — на правом берегу. Предполагалось, что в Киевское княжество половцы проникли, переправившись после битвы на Альте на правый берег Днепра вслед за бежавшими в Киев князьями⁴. Появление кочевников в окрестностях Киева, по мнению историков, было одной из причин, заставивших киевскую городскую общину выступить против своего князя после того, как он отказался выдать ей оружие для организации отпора врагу. Получается, что поход Шарукана был действительно по-настоящему «грандиозным»: разграбленной оказалась территория фактически всей «Русской земли» в узком значении, то есть земли всех трех южнорусских княжеств. Однако, как мы могли уже убедиться, в литературе часто преувеличивается степень половецкой угрозы Руси.

Так, при ближайшем рассмотрении, связь Киевского восстания с вторжением половцев на киевскую сторону Днепра не выглядит бесспорной. Описывая начальный этап восстания киевлян против Изяслава, летописец отмечает, что оно началось с при-

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 170; ПСРЛ. Т. II. Стб. 160; НЛ. С. 77.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 171; ПСРЛ. Т. II. Стб. 161; НЛ. С. 78.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 172; ПСРЛ. Т. II. Стб. 162; НЛ. С. 78.

⁴ См.: Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угри. Прага, 1933. С. 10; Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1991; Мавродин В.В. Народные восстания в Древней Руси XI — XIII в. М., 1961. С. 60; Сухарев Ю.В. Киевская Русь и кочевники // Военно-исторический журнал. 1994. № 3. С. 88.

зывает возмущенного предательским поведением своего князя народа пойти и освободить некую «свою дружину», томившуюся в княжеской темнице¹. Что это была за дружина и как она попала в темницу, источник не говорит. Но как верно подметил еще М. Н. Тихомиров, эта «своя дружина» не могла быть представлена дружиной самого Изяслава, так как она, связанная с князем особыми личными отношениями, всегда противопоставлялась обществу. Для киевлян она не могла быть своей. Зато своей для них могла быть дружина, представлявшая собой часть городской общины, то есть состоявшая из родственников и знакомых тех же самых киевлян. Но когда эти киевляне попали в темницу? Очевидно, только перед тем, как Изяслав выступил на войну с половцами, так как после его бесславного возвращения, события в городе развернулись столь стремительно, что он уже вряд ли имел время для подобных действий. Следовательно, можно допустить, что перед нашествием половцев Изяслав уже имел столкновение с киевлянами, вследствие чего какая-то часть городской общины, очевидно, из числа наиболее активно выступивших против него горожан, была заключена им в темницу². В таком случае, вспыхнувший на вече конфликт между киевлянами и Изяславом возник вовсе не на пустом месте, а являлся продолжением прежнего. Очевидно, перед самым восстанием имело место какое-то столкновение между киевлянами и Изяславом, которое закончилось тем, что киевский князь арестовал и заключил в темницу часть городской «дружины». Тем самым в первом столкновении со своими подданными Изяслав временно одержал победу, однако сам конфликт, видимо, до конца решен не был. Начавшееся вслед за тем осенью 1068 г. половецкое вторжение временно отодвинуло противоречия между князем и киевлянами на задний план, стороны примирились и Изяслав смог даже выступить во главе городского ополчения на войну. Но, как известно, в сражении русские князья были разбиты. Киевляне имели все основания обвинять в поражении своего князя, так как согласно представлениям древних, уходящим корнями еще в языческую эпоху, неудача в войне свидетельствовала о «греховности» вождя, его неспособности обеспечить безопасность общества, то есть исполнять свои основные обязанности: полную, как бы мы сегодня сказали, «профнепригодность». Следовательно, такого вождя следовало убрать, заменить другим правителем³. Кроме того, поражение само по себе не добавляло авторитета Изяславу, к тому же в битве с половцами, очевидно, погибло много княжеских дружинников⁴, оставшаяся же немногочисленная дружина уже не могла как прежде контролировать ситуацию в Киеве. Все это неизбежно должно было привести к новому столкновению Изяслава с его подданными, которые и без того были крайне недовольны им. Как следует из сообщения летописца, предложением к столкновению на этот раз послужило требование озлобленных поражением на Альте киевлян к Изяславу выдать им оружия и коней для новой битвы с половцами. Когда же тот отказался, это окончательно переполнило их чашу и привело к восстанию. Тем самым, можно утверждать, что, вторжение половцев не столько явилось причиной киевского восстания, сколько лишь ускорило события, назревавшие в столице Руси еще накануне.

Исследователи Киевского восстания обращают внимание еще на одно несоответствие летописи, которое касается «людье Киевстии», потребовавших от Изяслава

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 171.

² Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XIII вв. М., 1955. С. 94 — 95. См. также: Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). СПб., 2002 С. 210.

³ Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической истории. М.; СПб., 1995. С. 184.

⁴ О высоких потерях русского войска в битве на р. Альте сообщает, в частности, Киево-Печерский патерик, по данным которого: «были убиты воеводы и множество воинов в этом бою» / Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 413.

оружия для битвы с половцами. Кто были эти «кияне»? На первый взгляд летопись говорит об этом вполне определенно: ими были киевляне, воины городского ополчения, участвовавшие в битве с половцами на Альте и прибежавшие вместе с князем в город после поражения¹. Оружия и коней же они могли требовать, так как потеряли их во время бегства и были теперь безоружными². Однако, как верно отметил еще М. П. Покровский, в действительности это требование к Изяславу едва ли могли предъявить участники битвы на Альте, поскольку невероятно считать, чтобы безлошадные воины, каковыми стали киевляне в результате поражения, смогли бы убежать от мобильной половецкой конницы³. Подавляющее большинство киевлян, потребовавших оружия от Изяслава, видимо, не принимало участия в войне с половцами. В таком случае, на вече от Изяслава могли требовать оружия и коней те киевляне, у которых оно было отобрано еще раньше, очевидно, в то же самое время, когда Изяслав заключил часть киевской дружины в темницу, то есть до вторжения половцев на Русь и до битвы на Альте. В условиях назревавшей крупномасштабной войны с кочевниками, грабившими русские земли на левом берегу Днепра, и угрозы их переправы на собственно киевскую сторону возвращение Изяславом оружия было логичным и закономерным требованием со стороны разоруженного киевского ополчения.

Почему же Изяслав отказался вооружить киевлян? Ведь в случае появления половцев в окрестностях Киева разорению подверглись бы не только усадьбы киевлян, но и земли, принадлежавшие лично князю. Причина этого, на наш взгляд, заключалась в том, что половецкое вторжение, вопреки мнению историков, все же обошло Киевское княжество стороной. Поэтому киевский князь имел больше оснований опасаться не далеких и во многом призрачных степняков, грабивших русские земли на другой стороне Днепра, а близких и вполне реальных, вооруженных до зубов, настроенных враждебно по отношению к нему киевлян⁴. Вот почему он и отказывался выдать киевлянам оружие. Следует отметить, что ничего не говорит о присутствии половцев в правобережье Днепра во время Киевского восстания не только ПВЛ, но и другой сохранивший сведения о нашествии Шарукана источник — Киево-Печерский патерик. Оба эти источника сообщают о половецком нашествии применительно только к территории Переяславского и Черниговского княжеств, где произошли две битвы русских с кочевниками: сначала на реке Альте, в Переяславском княжестве половцы нанесли поражение русскому войску, а затем на реке Снови в Черниговском, в свою очередь, они были разбиты черниговским князем Святославом Ярославичем. Все вышеизложенное позволяет ограничить район, охваченный нашествием Шарукана, исключительно русскими землями в левобережье Днепра.

Не вполне ясен вопрос о том, какой путь использовали половцы для своего вторжения в русские земли в 1068 г. Известно, что в своих набегах на русские левобережные княжества половцы пользовались теми же маршрутами, что и печенеги в предшествовавшее время. В Переяславское княжество кочевники вторгались по двум основным дорогам. Первая из них шла вдоль Днепра параллельно древнему торговому пути. По ней через низовья Сулы, Ворсклы и Орели кочевники шли на Переяславль и далее через броды на Днепре в русские земли в правобережье Днепра или на северо-восток, вглубь Переяславского княжества. Ряд историков полагает, что этот путь и был выбран прежде всего половецким ханом Шаруканом для своего вторжения⁵. Однако, в

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 170; ПСРЛ. Т. II. Стб. 160; НЛ. С. 77.

² Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 210.

³ Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 158 — 159.

⁴ Белявский В.А. По поводу «кизвечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 103 — 104.

⁵ Ляскоронский В.Г. К вопросу о переяславских торках. С. 21.

случае движения по этому пути половцы могли пробиться вглубь Переяславского княжества только преодолев сопротивление Переяславля — сильной русской крепости, запиравшей низовья Днепра. Взять же ее они могли только после длительной осады. При этом летописи не только ничего не говорят о военных действиях в районе Переяславля в 1068 г., но даже не называют Переяславль в числе районов, подвергшихся половецкому нашествию.

Попасть в Переяславское княжество кочевники могли не только с юга, но и с северо-востока, вторгшись в русские земли через пространство, образуемое водоразделом Десны и Сейма, с одной стороны, и левыми притоками среднего Днепра, — с другой. Это был второй рокадный маршрут кочевнических вторжений в русские земли левобережья Днепра, который был намного опаснее первого, так приходился на стык Переяславского и Черниговского княжеств, и, следовательно, русским князьям труднее было наладить в этом районе эффективную оборону (а если они враждовали между собой, то вовсе невозможно). Скорее всего, орда Шарукана шла этим путем. В рассматриваемое время здесь не было крупных населенных пунктов, способных оказать кочевникам серьезное сопротивление, а тянувшаяся вплоть до Днепра равнина была лишена значительных естественных препятствий, удобна для действий больших конных масс и позволяла кочевникам быстро и беспрепятственно проникнуть в центральные районы Переяславского княжества. Очевидно, этим обстоятельством в определенной степени и объяснялось то, что Ярославичи были застигнуты половецким набегом врасплох и смогли встретить противника, когда орда Шарукана уже оказалась в глубине русских земель.

Принято считать, что нашествие Шарукана привело к страшному погрому русских земель. Вместе с тем источники не содержат сведений об осаде или захвате половцами во время этого вторжения каких-либо русских городов, хотя известно, что впоследствии нередко даже мелкие отряды кочевников захватывали сильно укрепленные крепости. Исходя из этого, в литературе было высказано предположение, что в 1068 г. половцы ограничились преимущественно грабежом сельскохозяйственных районов¹. Такое предположение не лишено оснований, поскольку в условиях распространенного среди половцев вплоть до конца XI в. круглогодичного кочевания, сопровождавшегося частыми массовыми эпизоотиями и падежом скота, захват скота и запасов зерна в русских деревнях позволял их ордам наиболее эффективно компенсировать свои экономические потери. Кроме того, следует иметь в виду, что половецкое хозяйство, как и древнерусское, было по своему характеру экстенсивным. Оно могло развиваться тольковширь, а не вглубь, то есть за счет постоянного расширения и освоения все новых пастбищных ресурсов. Малейшее увеличение поголовья скота или демографический рост в ордах требовали нового расширения жизненного пространства.

При такой системе хозяйствования кочевые орды с огромными стадами занимали все удобные для кочевания и слабо заселенные или защищенные земли и держались на них до тех пор, пока более сильный противник не вытеснял их с этих земель². К тому же Переяславское княжество, в наибольшей степени подвергшееся нашествию половцев, вовсе не было столь плотно заселено земледельческим населением, как это может показаться. Многие его районы, особенно расположенные в поречье притока Сулы Уды, районы княжества к западу от реки Трубежа и все течение Трубежа вплоть до впадения его в Днепр, бассейн реки Супоя на востоке, нижняя Сула были непригодны для занятия экстенсивным древнерусским земледелием из-за распространенных здесь солонцеватых почв. Жившее здесь население было относительно немногочисленным,

¹ Белявский В.А. Указ. соч. С. 103.

² Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975. С. 262.

крупные села и города отсутствовали. В то же время распространенная в этих районах лугово-солончаковая растительность, создававшая обилие пастбищ, несколько не мешала полукочевому коневодству и только способствовала занятию овцеводством¹. Эти земли как нельзя лучше подходили для кочевников и их системы хозяйствования.

Поэтому вполне возможно, что вторжение орды Шарукана в эти богатые пастбищами внутренние районы Переяславского княжества и пограничье Черниговского в какой-то степени объяснялось стремлением половцев «освоить» эти малонаселенные пограничные земли Руси. Возможно, что в этом ключе следует понимать слова летописца о том, что после победы над русским войском на Альте половцы «росулися по земли», то есть расположились на захваченной территории под временную кочевку. Косвенно это подтверждает и тот факт, что в промежутке между битвой на Альте, произошедшей, по-видимому, в начале — середине сентября 1068 г., и битвой на реке Снови 1 ноября того же года (это полтора — два месяца!) источники полностью «теряют» половцев из виду, не сообщают не только о продолжении военных действий Руси с ними в левобережье Днепра, но и не упоминают о половцах совсем. И только из последующего сообщения летописи о том, что в начале ноября Шарукан с частью своих сил столкнулся на реке Снови с войсками черниговского князя Святослава Ярославича, мы можем утверждать, что все это время половцы находились в русских землях. По-видимому, после битвы на р. Альте половцы, переоценив результаты своей победы над русским войском, считали, что они уже больше не встретят организованного сопротивления со стороны Ярославичей. Потому они прекратили военные действия против русских, так как их продолжение мешало осваивать им занятые территории, и, рассеявшись, перешли на привычные им условия кочевания небольшими группами. В конечном итоге, эта передышка в войне позволила черниговскому князю Святославу Ярославичу собрать в своих землях новую рать и нанести половцам поражение.

Несмотря на то, что нашествие 1068 г. завершилось сокрушительным поражением половцев, в литературе его последствия неизменно преподносятся как крайне тяжелые для Руси. Так, М.Н. Тихомиров, основываясь на сообщении ПВЛ о том, что во время Киевского восстания некоторые из горожан грозили своему князю, что в случае отказа выдать им оружие они сожгут Киев и переселяться в «Греческую землю» (то есть, очевидно, в Византию) полагал, что эти угрозы исходили от киевских купцов, торговавших с империей. Историк объяснял их участие в восстании тем, что половецкий набег привел к нарушению торговых сообщений Киева с Византийской империей² и, следовательно, к их убыткам. Отсюда и их недовольство Изяславом. К выводу о прерывании торговых связей русских земель с соседними странами в результате половецкого нашествия склонялись ряд других историков. По мнению, В.Т. Пашуто, половецкие набеги второй половины XI в. (из контекста его работы можно полагать, что он имел в виду прежде всего половецкие нападения 1061 и 1068 гг.) привели к разрыву экономических связей Руси не только с греческими городами Крыма, но и с Северным Кавказом³. По мнению В.Л. Егорова, в результате нашествия половецкие орды полностью перекрыли Руси пути к Черному морю, Дунайской Болгарии и Византии⁴. Л.Н. Гумилев, последовательно придерживавшийся в своих работах идеи о преувеличении в источниках последствий половецких погромов русских земель, также счел нужным на этот раз согласиться с отрицательными последствиями половецкого вторжения, сделав вывод о том, что нашествие Шарукана «затруднило политические и экономические от-

¹ Моргунов Ю.Ю. Еще раз о «переяславских торках» // Российская археология. 2000. № 1. С. 28.

² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 188.

³ Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 81.

⁴ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 190.

ношения Руси с Тмутараканским княжеством, что имело далеко идущие, прежде всего, негативные последствия для этого удаленного русского анклава»¹.

Данные источников позволяют подвергнуть многие из этих выводов сомнению. Так, при археологических раскопках греческих колоний Крыма: Херсонеса и Судака (Сурожа) в культурном слое археологами найдены предметы киевского и древнерусского происхождения, что свидетельствует о том, что, несмотря на приход в южнорусские степи половцев, торговые и экономические связи Руси с Северным Причерноморьем продолжали развиваться не только на протяжении всей второй половины XI в., но и в следующем XII в.² По данным источников в Херсонесе постоянно проживали целые колонии русских купцов, которые вели посредническую или прямую торговлю между русскими землями и этим важным имперским центром. Крупным центром международной торговли на Руси, после нашествия Шарукана, по-прежнему, оставался Киев, столица Древнерусского государства. Оживленную торговлю здесь с иностранными купцами, по данным древнерусских источников, вели монахи Киево-Печерского монастыря. Среди торговых партнеров Киево-Печерского монастыря Киево-Печерский патерик называет латинян, греков, сирийцев, армян³. За исключением латинян, купцы этих национальностей могли прибыть на Русь только через южнорусские степи, что было бы невозможно, если бы половцы действительно перекрыли движение по торговым путям.

Не находит подтверждения в источниках и утверждение о прерывании в результате половецкого нашествия связей Руси с оторванным от ее территории русским Тмутараканским княжеством на Тамани. Во второй половине XI в. в Тмутаракани продолжали непрерывно править русские князья, принадлежавшие к династии черниговского князя Святослава Ярославича, а в 1079 г. киевский князь Всеволод Ярославич смог посадить в Тмутаракани даже своего посадника боярина Ратибора⁴, что само по себе свидетельствует о том, что связи Руси с этим своим далеким анклавом не только не были прерваны, но и характеризовались определенным усилением зависимости его от верховной власти киевского князя.

Итак, нашествие Шарукана не привело к каким-либо разрушительным последствиям для Руси. Вопреки распространенному мнению, нельзя считать это нашествие и началом крупномасштабного половецкого натиска на русские земли. Наоборот, его поражение показало, что сейчас половцы пока еще не имели достаточно сил для организации такого широкомасштабного наступления на Русь. Для этого требовались: во-первых, политическое объединение отдельных разрозненных половецких орд, которое позволили бы им выступать в отношениях с Русью как мощная военно-политическая сила. Во-вторых, полное утверждение половцами своего господства в южнорусских степях, подавление ими сопротивления других живших здесь кочевых и полукочевых народов. Только обеспечив свой тыл и решив все эти внутренние задачи, половцы могли сосредоточить все свои силы на решении важных внешнеполитических задач. Внутреннее развитие половецких племен во второй половине XI в. не отвечало ни одному из этих требований. Первые крупные политические объединения в виде союзов орд, способные начать широкомасштабное наступление на Русь, у половцев начали складываться только не ранее конца XI в. Набеги же отдельных разрозненных орд, как показывал опыт борьбы русских еще с печенегами, легко могли быть отбиты княжескими войсками. Не была завершена на момент вторжения Шарукана на Русь и борьба половцев с другими кочевыми народами за гегемонию в южнорусских степях, где продолжа-

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993. С. 301.

² Якобсон А.А. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17. С. 35.

³ Киево-печерский патерик. С. 92 — 95, 132.

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 204; ПСРЛ. Т. II. Стб. 196.

лись столкновения половцев с отступившими на запад в Подунавье печенегами, создавшими здесь сильный союз, представлявший значительную угрозу как для самих половцев, так и для соседней Византии. Борьба половцев с печенегами, то затухая, то вновь разгораясь, продолжалась здесь вплоть до начала 90-х гг. XI в.¹, когда печенежский союз окончательно был разгромлен объединенными силами половцев и византийцев.

Не вызывает никаких сомнений, что последствия разгрома орды Шарукана в результате битвы на р. Снови оказались крайне тяжелыми прежде всего для самой половецкой группировки, кочевавшей в донецких степях. Это поражение значительно затормозило процесс складывания крупного политического союза кочевников на Северском Донце, силы которого были настолько сильно подорваны, что донские половцы фактически на целых 40 лет (до 1107 г.) отказались от организации крупных самостоятельных набегов на Русь. В последующем они предпочитали участвовать в усобицах русских князей, предоставляя им вспомогательные наемные отряды, или же ограничивались мелкими набегами в русское пограничье.

Характерно, что следующий половецкий набег на русские земли повторился только через три года. По сообщению летописца, в 1071 г. половцы «воеваша оу Ростовца и оу Неятина»². Оба русских городка располагались на юго-восточной окраине Черниговского княжества между Брянском и Новгород-Северским на Десне³. По-видимому, этот набег был отбит гарнизонами пограничных крепостей, так как летописец ничего не сообщает о сборе общерусского войска для отпора половцам.

Принято считать, что к концу 60-х гг. XI в. половецкие орды подошли к южным границам Руси на всем их протяжении, как в левобережье, так и в правобережье Днепра⁴. Анализ первых трех русско-половецких столкновений 1061, 1068 и 1071 гг. не позволяет согласиться с этим выводом. В течение всего этого времени в отношении с половцами вступали преимущественно русские князья лишь двух левобережных княжеств — Переяславского и Черниговского. Данное обстоятельство говорит о том, что в рассматриваемое время кочевники подошли к границам Руси не на всем, а, скорее всего, лишь на ее отдельном участке. Поэтому первые военные столкновения Руси и половцев имели, в целом, локальный характер.

Таким образом, нашествие Шарукана хотя и представляло собой крупное по масштабам вторжение половцев, однако было всего лишь отдельным русско-половецким столкновением, которое не привело к коренному изменению общей военно-политической ситуации на южной границе русских земель. Отсутствие после 1071 г. в течение ряда последующих лет в источниках известий о русско-половецких столкновениях показывает, что половецкие ханы извлекли определенные уроки из своего по-

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 313.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 174; ПСРЛ. Т. II. Стб. 164; НЛ. С. 80.

³ На Ростовец и Неятин, как города, находившиеся в левобережье Днепра на территории Черниговского княжества между Брянском и Новгород-Северским на Десне указывает Воскресенский список Киевской летописи (Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV. Период удельный 1054 — 1240. М. 1850. С. 148). Городки с такими названиями находились и в правобережье Днепра на территории Киевского княжества, что дало ряду историков считать, что половецкий набег 1071 г. был предпринят сюда. Однако ПВЛ не указывает конкретно, по каким из этих городов-двойников был нанесен удар половцев. Относить набег 1071 г. к левобережным Ростовцу и Неятину позволяет прежде всего то, что все без исключения события, связанные с русско-половецкими столкновениями в 60—70-х гг. XI в. происходили исключительно в левобережье Днепра. Первое надежное известие о появлении половцев в правобережных русских землях датируется «Поучением» Владимира Мономаха только в 1085 г., когда этот князь сообщает о преследовании им вторгшихся в Киевское Поросье половецких отрядов под Торческом, Святославем и Юрьевым (Поучение князя Владимира Мономаха своим детям // Памятники истории Киевского государства IX — XII вв. Л., 1936. С. 133.).

⁴ Егоров В.Л. Указ. соч. С. 190

ражения. Итогом всего этого стало то, что «Черная Кумания» надолго устранилась от самостоятельных набегов на Русь.

Инков Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета.

А.Б. ГУЛАРЯН
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕРРОР:
ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ МАКСИМАЛИСТОВ В
БРЯНСКОМ УЕЗДЕ.

В начале XXI века терроризм превратился в одно из самых страшных бедствий человечества. Террористические акты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, взрывы домов в Буйнакске и Москве, захват заложников в «Норд-Осте», недавние успехи террористов в Ираке и страшную трагедию в Беслане можно рассматривать как глобальный системный кризис человеческой цивилизации. Террористический вызов, брошенный всем нам, выявил не только неспособность правительств и спецслужб ведущих стран мира защитить своих граждан, но и скрытый прежде от общества серьезный кризис общественных наук. Сразу после терактов 11 сентября выяснилось, что «экспертное сообщество» не в состоянии вооружить руководство своих стран методологией предотвращения подобных террористических действий. Их реакцию, как и реакцию властей, можно назвать сенсационно-панической, что выразилось в повторении банальных трактовок и определений.¹ Однако, в настоящее время ученые различных специальностей уже ищут новые подходы к осмыслению и изучению терроризма, в том числе обращаясь и к опыту исторической науки. А так как история России конца XIX — начала XX века тесно связана с террором, то следовало ожидать, что российские историки, анализируя исторические сведения, первыми выработают рекомендации властям по деятельности в условиях террористического кризиса.

Однако выяснилось, что терроризм как исторический феномен остался в нашей стране до сих пор практически неисследованным. Объясняется это преимущественно не академическими, а политическими причинами. Тема терроризма была длительное время под запретом для советских историков. Они опубликовали сотни работ, посвященные революционному движению в России, в которых так или иначе затрагивалась тема терроризма, но среди них не было ни одной, специально посвященной истории террора русских революционеров. В той или иной степени затрагивалась проблема терроризма в русском революционном движении 1860-1880-х годов в работах историков Б.П. Козьмина, Э.С. Виленской, Ш.М. Левина, Б.С. Итенберга, М.Г. Седова, С.С. Волка, Н.М. Пирумовой, Е.Л. Рудницкой, В.А. Твардовской, Н.А. Троицкого.² Тема же русского революционного террора начала XX века была практически «не замечена» советской историографией. Признать крупную роль терроризма в политической жизни страны означало признать значение партии социалистов-революционеров, или, что было еще хуже, указать на причастность к террору партии большевиков. Для советской исторической науки это было немыслимо.

В последнее время ситуация стала меняться: появился ряд монографий, статей и диссертаций посвященных истории радикальных революционных партий и их борьбе, в

¹ См.: Никитаев В. Тело террора. // Сумерки цивилизации. Настольная книга антиглобалиста. М., АСТ, 2004.; См.: <http://www.ezhe.ru/pravda/archive/12022003.html>.

² Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху "белого террора". М., 1929. Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965. Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: вторая половина XIX — начало XX в. П., 1974; Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1988.; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966 Волк С.С. "Народная воля". 1879-1882. М.; Л., 1966.; Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992.; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1969.; Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. М., 1978.

том числе террористической.¹ Из этих работ особо следует выделить монографию Д.Б. Павлова, посвященную эсерам-максималистам. Д.Б. Павлов проследил развитие движения максимализма от «аграрного террора» и «московской оппозиции» до создания Союза социалистов-революционеров «максималистов», проанализировал их идеологию и программу, привел интересные факты о психологии революционеров-террористов их методах борьбы и наиболее шумевших террористических актах.²

Однако в исторических исследованиях так называемый «центральный террор», то есть деятельность Боевой организации ПСР заслонила собой изучение террора провинциальных революционных групп. А персоналии выдающихся террористов и провокаторов, таких как Г.А. Гершуни, Б.В. Савинков, И.П. Каляев, Е.Ф. Азеф, заслонили собою фигуры местных боевиков, которые способны гораздо больше рассказать исследователям о психологии террориста. Изучение провинциального терроризма содержит большие возможности для воссоздания социального фона эпохи Первой российской революции. Провинциальный терроризм позволяет рассмотреть социальную среду, в которой вызревают террористические тенденции, условия перехода к террору, его эволюцию и итоги террористической борьбы.

1. Развитие промышленности и рабочий вопрос в Брянском уезде.

Город Брянск в конце XIX века превратился в мощный транспортный узел железнодорожных линий на Москву, Орел, Харьков, Киев и Гомель. Во второй половине XIX века в Брянском уезде наблюдалось бурное железнодорожное строительство. В 1868 году вступила в строй линия Дубровка-Орел. В 1878 году была построена Мальцевская узкоколейная дорога, в 1880 — Жуковка-Акуличи, в 1885 была введена в эксплуатацию линия Брянск-Гомель, в 1894 — Брянск-Льгов, а еще через три года — магистраль Брянск-Москва. В 1904 году была проложена линия от Навли к Киеву. Брянск превратился в мощный железнодорожный узел.³

Самыми крупными предприятиями были Брянский рельсопрокатный завод в селе Бежица⁴ и предприятия Мальцевского акционерного общества.⁵ При этом акционерное общество «Брянский завод» в Бежице одновременно участвовало в трех синдикатах: «Продамет», «Продуголь» и «Продвагон». Так как в условиях монопольной про-

¹ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.; Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992.; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997.; Морозов К.Н. Б.Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909-1911)// Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993.; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998.; Городницкий Р.А. Егор Сазонов: мировоззрение и психология эсера-террориста.// Отечественная история. 1995. № 5.; Городницкий Р.А. Борис Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа.// Минувшее: исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995.; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989

³ См.: Обзор Орловской губернии за 1896 год. С.8.

⁴ Устав акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода был утвержден Александром II 20 июля 1873 года. Акционерами этого завода были крупные русские и иностранные капиталисты, прежде всего П.И.Губонин.

⁵ Родоначальник династии промышленников И.А.Мальцов построил несколько стекольных и чугуноплавильных предприятий вокруг села Дятьково. В 1883 году Мальцевское промышленно-торговое товарищество владело: пивоваренным заводом, канатно-пряделной фабрикой, чугуноплавильным заводом, писчебумажной и фаянсовой фабрикой, лесопилкой в селе Любохна; стекольной фабрикой, чугуноплавильным заводом и паровозо-вагонным заводом в селе Радица; лесопилкой и хрустальной фабрикой в селе Дятьково; Знеберской, Ивотской и Чернятинской стеклянными фабриками и Бытошевским чугуноплавильным заводом. С Брянском Мальцевский округ был соединен собственной узкоколейкой. На фабриках работало около 6 тысяч человек. Весь Мальцевский район представлял собой вполне самостоятельную экономическую зону.

См.: ГАОО. Ф.580, ст.2, д.2340. Л.237-267.; Кондратенко А.И. Время странствий: эпохи и судьбы. Орел, Вешние воды, 1997. С.97, 101.

мышленности создание собственной топливно-сырьевой базы становилось вопросом жизни и смерти, акционерное общество «Брянский завод» превратило свое предприятие в крупный металлургический комбинат, владеющий шахтами и рудниками. Это позволяло обществу вместе с пятью другими крупными монополиями играть ведущую роль в распределении квот в синдикате «Продамет». В финансовом отношении акционерное общество «Брянский завод» было связано с Азово-Донским банком.¹ Крупный консорциум предприятий представляло собой Мальцевское акционерное общество, выступившее одним из инициаторов создания стекольного синдиката, а в 1916 году превратившееся в крупный военно-промышленный трест.² А Брянский арсенал, выпускавший орудия и боеприпасы, вошел в синдикат «Снарядсоюз».³

В Брянском уезде размещалось 60 % рабочего класса региона. Большое количество рабочих проживало в рабочих поселках в окрестностях Брянска — Бежице, Радице и Дятьково. Многие рабочие имели собственные дома и приусадебные участки, и поэтому их положение напоминало положение старых, посессионных рабочих.⁴ Они требовали от администрации своего предприятия проведения патерналистской социальной политики.⁵ Оседлость рабочих усилила социальную напряженность на заводе, ограничила мобильность рабочих на рынке труда и тормозила модернизацию предприятий. Это было системное противоречие в процессе трансформации российского общества конца XIX века. Таким образом, промышленные предприятия Брянского уезда сочетали самую прогрессивную организацию производства с патриархальными пережитками.⁶ Наиболее рельефно эта ситуация проявила себя во время рабочего бунта в поселке Бежица Брянского уезда в 1898 году. Причиной волнения послужило ухудшение экономического положения рабочих на рельсопрокатном заводе в ходе предпринятой акционерным обществом реконструкции.⁷

Поводом для выступления рабочих послужило неосторожное убийство 12 июня 1898 года сторожем завода Реутом пятилетнего мальчика.⁸ Рабочие двигались по Бежице к заводу, громя по пути лавки, магазины и пивные. Выступление рабочих развивалось стихийно, и во многом напоминало разгром крестьянами помещичьей усадьбы. Революционеры не смогли перевести стихийное выступление в забастовку. Участник событий, социал-демократ Васильев («Митрич») в своих воспоминаниях пишет: «Сам

¹ См.: Цуперник А.Л. Синдикат "Продамет". М.: 1959. С. 32, 33, 40, 299.

² См.: Лившин Я.И. Монополии в экономике России. М.: 1961. С.87.

³ Монополия по производству артиллерийских орудий, снарядов и мин возникла примерно в 1909 году, хотя частные соглашения по распределению заказов практиковались с 1902 года.

⁴ К 1861 году на предприятиях Брянского уезда вольнонаемные рабочие составляли 1/3 общего состава рабочих. Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1967. С.8.

⁵ В этом отношении брянский рабочий во многом напоминал тип старого уральского мастерового, описанного И.Х.Озеровым и И.В.Нарским: сформировавшийся в атмосфере крепостнических пережитков привыкший к опеке, считавший, что предприятие обязано снабжать его работой. На сходство брянских заводов со старыми уральскими предприятиями обращает внимание А.И.Кондратенко.

См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. С.218.; Кондратенко А.И. Время странствий: эпохи и судьбы. Орел, Вешние воды, 1997. С.97.

⁶ См.: Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1982. С.13.

⁷ Необходимость реконструкции скорее всего была связана с крушением в 1898 году синдиката "Союз вагоностроительных заводов" в состав которого входили Брянский, Путиловский, Русско-Балтийский, Коломенский, Мытищинский заводы и акционерное общество "Лильпоп, Рад и Левенштейн".

См.: Лившин Я.И. Указ. Соч. С.16

⁸ Реут, поляк по национальности, показывал детям свое оружие, объяснял, как обращаться с револьвером, и неосторожно нажал на спуск. Пуля попала в Антона Кулькова. Столкновения все еще можно было избежать, если бы не действия пристава В.П.Квитницкого. Он приказал перенести тело погибшего в морг, а когда рабочие отказались это сделать, повел себя с ними грубо и оскорбительно. Возмущенные рабочие попытались побить Квитницкого, а когда он убежал и спрятался, толпа стала неуправляемой.

См.: Орловский вестник. 1900. 18 янв.

бунт свалился, как снег на голову. Отсутствие сил, неопытность ставили сознательных товарищей в положение простых зрителей событий. Напрасно некоторые товарищи пытались даже остановить движение, поняв невозможность руководить; такие попытки встретили резко отрицательное отношение со стороны взбунтовавшейся массы рабочих, и, соответственно, ни к чему не привели. Бунт шел под лозунгом: «Разрушай и жги». Героями дня, ставшими во главе событий, оказались люди, которые менее всего отдавали себе отчет в происходящем. На гребне волны всплыл совершенно случайный элемент, и не мечтавший об организованном классовом движении».¹

Однако, ни само выступление рабочих, ни общественный резонанс громкого судебного дела не заставили хозяев предприятия смягчить свою социальную политику. Волнения рабочих в поселке Бежица не прекращались, доставляя немало забот местным жандармам и губернатору. Важно отметить также, что «Бежицкий бунт» явился своеобразным системным индикатором готовности брянских рабочих к восприятию радикальных идей, прежде всего анархистских. Анархизм быстро распространялся не в передовых капиталистических странах, а в «догоняющих» — в России, Италии, Испании — где капиталистическая модернизация проходила ускоренными темпами и накладывалась не неизжитый традиционный общественный уклад. Среди рабочих этих стран патерналистские настроения быстро сменялись экстремистскими, что создавало благоприятную почву для распространения в будущем терроризма.

2. Образование и деятельность Бежицкого рабочего союза ПСР.

В конце XIX века на брянских предприятиях постепенно возникали марксистские рабочие кружки. Происходило это, не в последнюю очередь, благодаря деятельности молодых орловских марксистов из кружка учащейся молодежи, которые приезжали из Орла в Брянск для пропаганды своих идей.² Тем не менее, марксистов скоро потеснили неонародники. Как написал в своих воспоминаниях рабочий-революционер А.Г. Волосатов: «С партией большевиков мы как-то не ладили в первое время, а впоследствии совсем разошлись».³ В другом месте своих воспоминаний он поясняет эту мысль: «Вскоре к нам в Николаев приехал Гончаров, и подтвердил сообщение, что по предложению упомянутого выше интеллигента с кличкой «Федор»⁴ Бежицкая организация РСДРП, благодаря отсутствию устойчивого элемента, почти полностью перешла к социалистам-революционерам во главе с тов. Гончаровым».⁵

О переходе части членов Бежицкого комитета РСДРП в партию эсеров говорится в письме видного большевика В.П. Ногина из Николаева заграничному отделу ЦК РСДРП от 4 февраля 1904 года: «С.-р. свили здесь довольно прочное гнездо, больше всего их на Черноморском. Проникли они сюда благодаря нескольким рабочим, бежавшим с брянских заводов. Там, как вам вероятно известно, был устроен в большей мере трудом самих рабочих с.-д. комитет, который, благодаря малой деятельности орловцев, очутился осенью прошлого года в руках с.-р., пославших туда одного человека».⁶ Итак, значительная часть организованных в кружки рабочих Бежицы перешла в Партию социалистов-революционеров. Возглавил новую организацию эсер Гончаров. Она стала называться Бежицкий рабочий союз Партии социалистов-революционеров.

¹ См.: Из прошлого. Брянск, Истпарт, 1924. С.22.

² В начале 1898 года молодые марксисты пытались встать во главе рабочего движения на Брянском рельсопрокатном заводе. Гектографическим способом была размножена листовка "К рабочим Брянского завода". Для подготовки к стачке в Брянск выезжали В.К.Родзевич-Белевич, В.А.Русанов, К.А.Турбина, О.А.Квиткин. См.: Очерки истории Орловской организации КПСС. С.15.

³ Из прошлого. С.10, 16.

⁴ Один из нелегальных работников, с которым А.Г.Волосатов работал в Брянске, но фамилии не знал.

⁵ Из прошлого. С.19

⁶ Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1903-1905. Т.2. С.139.

Бежицкий союз относился к Северо-Западной областной организации ПСР и имел сильные связи со Смоленском, Витебском и Рославлем.

Известно, что эффективность партии как политической силы в условиях самодержавно-полицейского режима определялась степенью ее организованности. Сравнивая свою партию с большевиками по этому параметру, В.М. Чернов¹ отмечал, что они были «как бы двумя крайними полюсами», что эсеры проповедовали свободу форм, «граничащую с организованной расхлябанностью».² Видный деятель партии эсеров С.Н. Слетов,³ совершивший поездку по России в 1902 году, не нашел никакой организации, похожей на партию. На местах он обнаружил «просто группы работавших людей». Подобную же картину он наблюдал и в 1903-1904 году.⁴ В этом отношении Бежицкий рабочий союз выгодно отличался от прочих эсеровских организаций, так как унаследовал дисциплину и организованность, заложенную социал-демократами. Весь период своего существования Союз оставался самой сильной рабочей организацией в Северо-Западной областной организации ПСР.

Тем не менее, политический дебют новой подпольной организации нельзя было назвать удачным. 6 апреля 1903 года, в праздник Пасхи в церкви поселка Паровозная Радица рабочий Семен Кандырев бросил в толпу листовки партии социалистов-революционеров. Однако, другой рабочий, И.Г. Богсанищев собрал разбросанные листовки и донес на Кандырева в полицию.⁵ 13 сентября 1903 года в Брянске были разбросаны листовки «К рабочим брянских и мальцевских заводов» от имени Партии социалистов-революционеров. На следующий день рабочие-революционеры предприняли попытку раздавать листовки крестьянам, приехавшим на ярмарку. Трое распространителей — рабочие В.М. Кулешов, И.А. Шведов и А.Ф. Тимофеев — были задержаны самими крестьянами.⁶ То есть молодые революционеры сразу же столкнулись с несоответствием реальной жизни их идеологических установок.

Неудачи преследовали брянских эсеров во всей дальнейшей работе. Их организацию потрясали аресты, результативные обыски, изъятия нелегальной литературы. Самым сильным ударом стал провал типографии брянских эсеров. 16 июля 1905 года. Брянские жандармы произвели обыск в доме рабочего Брянского арсенала А.П. Богатырева, члена Бежицкого рабочего союза ПСР. Обыск был произведен по подозрению в политической деятельности. В амбаре принадлежащего А.Богатыреву дома были обнаружены ручной станок, шрифт к нему и несколько экземпляров листовок.⁷ Точность этого удара заставляет предположить, что он не был случаен, и жандармы имели исчерпывающую информацию о том, где и что им предстоит искать.⁸

Историк Н.Д. Ерофеев, анализируя социально-психологические типы русских революционеров, делает следующее наблюдение: «Эсеров отличала от других течений не только мировоззрение, но и в какой-то мере даже склад ума, психология. Марксизм,

¹ Чернов В.М. (1873-1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик и автор программы. В революционном движении с 80-х годов XIX века. В 1917 году министр земледелия во временном правительстве, в 1918 году — председатель Учредительного собрания. С 1920 года — в эмиграции. Во время второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления.

² История политических партий России. М, 1994. С.150.

³ Слетов С.Н. (1876-1915) — видный эсер; выданный Азефом в 1903 году просидел в Петропавловской крепости до 1905 года. Жил за границей. В 1914 году вступил добровольцем во французскую армию. Погиб на фронте.

⁴ История политических партий России. М, 1994. С.150.

⁵ ГАОО. Ф.883, оп.1, д.81. Л.50.

⁶ ГАРФ. Ф.102, ДП ОО, оп.230, д.975. Т.2. Ч.2. Л.128.

⁷ ГАРФ. Ф.102, ДП ОО, оп.233, д.5. Ч.20. Л.123-123 об.

⁸ Опираясь на воспоминания брянского революционера Григория Панкова, можно предположить, что подобным осведомителем был агент-provokator Соколов, перешедший затем из ПСР в РСДРП, и выдавший полиции самого Панкова и его подпольную типографию. См.: Из прошлого. С.41.

как правило, привлекал натуры рассудочные, уравновешенные, не склонные к бурным проявлениям чувств; а неонародничество (особенно его экстремистское крыло) объединяло людей более эмоциональных, постоянно испытывавших духовную и нравственную неудовлетворенность».¹ Многочисленные неудачи и провалы, накладываясь на описанный Н. Ерофеевым неустойчивый психологический тип личности, вполне могли породить в среде социалистов-революционеров экзальтированность, истеричность, тотальную шпиономию, которые сложились постепенно в своеобразный «синдром осажденной крепости». Это в свою очередь предопределило недоверие к «мирным» методам работы и переход к террору в некоторых партийных ячейках. То есть молодых революционеров толкало в террор «нетерпение сердца».

3. Переход к полупартизанским и партизанским методам борьбы в период Первой русской революции.

События Первой российской революции 1905 года подробно рассмотрены в серьезных исследованиях. 1905 год стал эпохой прямых политических действий — демонстраций, забастовок, восстаний. Целые районы на окраинах Российской Империи — в Грузии, Польше, Прибалтике — переходили под контроль революционеров. Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический» послужило сигналом того, что армия не является больше твердой опорой самодержавия.

Революционеры Центрального промышленного района готовились к решительным схваткам с самодержавием. Летом и осенью 1905 года в каждом крупном городе создаются боевые рабочие дружины. Известный большевик М.Н. Лядов, работавший разъездным агентом Бюро комитетов большинства, так вспоминал это время: «В этот раз мне удалось объехать почти весь юг, все Поволжье и Московский район, побывал я и в Петербурге. (...) Всюду, где бы мне не приходилось бывать во время этого объезда, рабочие усиленно готовились к вооруженному восстанию и фактически уже начинали партизанскую вооруженную борьбу с правительством. Чисто заговорщицкий террор отдельных интеллигентов-эсеров летом 1905 года превратился в массовую, чисто пролетарскую партизанскую войну против всяких представителей государственной власти. Убийства жандармов, полицейских, губернаторов, провокаторов стали повседневным явлением. Очень часто эти убийства совершались помимо какой бы то ни было организации, задумывались и приводились в исполнение отдельными группами рабочих, а иногда под влиянием рабочих — и отдельными группами крестьян. Почти всюду создавались боевые дружины, делались почти открыто сборы на приобретение оружия, завязывались широкие связи с войсками».²

Возникает вопрос: чем отличается партизанская война от террора, и прав ли М.Н. Лядов, противопоставляя партизанскую борьбу рабочих дружинников индивидуальному террору социалистов-революционеров? Партизанская война ведется народом в порядке массового сопротивления чужеземным захватчикам или собственному тираническому режиму. В первом случае борьба ведется на своей и только своей территории, во втором — базы повстанцев могут располагаться как на собственной территории, так и на территории соседнего государства. Диверсионные действия во время партизанской войны всегда имеют конкретную цель, военную или экономическую, они всегда осуществляются в едином пространстве-времени войны, которая ведется двумя государствами или в пространстве гражданской войны, и за пределами территории воюющих государств, и до/после войны не имеют никакого смысла (как диверсии, по крайней мере). Терроризм же — экстерриториален и вневременен; территория, на которой он проводит свои акции (включая всё расположенное на ней), либо вообще чужая для него, либо её реальная ценность «здесь и сейчас» ему безразлична, как и время, вернее, поли-

¹ История политических партий России. М., 1994. С.150.

² Лядов М.Н. Из жизни партии. 1903-1905 гг. М.: Политиздат, 1956. С.84.

тический момент акции. Короче говоря, терроризм контрдифферентен как к различению войны и мира вообще, так и к традиционным формам их сочетания.¹

И снова воспоминания М.Н. Лядова: «В целом ряде мест мне пришлось близко столкнуться с боевыми организациями. Они несли большую работу по охране митингов, по предупреждению погромов, по преследованию сыщиков. (...) В Москве, Нижнем, Костроме, Екатеринославе, Брянске, Одессе и Николаеве точно также я находил уже вполне готовые боевые дружины».² Боевое крещение брянские дружинники получили во время так называемой «кровавой недели», последовавшей после издания царского Манифеста 17 октября 1905 года. Во время демонстрации 22 октября 1905 года они отбили нападение черносотенцев на митингующих рабочих. На помощь черносотенцам пришли казаки. Два человека — дружинник Васильев и рабочий Ручкин — были убиты, остальные демонстранты рассеялись.³ После чего брянские революционеры фактически вступили в партизанскую войну с местными властями, организуя убийства и покушения на полицейских чинов.

29 октября 1905 года на соборной площади из револьвера был убит старший городской Кузнецов.⁴ Были ранены полицейский чиновник Крокотов и городской Ползунов, на полицейских Мазурина и Целинского было произведено несколько покушений. Полицейские чиновники Лесковкий и Данилов, получившие одновременно с Кузнецовым письма с приговором революционеров, добились перевода в другие города.⁵ Брянская полиция была деморализована и потеряла контроль над обстановкой в городе. Так, брянский полицмейстер Н.С. Данской не смог дать внятного ответа журналисту «Орловского вестника» по поводу происшедшей в ночь с 22 на 23 ноября стрельбы.⁶ Революционное движение в Брянске развивалось по экспоненте: 11 декабря 1905 года в Брянске состоялся нелегальный съезд представителей рабочих организаций Брянского уезда, который постановил оказать поддержку вооруженному восстанию в Москве. 22 декабря 1905 года вооруженные дружинники освободили из брянской тюрьмы политических заключенных.⁷ В этих действиях участвовали, по-видимому, все революционные силы Брянска, вне зависимости от их партийной принадлежности.

Партизанские выступления пришлись не период равновесия сил, когда революционеры не могли победить самодержавие, а самодержавие не могло победить революционеров. Это была оптимальная точка приложения сил брянских боевых дружинников, однако чаша весов склонилась в другую сторону: декабрьское вооруженное восстание в Москве и вооруженные выступления в ряде других городов были подавлены. Тем не менее, на боевом духе брянских революционеров это не сказалось, так как именно в это время в Брянск прибыли участники восстания на Пресне. Их рассказы заразили местных революционеров надеждой на новый революционный подъем.⁸ Брянские социал-демократы именно в это время создают две новые боевые дружины по 50 человек каждая. В начале 1906 они уже были готовы к грядущим боям. И именно отсутствие этих боев, также как нового революционного подъема вызвало надлом в сознании революционеров. Особенно сильно сказался спад революции на работе социалистов-революционеров.

¹ См.: Никитаев В. Тело террора. // Сумерки цивилизации. Настольная книга антиглобалиста. М., АСТ, 2004.; См.: <http://www.ezhe.ru/pravda/archive/12022003.html>.

² Лядов М.Н. Из жизни партии. М., 1956. С.85.

³ См.: Очерки истории Брянской организации КПСС. 1982. С.26.

⁴ См.: 1905 год в Орловском крае. Орел, Истпартотдел Орловского губкома, 1926. С.111.

⁵ См.: Орловский вестник. 1905. 14 дек.

⁶ См.: Орловский вестник. 1905. 14 дек.

⁷ См.: Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула.1982. С.28-29.

⁸ См.: Из прошлого. С.36

4. Раскол в Партии социалистов-революционеров и переход максималистов к террору.

Первая русская революция подтолкнула институализацию политических партий социал-демократов и социалистов-революционеров. Если до этого политическая идентичность осознавались лидерами и центральными работниками, а значит, межпартийная и межфракционная борьба велась между ними, то теперь она начинается и на местах. Местные революционеры, социал-демократы и социалисты-революционеры, начинают конкурировать друг с другом. На митингах середины 1905 года взаимные обвинения в адрес двух революционных партий звучали не менее часто, чем призывы к свержению самодержавия. Это можно проиллюстрировать на примере заочной полемики между орловским большевиком «Максимовым» и орловским эсером «Николаем», с разницей в год пославшими письма в центральные органы своих партий.¹ И большевик, и эсер обвиняют противоположную сторону в политической некорректности, в практической несостоятельности программы и выражают уверенность в скорейшей и окончательной победе над оппонентами.² Но также в местных комитетах происходит раскол между большевиками и меньшевиками, максималистами и ортодоксальными эсерами.

Неудачи в пропагандистской работе, репрессии со стороны правительства, раздражение против руководителей, сосредоточившихся на «мирных» формах борьбы (в том числе — на бесконечной дискуссии с социал-демократами), и, главное, желание подтолкнуть революцию к новому подъему привели к появлению максимализма. Эсеры-максималисты³ отрицали необходимость систематической работы в массах и признавали эффективным только прямое действие, то есть террор. Так, гомельский эсер-максималист И.М. Типунков («Гриша»), участвовавший в последствии в покушении на П.А. Столыпина, так объяснил свою точку зрения в беседе с одним из лидеров максималистов Г.А. Нестроевым: «Пятьдесят рабочих-террористов больше сделают, чем рабочие целого города и в смысле устройства стачки, и в смысле захвата завода или полицейского управления... нужно собрать всех боевиков и захватить все в городе в свои руки».⁴

На первом съезде ПСР, проходившем с 29 декабря 1905 года по 4 января 1906 года, в числе прочих рассматривался вопрос о положении дел в местных организациях в связи с раскольнической деятельностью эсеров-максималистов. В качестве примера неблагополучного положения и раскола в движении социалистов-революционеров была приведена Северо-Западная областная организация. Делегат Васильев вынужден был констатировать, что, декларировав в уставе свободные выборы, местные комитеты не смогли их провести из-за деструктивных действий эсеров-максималистов.⁵ Делегата Северо-Западной области поддержал Новгородцев, обративший внимание делегатов съезда на особые условия работы в Северо-Западном крае: «Благодаря присутствию среди местных работников т.н. максимализма, работа сильно затрудняется. Одни и те же вопросы освещаются с разных точек зрения, и на рабочих собраниях дело доходит

¹ Максимов послал свое письмо в редакцию газеты "Пролетарий" 6 августа 1905 года, Николай адресовал свое письмо от 16 апреля 1906 года видному работнику своей партии А.С.Аблецову в Одессу.

² См.: Переписка В.И.Ленина и ЦК РСДРП с местными партийными организациями. 1905-1907. Т.3, кн.2. С.186.; См.: ГАОО. Ф.883, оп.1, д.307. Л.115.; См.: ГАРФ. Ф.102, ДП ОО, 1905, оп.233, д.5, Ч.20. Л.124.

³ Эсеры-максималисты — фракционная группа партии эсеров с 1904 года и самостоятельная партия с 1906. Характерная черта теории максималистов — возможность немедленного перехода России к социализму. Программа — социализация земли и промышленных предприятий; тактика — индивидуальный террор и экспроприации. Наиболее известные террористические акции: экспроприация банковских денег в Фонарном переулке и покушение на П.А.Столыпина (1906). По социальной принадлежности максималисты — из средних и низших слоев. Лидеры — М.И.Соколов, Г.А.Нестроев, Н.И.Ривкин. Партия распалась в 1919 году. См.: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

⁴ Цит. По: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. С.161.

⁵ Протоколы 1 съезда ПСР. Петербург, 1906. С. 33.

иногда до того, что ораторы, если они оказываются сторонниками различных оттенков партийной мысли, вступают между собой в публичный спор, внося тем самым полную дезорганизацию в партийную работу».¹

Особенно острое положение в организациях социалистов-революционеров сложилось в Белостоке, Смоленске и Брянске. Белостокская организация вообще отказалась признать решения областного съезда и была исключена из партии в полном составе.² Смоленский рабочий союз ПСР принял перед областным съездом резолюцию, заключающую в себе анархистские тенденции. Смоленские эсеры признали возможность для членов партии частичной экспроприации частных капиталов и заявили об отрицательном отношении к программе-минимум ПСР.³ Со смоленскими максималистами поддерживали связь некоторые брянские пропагандисты. Об этом говорят данные Орловского губернского жандармского управления, и, прежде всего письмо, забытое возле почтового ящика на железнодорожной станции Смоленск неизвестной молодой женщиной. В этом письме, подписанном «Ваня», и адресованном «Любе» подробно описан процесс исключения брянских максималистов из партии.

В связи с большой научной значимостью документа представляется необходимым привести его полностью: «Здравствуйте, Люба! Привет от чертей, которые жмут Вам крепко руку! (...) Люба. Я и Миша еще околачиваемся здесь в своих старых гнездах. Причина остаться здесь очень обыкновенная и которую надо было предвидеть, но мы не знаем, как это мы ее выпустили из виду. В тот самый день, когда Вы уехали от нас, произошло «великое событие, которое будет отмечено на страницах революционного движения гор. Брянска». К---т, как будто бы только этого и ожидал, взорвался. Вспомогательным взрывчатым веществом служил Ал. Вы, пожалуй, подумаете, что под него была подведена мина или обыкновенная бомба, нет, ни то, ни другое, а просто-напросто максималисты, на которых взвалили всю вину гг. Ка--т. Они говорили, что из-за М... у них нет денег, из-за М... у них не светит их светлая звездочка, из-за М... не идет у них хорошо работа, и что все зло максим...: и потому их надо исключить, и тогда пойдет работа. И вот сбылось желание Ал., с которым он, наверное, не расставался и во сне. Теперь он торжествует, как победитель. Теперь не знаю, к счастью или к несчастью Вы уехали от нас. Мы начинаем работать автономно. Если вы поедете в П., то попросите кого-нибудь, если кому можно приехать к нам, то пусть приезжает. Работа будет хорошая. Вот какие причины задержали нас здесь, и потом задержат еще долго. Николай, как только узнал, что макс. исключили из Пар., так взял и уехал, и светлая звездочка и сейчас не светит и, пожалуй, не засветит».⁴ Как явствует из документа, инициатива раскола исходило от ортодоксальных социалистов-революционеров, подтолкнувших таким образом своих более нетерпеливых товарищей к террору.

После раскола местной организации и выхода из нее максималистов в Брянске и его окрестностях происходит ряд громких террористических актов и экспроприаций. Было произведено несколько покушений на жандармов: 11 октября 1906 года на станции Болва был ранен жандармский унтер-офицер Новиков, по подозрению в нападении был арестован рабочий Борисенков; 13 января 1907 года на той же станции был убит помощник пристава Надольский, убийцы скрылись; 13 февраля 1907 года был убит на посту городской Халюстин, на месте преступления задержаны рабочие А.А.Лизихин и Н.С. Столяров.⁵ Но самым крупным террористическим актом брянских максималистов стало убийство на Черном мосту 27 марта 1907 года жандармского ротмистра Аргама-

¹ Там же. С.233.

² См.: Там же. С.228.

³ См.: Протоколы 1 съезда ПСР. С.204.

⁴ ГАОО. Ф.883. оп.1, д.385. Л.330.

⁵ См.: ГАОО. Ф.883, оп.1, д.461. Л.34-35.

кова, начальника брянского отделения Московско-Киевского жандармского полицейского управления. На этот раз жандармерия оказалась на высоте: уже к 31 марта преступление было раскрыто, и один из боевиков, покушавшихся на Аргамакова, был убит в перестрелке с полицией в Льговской слободе.¹ Из всех дел нераскрытым оставалось только убийство помощника пристава Надольского о чем доносил начальнику ОГЖУ ротмистр Куприянов 13 февраля 1907 года² Вслед за своим помощником был убит и пристав Шестковский. В конце 1907 года в поселке Любохна были убиты городской Помазенко и жандармский филер Преображенский.³ Не обошли своим вниманием революционеры и заводскую администрацию: 6 октября 1906 года тремя выстрелами из револьвера был ранен мастер сборочного цеха Радицкого завода Андреев, прославившегося зверским отношением к рабочим; 21 октября 1906 года двое боевиков ворвались в больничную палату и добились Андреева.⁴ В 1907 году прямо возле конторы Бжицкого рельсопрокатного завода был убит заместитель директора Морозов, чуть позже произошло покушение на начальника электрического цеха.⁵

Кроме того, революционеры совершили неудачное нападение на поезд с кассой Мальцевского округа, а 28 февраля 1907 года был ограблен казначей Брянского арсенала, везший 10 332 рубля 60 копеек.⁶ Среди других громких экспроприаций следует назвать ограбление Супоневского волостного правления 1 октября 1906 года (похищены бланки паспортов и медная печать); радицкого торговца А. Акимова 18 октября 1906 года (взято 12 600 рублей); помещицы Брянского уезда Саловой 10 декабря 1906 года (взято деньгами 1220 рублей и ценными бумагами 3000 рублей).⁷

Разумеется, не все эти акции были делом рук эсеров-максималистов. Ограбление волостного правления было осуществлено Куракинской группой социалистов-революционеров, которым срочно потребовались паспорта. Убийство полицейских Помазенко и Преображенского лежит на совести людиновских социал-демократов. Кроме того, имеются сведения об организации в 1907 году в Брянске группы анархистов-коммунистов, которые также проводили террористические акты. Тем не менее, все приведенные случаи имеют нечто общее в своих мотивах и целях: сведение личных счетов⁸ и корыстный интерес.

Убийство пристава Шестковского переполнило чашу терпения царских властей, и в Брянск был командирован начальник Московского сыскного отделения А.Ф. Кошко,⁹ который выследил и арестовал не только убийцу Шестковского, рабочего Епихова, но и еще шестьдесят революционеров.¹⁰ По другим оценкам убийство пристава обошлось брянским революционерам в 500 арестованных, и местные организации РСДРП и ПСР фактически распадаются. Вся организованная революционная работа прекращается до 1910 года.¹¹ Местные жандармы арестовали убийцу полицейских Помазенко и

¹ См.: Там же. Л.34.

² См.: ГАОО. Ф.883, оп.1, д.461. Л.15.

³ См.: Из прошлого. С.31, 80.

⁴ См.: ГАОО. Ф.883, оп.1, д.461. Л.33

⁵ См.: Из прошлого. С.31.

⁶ См.: ГАОО. Ф.883, оп.1, д.461. Л.35 об.

⁷ См.: Там же. Л.34.

⁸ Показательно в этом отношении, что накануне похорон Помазенко и Преображенского в приготовленную могилу была подброшена дохлая собака. Полиции пришлось рыть новую могилу и расставлять вокруг нее посты. См.: Из прошлого. С.80.

⁹ А.Ф.Кошко родился в 1867 году в Минской губернии. В 1900 году стал начальником рижской полиции, с 1908 года — начальник Московской сыскной полиции. Выдающийся сыщик, задолго до Скотланд-Ярда применил дактилоскопию. Умер в 1928 году в Париже. К сожалению, командировка в Орел в воспоминаниях выдающегося русского сыщика не отражена.

¹⁰ См.: Из прошлого. С.31.

¹¹ См.: Из прошлого. С.41-42.

Преображенского С. Панова, а заодно разгромили людиновский кружок РСДРП.¹ Таким образом, террор брянских эсеров-максималистов привел к результатам, обратным желаемым. Вместо нового подъема революции он спровоцировал полный разгром революционных организаций на территории Брянского промышленного района. В этом проявилась деструктивность терроризма, который не считается ни с потребностями движения, из которого он вышел, ни с условиями исторической ситуации, а только со своими сиюминутными устремлениями. Можно сделать вывод, что терроризм считается только с собой, и в этом отношении единственным мотивом террора является сам террор.

Таким образом, можно считать доказанным, что мотивом действия может быть *само действие*. В конце концов, человеческая жизнь сама по себе есть пример такого действия. Разве не служит она мотивом для себя самой (что, конечно, не исключает возможности существования в ней и других мотивов)? Террор выступает для террориста в качестве главной и определяющей жизненной ценности, он является основным содержанием его жизни. Это не означает, что у террора не может иметь иных мотивов, кроме себя. Но если на начальном этапе жизненного цикла террора некий политический проект выступает в функции цели, под которую самоорганизуется и оформляется это явление, то позже ситуация может измениться. В дальнейшем политические требования начинают выдвигаться всего лишь в качестве момента ритуала или риторической фигуры террора, занятого исключительно собственным воспроизводством.

Гуларян Артем Борисович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Орловского государственного аграрного университета.

¹ См.: Там же. С.80-81.

П.П. МАРЧЕНЯ
МАССЫ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Отношение масс к известной идее — вот единственное мерило, по которому
можно судить о степени ее жизненности.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Между смутным чувством народной массы и высшими проявлениями национального творчества в искусстве и мышлении должна существовать ... закономерная
последовательность, связывающая всю народную жизнь в одно целое...

М.О. Гершензон

Государство сильно сознательностью масс.

В.И. Ленин

Вопросы, связанные с изучением места и роли масс и массового сознания в истории России, лишь сравнительно недавно, после весьма длительного перерыва, вновь стали осознаваться отечественными учеными в качестве актуальной проблемы исторического познания¹. Трудности соответствующих исследований (как конкретно-исторических, так и историко-методологических) в значительной мере обусловлены теоретической сложностью и неоднозначностью интерпретации самих концептов «массы» и «массовое сознание» в современном социально-гуманитарном знании.

Эти понятия, привлекающие все большее внимание историков, философов, культурологов, социологов, политологов, политиков, публицистов и прочих специалистов и неспециалистов, принадлежат в первую очередь психологам (в свое время позаимствовавшим категорию «масса» у физиков). Так, крупнейший современный отечественный авторитет по «психологии масс» Д.В. Ольшанский считает: «Поскольку понятие «массы» изначально было и остается психологическим, ключ к его пониманию можно найти только в психологической науке. Стержневым элементом психологии масс является массовое сознание. Вместе с массовыми настроениями и другими иррациональными формами стихийного поведения оно устанавливает то, что в целом определяется как психология масс. Признав, что массы — понятие функциональное, базирующееся на временном психологическом единстве образующих ее людей, мы признали тем самым, насколько трудно «пощупать» и определить массу субстратно-

¹ Характерным показателем можно считать диссертационные исследования по отечественной истории. Так, за последнее десятилетие только по специальности 07.00.02 — Отечественная история — посвящены непосредственно массовому сознанию 4 докторских (См.: Баранова Н.Б. Власть и воздействие на массовое сознание в тридцатые годы XX века. М., 1997; Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996; Лобачева Г.В. Монархическая идея в массовом сознании россиян, 1881-1917 годы. Саратов, 1999; Трифанков Ю.Т. Формирование массового сознания рабочих Центрального промышленного района России, вторая половина XIX — начало XX вв. М., 1999) и 6 кандидатских (См.: Володина Н.А. Идеология коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг. Пенза, 2002; Мусорина О.А. Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в 1920-30-е гг. Пенза, 2004; Червякова А.А. Власовское движение и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 2004; Чертищев А.В. Деятельность социалистических партий по формированию и развитию массового политического сознания в действующей армии России в годы первой мировой войны. М., 1996; Шагушина А.В. Массовое сознание российского провинциального пролетариата на рубеже XIX — XX вв. Владимир, 2006; Щеглов Ю.Н. Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х — начале 1980-х гг. Пенза, 2005). И это только диссертации по отечественной истории, где «массовое сознание» как предмет недвусмысленно сформулировано в заглавии. Но гораздо чаще в названиях диссертационных исследований *массового сознания* это словосочетание отсутствует. Например: Ямщиков С.В. Армейские массы в 1917 г. (на материалах Тверской губернии). Дис. ... канд. истор. наук. Тверь, 1995.

морфологически. Значит, единственно верным будет рассмотрение с другой стороны — со стороны ее внутренних, функциональных характеристик»¹.

Этимологически слово «масса» восходит к латинскому *māssa* — ком, глыба, гряда... — и употребляется не менее чем в 5 различных смыслах: 1) физическая величина, измеряющая количество вещества в теле, мера инерции тела по отношению к действующей на него силе («масса тела»); 2) тестообразное бесформенное вещество, густая смесь («расплавленная масса»); 3) нечто очень большое, сосредоточенное в одном месте («серая масса»); 4) множество, большое количество («масса литературы»); 5) широкие круги населения («знания — в массы»).

В специальной литературе² принято считать временем введения в научный оборот термина «массы» в последнем — обществоведческом смысле — примерно XVIII-XIX века и связывать это с аристократической критикой наступавших в ту эпоху социальных перемен в Европе. В качестве тех, кто первыми стали называть презираемые и в то же время пугавшие аристократов силы «толпами» или «массами» указывают, как правило, на идеолога английского консерватизма Э. Берка (1729-97) и французского религиозно-монархического философа Ж. де Местра (1753-1821). Первым широко признанным теоретиком масс считается французский ученый Г. Лебон (1841-1931), который в книге «Психология народов и масс» (1895) выдвинул один из основополагающих вариантов теории «массового общества», критикуя идеи социального равенства и рассматривая толпу как иррациональную разрушительную силу, подавляющую индивидуальность человека³.

Ко второй половине XX века в западной науке, по оценке американского социолога Д. Белла, сложилось уже не менее пяти методологических интерпретаций концепта «массы» в социальном аспекте. В зависимости от автора и контекста, под массой понималось: 1) «недифференцированное множество», типа совершенно гетерогенной аудитории средств массовой информации в противовес иным, более однородным сегментам общества (Г. Блумер); 2) «суждение некомпетентных», низкое качество современной цивилизации, являющееся результатом ослабления руководящих позиций просвещенной элиты (Х. Ортега-и-Гассет); 3) «механизированное общество», в котором человек является придатком машины, дегуманизированным элементом «суммы социальных технологий» (Ф.Г. Юнгер); 4) «бюрократическое общество», отличающееся широко расчлененной организацией, в которой принятие решений допускается исключительно на высших этажах иерархии (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маннгейм); 5) общество, характеризующееся отсутствием различий, однообразием, бесцельностью, отчуждением, недостатком интеграции (Э. Ледерер, Х. Арндт).

По более поздним оценкам, число трактовок расширилось как минимум до семи (хотя отдельные из них все равно пересекаются с типологией Д. Белла). В расширенной типологии массы толкуются: 1) как толпа (традиции Г. Лебона); 2) как публика (последователи Г. Тарда); 3) как гетерогенная аудитория, противостоящая классам и относительно однородным группам (Э. Ледерер и М. Арндт, например, считали массы продуктом дестратификации общества, своего рода «антиклассом»); 4) как «агрегат людей, в котором не различаются группы или индивидуумы» (Kornhauser, 1960); 5) как уровень некомпетентности, как снижение цивилизации (Х. Ортега-и-Гассет); 6) как продукт машинной техники и технологии (Л. Мамфорд); 7) как «сверхорганизованное» (К.

¹ См.: Ольшанский Д. Политическая психология. СПб., 2002. С. 367.

² Здесь и далее при анализе понятия «массы» и «массовое сознание» используется: Ольшанский Д. Политическая психология. СПб., 2002; Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2001; Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., 2002 (соответствующие статьи).

³ См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Он же. Психология толп. // Психология толп. М., 1999.

Маннгейм) бюрократизированное общество, в котором господствуют тенденции к униформизму и отчуждению.

Такое множество различных «теорий массового общества» приводит к тому, что, как подытожил Д.В. Ольшанский, в западных социальных науках понятие «массы», по сути, просто рассыпалось — и в силу своей неоднозначности, и в силу того, что в рациональной индивидуалистической культуре Запада рассыпались сами массы как некая сплоченная реальность. Согласно временно восторжествовавшему жестким требованиям неопозитивистской методологии науки, не верифицируемое и не операционализируемое понятие, посредством которого можно объяснять более чем один реальный феномен, вообще не имеет право на научное существование. Таким образом, (во всяком случае, на несколько десятилетий) наступает своего рода закат «эпохи масс» и их изучения в западной науке (хотя к концу XX в. интерес западных исследователей к феноменам масс и массового сознания вспыхнул с новой силой — С. Московичи, например, даже предлагает ввести новую научную дисциплину — «*массологию*»¹).

Как было сформулировано в 1987 г. уже в отечественной работе «Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования» Б.А. Грушина, «в отношении занимающего нас теперь предмета указанные изъяны отчетливо проявились в том, что массовое сознание было объявлено атрибутом так называемого «массового общества», стало рассматриваться в качестве исторической альтернативы классовому сознанию, якобы упраздняющей последнее (отсюда тезис Д. Белла о «конце идеологий») и, следовательно, знаменующей исчезновение — уже в рамках сегодняшнего капитализма — самого классового общества. Подобная жесткая связь с различными концепциями «массового общества» — этими типичнейшими образчиками современных *science fictions* (научных вымыслов) — отразилась на судьбе изучения массового сознания самым пагубным образом. С одной стороны, она воздвигла перед буржуазными исследователями всех направлений непреодолимые препятствия для строго объективного анализа рассматриваемого явления, раскрытия его действительной природы, подлинных механизмов возникновения и функционирования, фактических свойств и роли в жизни общества. С другой — вокруг проблемы массового сознания оказалось нагромождено великое множество всякого «теоретического» и идеологического вздора, разного рода обывательской чепухи, оформленной в виде научных рассуждений. Все это в значительной мере дезориентировало социологов-марксистов в отношении самого объекта исследования — массового сознания. Его искаженное до неузнаваемости отражение в зеркале буржуазной социологии послужило основанием для многих из них объявить массовое сознание, как и лежащий в его основании феномен массы, химерой, выдумкой. В результате вместе с водой из ванны выплеснули и самого ребенка...»²

Так Б.А. Грушин фактически стал первым из теоретиков «массового сознания» в СССР. Критикуя, согласно марксистской традиции, все «буржуазные теории» (без чего в то время, по понятным причинам, его монография не могла бы попасть в советскую печать), он вывел поставленную проблему из круга запретных для отечественной науки тем, подчеркнув: «...многие исследователи оказались по отношению к массовому сознанию в положении той печально известной старушки из притчи, которая, стоя перед вольером с жирафом, упорно отказывалась верить глазам своим и твердила: «Не может быть!» Между тем жираф, как известно, «может быть», он существует. Равно не является злонамеренной выдумкой классовых противников пролетариата и массовое сознание. Сам факт его объективного существования не может вызывать каких-либо сомне-

¹ См.: Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. См. также: Рошин С.К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня. //Психологический журнал. Т. 11. 1990. № 5.

² Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 12.

ний у непредвзятых наблюдателей, поскольку он без труда подтверждается длинным рядом явлений современной общественной практики, касающихся многочисленных форм массового поведения людей, функционирования общественного мнения, деятельности средств массовой информации и пропаганды и др.»¹

Нельзя не заметить, что, в отличие от западного, отечественное «доперестроечное» официальное общественное сознание вообще всегда недолго любило термин «массы». Даже в дореволюционную эпоху, еще при самодержавии, оно не без оснований остерегалось реальных масс, и, соответственно, не приветствовало сколько-нибудь продуктивных научных размышлений о них. В соответствии с европейскими аристократическими традициями, в России в конце XIX века были достаточно широко распространены теории «героя» и «толпы» (например, Н.К. Михайловский, 1882)². В период революционных событий начала XX века и, особенно, на время их кульминации в 1917 г., «масса» как лексическая единица становится одной из самых популярных в публицистике и политике России. Значительное место принадлежало этому слову и его различным вариантам также и в терминологии вождя и основателя советского государства. Но, приведя теоретиков и практиков классового подхода к власти, массы вскоре перестали для них существовать как на практике, так и в теории. Господство «класса» и «классового сознания» привело к фактической «отмене» «масс» и «массового сознания». Сформировавшаяся на базе марксистско-ленинской идеологии советская общественная наука стала избегать употребления этих понятий. До самого последнего времени в отечественных словарях практически невозможно было найти сколько-нибудь внятного определения понятия «массы». Только в упомянутом труде Б.А. Грушина массам была дана относительно строгая научная дефиниция. Они были определены как «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)»³. А так называемые «теории массы» уже в самом конце эпохи социализма советские социологи определяли следующим образом: «в буржуазной социологии и социальной психологии концепции, претендующие на объяснение поведения человеческих множеств, как правило, непрочных и случайных (в отличие от групп и классов), члены которых объединены лишь присутствием в одном месте в одно время и взаимодействие между которыми имеет характер взаимного усиления эмоций, взаимного заражения и т.п. (например, толпа зевак во время уличного инцидента)...»⁴

В современном общественном сознании, в том числе и в постсоветской России (например, в рамках активно заявляющей о себе политической психологии), происходит серьезный пересмотр социологических и культурологических концепций, которые ранее (более ста лет!) пытались описывать и объяснять социальные отношения с точки зрения возрастания роли масс, но при этом оценивали этот процесс как преимущественно негативный, как «патологию общества». Теперь доминирует тенденция рассмотрения масс как одной из естественных человеческих общностей (но, разумеется, отличающейся специфичностью своих функциональных характеристик).

Итак, под «массами» понимаются большие неструктурированные общности людей, которые принципиально важно отличать от групп, больших и малых, всегда так или иначе организованных и структурированных. Массы выступают как временные, функциональные общности, разнородные по составу, но объединенные значимостью психических переживаний входящих в них людей. Ситуативно возникающая общность переживаний в массе более важна, чем параметры приобщения к классическим соци-

¹ Там же. С. 14-15.

² См.: Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии. В 2 т. СПб., 1998.

³ Грушин Б.А. Указ. соч. С. 234-235.

⁴ Современная западная социология: словарь. М., 1990. С.181.

альным группам. Масса меняет поведение входящих в нее людей, стирая индивидуальные различия и трансформируя, нивелируя всю индивидуальную психику. К основным отличительным признакам индивида в массе относят: анонимность и исчезновение сознательной личности; преобладание бессознательного; снижение интеллекта и всей рациональной сферы; ориентация массой мыслей и чувств индивида в одном и том же направлении; тенденция к безотлагательному осуществлению внутренних идей.

Утрачивая индивидуальную ответственность за свои действия, соглашаясь стать частью целого («сливаясь с толпой», «растворяясь в массе»), взамен индивид обретает ощущение всемогущества и безответственности. Механизмами психологического влияния массы на индивида являются заражение (циркулярная реакция, эмоциональное «кружение»), подражание и внушение (суггестия). Давно подмечено, что «суггестия более властна над группой людей, чем над одиночкой, а также если исходит от человека, как-то олицетворяющего группу, общество и т.п., или от непосредственных словесных воздействий группы людей (возгласы толпы, хор и т.п.)»¹.

На фоне заражения («самозаражения») массы, суггестивное влияние на нее оказывают («движут массой», «ведут толпу») лидеры, на роль которых выдвигаются, как правило, лишь люди особого психологического склада. Это так называемые «вожаки», к которым (согласно типологии, разработанной Г. Лебоном) относятся следующие специфические типы: 1) убежденные «апостолы» неких верований и идеологических учений; 2) «случайные фанатики» одной идеи, «помощники апостолов»; 3) «дегенераты-аутсайдеры», ущербные — физически, умственно или социально — личности (защитники тех доктрин, которые обещают лично им лучшую будущность); 4) «диктаторы»...

Вожаки и массы не возникают в нормальном социуме просто так, ни с того ни с сего. Роль масс в обществе становится заметной, только когда рушатся групповые связи и межгрупповые границы, когда общество деструктурируется, дестратифицируется, «перемешивается», переживая период своеобразного «социотрясения». Такое происходит в периоды всевозможных социальных катаклизмов: войн, революций, политических переворотов, системных экономических кризисов, поспешных крупномасштабных реформ и иных «великих перемен». «Массы» есть категория нестабильного, кризисного общества и «смутного» времени. Для анализа стабильного общества адекватны более привычные понятия социального знания («группы», «страты», «классы», «слои» населения) Вот почему В.И. Ленин, например, активно использовал понятие «массы» для анализа революционного периода, но применял совсем иные категории, рассматривая стабильное (дореволюционная монархия) или стабилизирующееся (после утверждения большевиков у власти и окончания гражданской войны) общество.

В «нормальном» — организованном, структурированном — обществе, в сознании и поведении образующих его людей существуют относительно четкие психологические границы, возникающие в связи с принадлежностью людей к тем или иным устойчивым социальным группам. Каждый знает свою «территорию», сознает «социальную межу» и редко нарушает исторически сложившиеся в социуме демаркационные линии. Однако стоит случиться какому-то крупномасштабному социально-политическому потрясению («социальному взрыву»), как эти границы рушатся. Тогда люди сбиваются в спонтанно возникающие множества и образуют неструктурированную массу, а их психика и поведение приобретают массовый — дезорганизованный, стихийный — характер. Причем исследователи отмечают, что масса оказывает на индивида не обязательно всегда лишь негативное влияние. Если отдельный индивид руководствуется личным интересом, то масса свободна от него. Она может быть направлена как в криминальную, так и бескорыстную стороны, способна и на преступление, и

¹ Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история: (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества). //История и психология. М., 1971. С. 12.

на подвиг. Массе свойственна тяга к разрушению, но ею может двигать и одухотворенность высокими идеалами.

Таким образом, *массы* суть, прежде всего, носители особого — *массового* — сознания. Главное отличие масс от классически выделяемых социальных групп, страт, классов и слоев общества заключается в наличии специфического, коллективного, самопорождающегося, неорганизованного и плохо структурированного сознания. Это один из видов общественного сознания, его социально активная, ситуативно проявляющаяся ипостась. Массовое сознание признают обыденной разновидностью общественного сознания, наиболее реальной и конкретной формой его практического существования и воплощения, психически объединяющей представителей разных классических групп общими переживаниями. Такие переживания возникают при особых обстоятельствах, объединяющих членов разных групп и одинаково для них значимых, причем значимых настолько сильно, что эти переживания приобретают надгрупповой характер. Следовательно, массовое сознание определяется как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых), однако вовсе не сводится к ним. Это новое качество, возникающее из совпадения (и, как правило, еще и нездорового обострения, социальной гипертрофии) отдельных фрагментов психологии деструктурированных по каким-то причинам «классических» групп.

В массовом сознании запечатлены знания, представления, нормы, ценности и образцы поведения, разделяемые той или иной (возникающей по тем или иным обстоятельствам) совокупностью индивидов — массой. Они вырабатываются в процессе общения людей и совместного восприятия ими значимой социально-политической информации (скажем, в ходе политических митингов и демонстраций, или «массовых беспорядков»). Согласно такому взгляду, массовое сознание отличается, во-первых, общесоциальная, а не только групповая типичность всех образующих его компонентов. Во-вторых, его отличает их общесоциальное признание, санкционированность той или иной массовой общностью. Поэтому массовое сознание представляет собой надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, однако индивидуальное по форме функционирования сознание. Хотя массовое сознание формально и реализуется в массе индивидуальных сознаний, но по смыслу оно не совпадает содержательно с каждым из них в отдельности. Причем для зарождения и функционирования массового сознания как такового совершенно не обязательно наличие совместной деятельности членов общности («массы»), что традиционно принято считать неизменным условием появления классических вариантов группового сознания.

В структуре массового сознания исследователями выделяются первичный (эмоционально-действенный) и вторичный (рациональный) уровни (условно их можно определить как «психологию» и «идеологию»). Эмоционально-действенный (психологический) уровень является основой производства и самовоспроизводства массового сознания. В фундаменте его обычно лежит яркое болезненное эмоциональное переживание социально значимой проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность и напряженность в обществе. Крайняя степень переживания проблемы (ее острота, длительность и интенсивность) выступает как системообразующий фактор массового сознания. Такое переживание, проявляясь в сильных эмоциях и чувствах, заслоняет собой все другие, привычные правила жизни — обычные («нормальные») групповые нормы, ценности и образцы поведения. Оно порождает «ненормальную» потребность в немедленных действиях — потому и признается эмоционально-чувственной основой (иногда — «ядром») массового сознания. Например, когда начинается война или революция, у части людей (как раз и формирующей данную массу) возникает состояние своеобраз-

ной аномии, разрушения в сознании традиционных норм поведения. Новая ситуация освобождает от привычных социальных ролей и обязанностей — теперь можно и даже нужно «все бросить» и немедленно куда-то бежать, кого-то «бить и спасать».

Действенным проявлением массового сознания является *массовое поведение*, однако не всякое, а в основном стихийное — неорганизованное, но одинаковое и относительно необычное внегрупповое поведение значительных общностей, ситуативное и временное, связанное с особыми обстоятельствами. Хрестоматийными примерами стихийного массового поведения являются агрессия или, напротив, паника в периоды войн и бунтов. Массовое поведение зависит от того, какой из двух основных уровней (эмоционально-действенный или рациональный) возобладает в массовом сознании. В зависимости от этого оно будет более или менее стихийным или поддающимся управлению. Поведение масс зависит также и от эффективности (объема и качества) внешнего воздействия, оказываемого на массовое сознание. В принципе, до определенных моментов сознание масс (и, соответственно, массовое поведение) обычно податливо решительному внешнему воздействию. Развитие массового сознания зависит от масштаба охвата людей общими психическими состояниями, определяемыми социально-политическими и социокультурными причинами. Созревая первоначально в рамках традиционно выделяемых групп, отдельные компоненты массового сознания распространяются подобно эпидемии, захватывая («заражая») представителей иных групп и слоев общества, тем самым увеличивая массу, причем иногда (как это и произошло, например, в России 1917 года) в геометрической прогрессии, лавинообразно.

Основные свойства и характеристики массового сознания описаны достаточно давно и детально. Оно эмоционально, заразительно, мозаично, подвижно и изменчиво. Массовое сознание всегда конкретно. Как правило, оно неоднородно, аморфно. Д.В. Ольшанский называет массовое сознание своего рода внеструктурным «архипелагом» в социально-групповой структуре общественного сознания, имея в виду, что образование это не устойчивое, а как бы «плавающее» в составе более широкого целого. Сегодня этот архипелаг может включать одни острова, но уже завтра — совсем другие. Это особого рода, как бы «надгрупповое» сознание, ситуативное производное от общественного. В качестве ведущих макроформ массового сознания выделяют общественное мнение и массовые настроения (не сводимые к традиционно фигурировавшему в советском обществознании «общественному настроению»¹), которые сплачивают массу и определяют ее действия (вначале иницируя, а затем и регулируя социально-политическое поведение).

Из всего выше сказанного нельзя не заметить, что, несмотря на всю полисемантическую и междисциплинарность понятий «массы» и «массовое сознание», серьезное изучение реалий, лежащих в их действительной основе (в том числе и сугубо в исторической форме) является одной из наиболее востребованных жизнью задач современной науки.

Отечественное социально-научное сообщество оказалось перед необходимостью решения этой задачи во многом в связи с началом «перестроечных» изменений в социалистическом социуме и пересмотром достижений западного обществознания времен «холодной войны». Неудивительно, что быстрее всех откликнулись философы и социологи². Цитированная выше работа Б.А. Грушина считается первой отечественной со-

¹ Современная концепция массовых настроений разработана Д.В. Ольшанским. Наряду с его уже указанными работами см. также: Ольшанский Д.В. Массовые настроения переходного времени. //Вопросы философии. 1992. № 4 — Ср.: Парыгин Б.Д. Социальное настроение как объект исторической науки. //История и психология. М., 1971.

² См., напр.: Хачатурян А.Б. Философский анализ массового сознания — условие духовного обеспечения перестройки. //Вопросы философии. 1987. №9.

ветской работой, специально посвященной непосредственно массовому сознанию¹. Но уже очень скоро, в бесплодных спорах о прошлом и будущем в социальной практике стремительно разваливавшейся советской империи, теории вынуждены были признать: «Да, сталинизм — это структура, структура бытия какого-то массового сознания. Какого же именно? Это вопрос вопросов. Это проблема сугубо современная, актуальнее которой нет, но решить которую можно только в исторической форме»² (здесь и далее — курсив мой — П.М.).

Однако не секрет, что историческая наука, в свою очередь, по самой своей сути всегда была и будет куда более консервативна, чем другие — сравнительно молодые и бурно развивающиеся — социально-гуманитарные дисциплины. Тем не менее, наши историки, хотя и не без опаски, постепенно и с осторожностью, но все же стали значительно чаще употреблять ранее так «скомпрометированный» всевозможными «буржуазными теориями» термин «массовое сознание».

Злободневность этой темы на рубеже XX-XXI вв. обусловила появление целого комплекса отечественной специальной литературы, посвященной массовому сознанию: монографических исследований³, коллективных монографий и сборников⁴, специальных учебных пособий⁵, обзоров⁶ и т.д. Если публицисты, социологи и политологи начали активно использовать концепты масс и массового сознания преимущественно как универсальный теоретический и практический инструмент для анализа и корректировки новых социально-политических реалий постсоветского общества⁷, то историки стали наконец-то обращать внимание на эту проблему в самых различных научно-исторических контекстах (этнополитическом⁸, историографическом⁹, методологическом¹⁰, конкретно-историческом¹, наглядно-иллюстративном², источниковедческом³ и т.д. и т.п.).

¹ Хотя отдельные философские работы были и ранее — см., напр.: Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; Соотла Г.А. Основные тенденции развития массового (стихийного) сознания пролетариата при капитализме: (Методологический аспект). Дис. ... канд. филос. наук. М., 1982; Дилгенский Г.Г. Марксизм и проблемы массового сознания. // Вопросы философии. 1983. №11; Догалаков А.Г. Массовое сознание: понятие, структура, функции. // Актуальные проблемы философской и правовой науки. Алма-Ата, 1984.

² Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права. // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 163.

³ См.: Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание. Проблемы формирования и развития. Киев, 1991; Спивак Д.Л. Измененные состояния массового сознания. СПб., 1996; Туманов С.В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение: (Опыт интегративного анализа). М., 2000; Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. М., 2001.

⁴ См.: Социальный идеал и массовое сознание: историко-культурное исследование. М., 1992; Структура общества и массовое сознание. М., 1994; Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. М., 2002; Массовая коммуникация и массовое сознание. М., 2002; Массовое сознание и массовая культура в России: история и современность. М., 2004.

⁵ См., напр.: Психология массового сознания: краткое учебное пособие. М., 2005.

⁶ См., напр.: История социалистических идей и стереотипы массового сознания: Сборник обзоров. М., 1990.

⁷ См., напр.: Киселев К.В. Элиты и массы в политическом процессе. // Социокультурные проблемы политической власти в России. Ч. 3. Екатеринбург, 1993; Бойков В.Э.; Ожиганов Э.Н. Россия перед парламентскими выборами: ценности массового сознания и политическая дифференциация избирателей. // Социология власти. М., 1999. № 2/3.

⁸ См., напр.: Буховец О.Г. Союз РБ-РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией. М., 2003.

⁹ См., напр.: Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII в. (1945-1993 гг.). Брянск, 1995.

¹⁰ См., напр.: Трифанков Ю.Т. Массовое сознание рабочих от зарождения до 1917 года в курсе истории России. Брянск, 2000.

Как уже было подчеркнуто, «массовое сознание» (и как онтологический феномен, и как гносеологическая категория) в первую очередь отражает исторические реалии системных кризисов общества — войн, смут, бунтов, революций. Известно, что российская история богата на подобные события — возможно, как никакая другая. Но даже на отечественном — перенасыщенном социальными потрясениями фоне, в качестве особо важного для исторического изучения поставленной проблемы выделяется период сразу двух подряд «Великих Русских революций» 1917 года — «Февральской буржуазно-демократической» и «Октябрьской социалистической». Массы и массовое сознание этого времени отразили резонанс грандиозных «социопотрясений», когда воедино слились одновременно: тяжелейшая модернизация традиционного патерналистского общества, глубокий кризис Православия, затянувшаяся мировая война, внезапная гибель монархии, экономическая разруха, тотальная ценностная дезориентация в результате потери «почвы», смуты и революции... Всего восемь месяцев от Февраля к Октябрю сконцентрировали в себе эпохальные исторические пласты: обвал многовековой самодержавной системы, попытка установление никогда ранее невиданной в России демократии, полный крах этой попытки, выразившийся в анархии, охлократии, безуспешной попытке путча «справа» и, наконец, в успешном установлении диктатуры «слева».

Именно в этот, уникальный в намеченном контексте период, русское массовое сознание, по мнению многих очевидцев и исследователей, фактически оказалось подлинной доминантой глобальных политических событий в России, и тем самым повлияло на судьбы всего мира. Некоторые авторы даже высказывают мысль о том, что тогда, в результате этой своеобразной «победы массового сознания», «... не Ленин и Троцкий пришли к власти, а сама *масса*, душа которой всегда наполнилась анархическими инстинктами...»⁴ Подобная оценка иностранца созвучна вердикту русского автора, очевидца и участника описываемых событий: «В условиях русской жизни 1917 года, при отсутствии вполне четко сложившейся и организованно построенной социальной базы государственной власти, заменить такую базу могли только «массы», сознательно сплоченные демагогическими лозунгами: не определенный класс, а именно «массы». Захват этими «массами» в октябре 1917 года власти и знаменует собою подлинную Революцию»⁵.

Таким образом, в центре внимания настоящей статьи находится не просто массовое сознание, но его значение, роль и место в политической истории Февраля-Октября 1917 года как специальный предмет конкретно-исторического познания русской революции.

Как уже было отмечено, в советской историографии приветствовалось изучение соответствующих тем в фокусе выявления не масс и массового сознания, а классов и

¹ См., напр.: Поляков Ю. Почему мы победили?: О массовом сознании в годы войны. //Свободная мысль. 1994. № 11.

² См., напр.: Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании. //Отечественная история. М., 1994. № 2.

³ См., напр.: Знаменский О.Н. Дневниковые записи современников о массовом движении и социально-психологической атмосфере в дни Февральской революции в Петрограде. //Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). Л., 1987; Поршнева О.С.; Поршнев С.В. К характеристике менталитета народных масс России: революция 1917 г. в фокусе массового сознания: (Опыт статистического анализа писем рабочих, крестьян и солдат в центральные органы советов рабочих и солдатских депутатов). //Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. Чебоксары, 1999.

⁴ Высказывание барона А. Фрейтаг-Лорингховена. Цит. по: Германия и русская революция 1917-1924. М., 2004. С. 87.

⁵ Лукьянов С.С. Революция и власть. //В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 279.

сознания классового. Тем не менее, на закате СССР в советской истории наблюдался некоторый всплеск интереса к массам в революционном контексте¹. Провозглашение «демократизации» и «гласности» делает возможным опубликование отдельных работ западных историков в советской научной периодике². После традиционного полного замалчивания и анонимного огульного отрицания результатов «псевдонаучных исследований» классово чуждых зарубежных историков (ранее долгие годы пытавшихся лишь всячески «оболгать и опорочить самое святое» в советской истории — нашу «Великую Октябрьскую социалистическую революцию»), в конце 80-х годов выходит целая серия работ по критическому переосмыслению «буржуазной историографии Октября», впервые давших возможность многим отечественным историкам хотя бы так ознакомиться с соответствующими концепциями и составить собственное мнение по их поводу³.

В октябре 1988 г. Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» под руководством П.В. Волобуева провел «судьбоносный» для рассматриваемой темы «круглый стол» историков Октября, где приняли участие Г.З. Иоффе, Ю.И. Кораблев, В.И. Старцев и другие маститые советские историки. Именно там, в докладе В.П. Булдакова, было подчеркнуто не потерявшее своей актуальности и по сей день и исключительно важное в контексте нашего исследования положение о том, что в исследовании революции 1917 г. именно «...развитие революционного сознания масс ... заслуживает первостепенного изучения. Таким образом, без изучения массового сознания революционного народа нельзя ни восстановить глубинную суть событий Октября, ни преодолеть связанный с осмыслением их последствий современный кризис исторического сознания»⁴.

В принятой затем «Комплексной программе Исследования по истории ВОСР Научного совета АН СССР» в качестве принципиально значимых направлений дальнейших исследований были сформулированы, в частности, следующие: «*Революционное сознание и социальная психология народных масс. Социальное творчество масс и роль их собственного политического опыта. Соотношение сознательности и стихийности в движении масс*» («Основная проблематика исследований. Раздел 1. Пункт 12»)⁵.

На сегодняшний день процитированный выше В.П. Булдаков заслуженно считается крупнейшим в России специалистом по проблемам, связанным с изучением массо-

¹ См., напр.: Бугаев Е.И. Ленин, партия, массы. //Коммунист Украины. Киев, 1984. № 4; Соколов Р.Н. Рабочий класс, его революционный авангард и массы. //Вопросы истории КПСС. 1984. № 11; Метельков П.Ф. В.И. Ленин и борьба партии за массы в период подготовки социалистической революции. //Ученые записки кафедры общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. 1986. Вып. 25 (См. там же и работы других авторов — практически весь выпуск посвящен борьбе большевиков «за массы» — прим П.М.); Баркова Р.С. Партия и массы: диалектика взаимоотношений. //Вопросы истории КПСС. 1987. № 3; Бабаева Н.П. Борьба за массы в трех российских революциях. //Вопросы истории КПСС. 1988. № 9; Шитилов Л.А. Октябрь: борьба большевиков за массы и демократизацию страны. //Вопросы истории КПСС. 1990. № 8; Партия и массы в свете ленинской концепции (конец XIX в. — 1920-е годы). Ярославль, 1991.

² См., напр.: Рабинович А. Большевики и массы в Октябрьской революции. //Вопросы истории. 1988. № 5.

³ Булдаков В.П., Скворцова А.Ю. Пролетарские массы и Октябрьская революция: (Анализ современной западной историографии). //История СССР. 1987. № 5; Канищева Н.И. Большевики и массы в Октябре. Трансформация версий западногерманской буржуазной историографии. //Вопросы истории КПСС. 1987. № 9; Кувшинов В.А., Луговская Е.П. Большевицкая партия и массы в Октябре: критический анализ буржуазной историографии. //Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Скворцова А.Ю. Пролетарские массы и партия большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции: (Критический анализ буржуазной историографии 80-х гг.). //Современная буржуазная историография советского общества. М., 1988.

⁴ См.: Россия 1917 год: выбор исторического пути. М., 1989. С. 124.

⁵ Там же. С. 276.

вого сознания в революции 1917 г., по истории психологии (или «психопатологии») «Красной смуты»¹. В недостаточности внимания историков революции к массовому сознанию ее участников заключается, по его мнению, основная причина того, что «...революционный процесс «обезлюдел» — в смысле не только отсутствия в нем человеческих особей определенного возраста и пола, но и обжитой ими культурной среды». Указывает он и на типичные трудности, с которыми сталкивается отечественный исследователь, предметом исторического познания избравший именно массовое сознание: «Представляется, что при анализе *массового сознания* в условиях кризиса Российской империи историк оказывается лишен права выбора: описание патерналистской системы вообще немыслимо без анализа «движений души» (вплоть до истерик и психозов) ее подданных. Но как связать свидетельства «маленького человека» с психоментальными изменениями в жизни народов и глобальными их последствиями? Трудно надеяться, с другой стороны, что читатель предпочтет знакомой «истории без людей» (но с «королями») заземленную, пусть достоверную, историю «себе подобных». К тому же впечатляющий «голос революции» в лице всевозможных декретов и резолюций, на который привыкли реагировать историки, как всегда, заглушает невнятный, но мощный «глас народа», складывающийся из надежд и наветов, подобострастия и бунтарства. Историки в большинстве своем не научились различать многомерности уже известной источниковой базы, не говоря о введении в оборот гигантских пластов документов неполитического происхождения, на которые долгое время вообще не обращалось внимание»².

Нынешний председатель Научного совета РАН «История революций в России» С.В. Тютюкин, будучи сторонником «сбалансированного и разностороннего взгляда на революцию 1917 г.», ключ к разгадке тайн которой «нельзя искать ни в чисто материальных факторах, ни в человеческой психологии, ни в личностях политических лидеров. Все это нужно рассматривать в комплексе...», также полагает значимым продолжение исследований массового сознания и массовых настроений, сыгравших огромную роль в событиях 1917 г., в условиях, когда «Первая мировая война окончательно добила самодержавие, а власть Временного правительства оказалась слишком слабой, чтобы удержать разбушевавшуюся народную стихию в рамках закона. Миллионы людей, многие из которых в условиях военного времени получили в руки оружие, потеряли привычную ориентацию, перестали верить в завтрашний день, обрели чувство вседозволенности. Нетерпение, эгалитаризм, ненависть ко всем «буржуйам», постоянная психическая взвинченность и неуравновешенность — вот доминанта массовых настроений 1917 г. И совершенно очевидно, что кончиться это могло только взрывом»³.

Современным исследованиям масс и массового сознания в революции 1917 г. в немалой степени поспособствовали организация и проведение целого ряда прямо корреспондировавших с данной проблемой весьма представительных научных конференций, теоретические и практические результаты которых были оформлены соответствующими изданиями, в свою очередь, стимулировавшими дальнейший интерес к теме⁴.

¹ См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Он же. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект). //Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996 и мн. др. его работы.

² Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники. //1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 20, 19.

³ См.: Тютюкин С.В. Вместо предисловия. //1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5-7.

⁴ См., напр.: Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996.

Многие публикации сегодняшних зарубежных и отечественных историков о «массах» имеют непосредственное отношение к поставленной в настоящей статье задаче¹.

И все же в отечественной историографии истории революции 1917 г. работ, которые *специально и непосредственно* посвящены *массовому сознанию*², пока совсем не так много, как заслуживает этого сама тема³.

По этому поводу еще В.И. Миллер в знаковой программной статье «Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны» подчеркивал: «Тема, обозначенная в названии статьи, насколько я знаю, до сего времени не становилась предметом специального исследования⁴. На протяжении десятилетий, если речь шла о периоде революции и гражданской войны, обычно писали о важнейших событиях этого времени, об их экономических и политических предпосылках и причинах, о влиянии этих событий на жизнь общества, на его экономику, на характер и способы функционирования государственных и партийных учреждений. Вместе с тем, обычно обходился тот факт, что между объективно существовавшими классовыми и групповыми интересами и действиями соответствующих классов и групп лежал (и поныне лежит) «промежуточный компонент» — сознание этих общностей, достаточно сложное по своему составу»⁵.

Таким образом, феномен массового сознания в революциях 1917 г. вряд ли можно отнести к числу исчерпавших себя тем, — более того, данную проблему без преувеличения можно считать одной из ключевых для современного научно-исторического осмысления русской революции в целом и построения ее теоретической модели, обладающей высоким ресурсом как эвристического, так и дидактического потенциала.

Именно «масса» в условиях безвластия официальных структур в 1917 г. ситуативно все чаще стала выполнять функции фактического органа власти, прибегая к тра-

¹ См., напр.: Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917—1918 гг. //Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социальный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. //Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996; Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны. //Вопросы истории. 1996. № 7.

² См.: Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. //Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Миллер В.И. Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны. //Осторожно, история! М., 1997; Поршнева О.С.; Поршнев С.В. Указ. соч.; Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901-1917 гг.). //Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. Вып. 4; Марченя П.П. Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 года) //Постмодерновый мир и Россия. Волгоград, 2004; Он же. Имперская идея и массовое правовое и политическое сознание в России //Имперские предчувствия России. М., Волгоград, 2005; Он же. Российская многопартийность в зеркале массового сознания (на материалах 1917 г.) //Вестник Московского университета МВД России. 2006. №2. и другие работы автора.

³ *Прим. П.М.*: Хотя в данном случае дело существенно осложняется неоднозначностью соответствующей терминологии. При анализе историографии поставленной проблемы нельзя забывать о том, что зачастую вместо понятия «сознание» (но, фактически, в том же самом значении) используются и иные понятия. — Ср., например, термин «менталитет» (См., напр.: Менталитет и политическое развитие России. М., 1996; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000). Об опасности тавтологии в связи с этим некоторые западные авторы предупреждали еще в конце 80-х годов XX в. (См.: Fitzpatrick S. New Perspectives on the Civil War // Party, State, and Society. P. 11-12). На это же обращает внимание, и, в частности, В.П. Булдаков (См.: Булдаков В.П. Красная смута... С. 323, 333).

⁴ *Прим. П.М.*: Это не совсем так. Как уже отмечалось, были и ранее отдельные работы, близкие по теме. См. также, напр.: Емельянова И.А. Революционное правосознание и правотворчество народных масс в период от Февраля к Октябрю 1917 года. Казань, 1967; Тепляшина Е.И. Большевики и формирование революционного сознания масс в канун Октября. //Исторический опыт формирования нового политического мышления и современность. М., 1989.

⁵ Миллер В.И. Указ. соч. С. 136.

диционно свойственным ей методам массового насилия, что привело к стремительному росту погромного движения в городах и селах России. И тогда история недвусмысленно продемонстрировала, как опасно бывает игнорирование «коллективного бессознательного» со стороны «рациональной политики». Как подметил еще Дж. Рид, «в отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом наступает момент, когда каждый акт власти доводит *массы* до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу»¹.

«Элиты» недооценили «массы», и это стало роковой ошибкой новой власти. По точному выражению Н.А. Бердяева, в условиях русской революции «взбунтовавшимся *массам* нужно было дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться, нужны были выражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением»². Причем решение этой задачи было облегчено тем, что большевики «не придумывали основные лозунги революционной волны — Земли и Мира: они подхватили лозунги *массы*, причем массы, в большинстве своем вовсе не имевшей представления, что такое социализм, либо имевшей о нем смутное «заведомо утопическое понятие»³.

Навязчивая избыточная пропаганда «демократии» на словах, не подкрепленная реальными делами, закономерно вызвала обратный эффект — резко негативную, нигилистическую реакцию масс (известный «эффект бумеранга»). В сознании масс, разочарованных беспомощностью «демократии» в решении всех важнейших вопросов, стоящих перед властью, развращенных практически полным беспорядком, утвердившимся по всей стране на фоне «риторического половодья» властей и партийных функционеров, стали безоговорочно доминировать экстремистские настроения. И настроениям этим более других соответствовали радикальные лозунги партии большевиков, призывавших к решению всех жгучих вопросов того времени немедленно и насильственно, что не могло не находить живейшего отклика в психологии уличной толпы. Это объективно явилось подтверждением успешности тактики ленинцев, которые, в отличие от своих аморфных и болтливых соперников, не только не боялись насилия, а, напротив, всячески стремились придать ему массовый характер. Сам В. И. Ленин откровенно подчеркивал: «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие *массы* и обеспечивали бы это участие»⁴.

В архивах сохранились обзоры Главного Управления по делам милиции МВД Временного правительства, в которых специалистами дан аутентичный анализ поэтапного перерастания демократических перемен в типичные формы деструктивного поведения масс (различные «эксцессы», захваты, самосуды, погромы, и, наконец, фактически антигосударственные выступления). В качестве «питательной среды» анархических настроений масс и массового поведения чиновники МВД указывают на «общую дезорганизацию жизни во всех ее сферах, отсутствие правовой охраны личности, колоссальный сдвиг в плоскости социальных отношений, наконец, сознание полной безнаказанности попирания закона и чужих прав...», «развившуюся на почве ненормальных условий жизни чрезвычайно повышенную *нервную возбудимость масс*, в силу которой один вид не только арестованного, но даже просто бегущего человека, пробуждает в толпе инстинкт преследования». По мнению аналитиков, всевозможные рожденные революцией местные организации власти на деле просто передали «в целом ряде мест власть в руки уличной *толпы*, что очень скоро привело к *анархии*». Погромы, охватившие в ре-

¹ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Вильямс А.-Р. Путешествие в революцию. М., 1987. С. 81.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.

³ Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. Социализм и «культ личности». М., 1991. С. 16.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 386.

зультате всю «демократическую Россию (постепенно превращавшиеся в один «всероссийский погром») самым причудливым образом (как это и свойственно массе) перемешали прежние социальные группы в «массы». Они «объединяли погромные черносотенные элементы дореволюционного времени с последователями самых крайних левых течений. *Политические организации перестают владеть настроениями масс, и это порождает анархию слева и контрреволюционные настроения справа...*» Сами массы начинают уставать от безвластия. Доходит до того, что некоторые волостные комитеты сделали официальные заявления Временному правительству «о желании видеть восстановление власти Николая II». Излюбленными объектами «революционных выступлений» разочаровавшихся в политике масс становятся склады спирта и винные погреба. Посланные на усмирение солдаты очень часто охотно примыкают к бесчинствующей массе. Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих (массовое сознание для этих важнейших групп населения на практике оказывается значительно более значимо, чем «классовое»): «Все чаще и чаще разгром направляется на винные склады и пьяная толпа своими бесчинствами терроризирует население городов. Одновременно аграрное движение приобретает характер продовольственных эксцессов и, перебрасываясь в города, сливается с солдатским погромным движением в один широкий поток»¹, — подводят документальные итоги обзора эксперты МВД.

Как посетовал кадетский историк П.Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции», русский народ, традиционно являвшийся «объектом интеллигентских утопий» и оцениваемый, с точки зрения последних, то как «народ-богоносец», то как «народ-зверь», в революции 1917 г. «предстал перед наблюдателями его психоза почти как какая-то другая низшая раса». Причем одним из главных факторов неудачи «демократии» в России главный идеолог российского либерализма считает «*бессознательность и темноту русской народной массы*, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне своевременными, а частью даже осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности»². Но что же мешало П.Н. Милюкову — не как рефлексирующему историку, а как реальному политику — вовремя считаться с массовым сознанием именно *своего народа*, а не какого-то абстрактного «*более подготовленного*»? Разве не заметно было сразу, что все и сам язык, и все базовые ценности совершенно оторванной от народной почвы «Партии Народной Свободы» не просто были «страшно далеки от народа», но и входили в прямую конфронтацию с массой? Причем происходило это отнюдь не в тиши кабинетов мирного времени, а в конкретно-исторической ситуации войны и революции, когда, даже по свидетельству народно-пролетарского писателя М. Горького, «*русская стихия*» — психология *русской массы* — сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной»³.

Не многим мудрее кадетствующим интеллигентам проявили себя в отношениях с массами и представители основных «партий революционной демократии» — меньшевики и эсеры. По меткому наблюдению современника, в проповеди социализма, с одной стороны, и в попытках удерживать массы от его «осуществления», с другой, была

¹ См.: ГА РФ. Ф.1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151 Об., 152, 153 Об.

² Милюков П.Н. История второй русской революции //Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 275-276.

³ Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 185.

заклучена «безысходная, самоубийственная противоречивость», характеризующая идеологию и деятельность всей революционной демократии¹.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не сумели или не пожелали согласовать свое политическое поведение с вырвавшейся на улицы стихией масс. Откладывая меры по решению неотложных проблем, занимавших важнейшее место в сознании большинства, они отдали инициативу большевикам, которые воспользовались просчетами безвольных оппонентов, стремясь еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений. Ленинцам удалось превратить сферу массового сознания в полигон для решающей схватки за власть, а массы — в орудие, оказавшееся способным взломать легитимные структуры и придать готовящемуся перевороту нравственное оправдание и масштабы общегосударственной революции. Как пояснял сам В.И. Ленин, «победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил... умелом использовании... всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе *массового* союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и научном, современном, социализме вообще...»²

Современные историки отмечают, что «большевизм явился не просто национальной стилизацией марксизма, он был в подлинном смысле слова русским, национальным марксизмом — *не в области интеллектуальной доктрины, но в содержании своего обращенного к автохтонным массам призыва*. «Национализацией» марксизма была обеспечена его адекватность России, создана «сцепка» с русскими архетипами, вызвавшая беспрецедентную социополитическую и социокультурную динамику русской революции и русского коммунизма»³.

Исторический анализ массового сознания, массовых настроений и массового поведения от Февраля к Октябрю 1917 г. наглядно доказывает, что недостаточное внимание к массовым реалиям со стороны политических элит, пытавшихся без соответствующей идеологической «прививки» и без учета психологии русского народа внедрить в индивидуально-историческую среду цивилизационно чуждые ей трансплантаты, спровоцировало органическую реакцию отторжения, в ходе которой консолидирующим началом стал массовый негативизм. «Распалась связь времен...» И тогда «утраченная цельность бытия» («прерванная связь времен») насильственно, но закономерно была восстановлена традиционализмом, мобилизовавшим массы посредством псевдомодернизированных, но по сути архетипических символов. Не имея, да и не желая искать опоры в массовом сознании, российская «демократия» осталась, по сути, лишь партийно-правительственным мифом, идеологической химерой, правовой фикцией, — и была сметена стихией массового ресентимента, оформленного большевизмом. Базирующаяся на этих положениях модель осмысления русской революции помогает понять историческую логику процесса глобального общественного сдвига от бессилия демократической коалиции к большевистской диктатуре и подтверждается огромным эмпирическим материалом⁴.

В заключение хотелось бы напомнить слова В.О. Ключевского, в свое время тоже размышлявшего о месте массы в историческом процессе: «Не так еще давно из разных лагерей неслись дикие крики, призывавшие к благоговению пред народом, пред черной народной *массой*. На колено пред народом! Учитесь у народа уму-разуму!

¹ Ландау Г.А. Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени). /Рукопись статьи. См.: РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 112, 98.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.

³ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 51.

⁴ См., напр., монографию: Марченя П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005.

...Благоговение пред народом, массой, пред черноземной нашей почвой, пред ее глубокой и широкой нетронутой натурой! Но ведь благоговение возможно только пред сознательной, духовной силой. Имеет ли смысл преклонение пред громадой Монблана? Наш народ совершил много великого, еще не признанного, не оцененного ни им самим, ни благоговеющими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и создания; но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение... Что материальнее, бессознательнее чувства самосохранения? А ведь только эта одна могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь...»¹ Пожалуй, над этими словами классика стоит серьезно подумать и тем, кто склонен к буквальному пониманию призывов «учиться у масс», и тем более тем, кто полагает массы и массовое сознание чем-то исключительно негативным, мало значимым или просто случайным в истории.

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент (Московский университет МВД России)

¹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 236-237.

А.С.ГРИБАКИН
18-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ ФИНСКОЙ АРМИИ
В ВОЙНЕ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ 1941-1944 гг.

Настоящая статья продолжает начатую в одном из предыдущих номеров «Исторического обозрения» серию статей о финской армии в годы войны, составленную на основании создаваемого в Центральном музее Великой Отечественной войны справочника «Вооруженные силы Финляндии во время Второй Мировой войны 1939 — 1945 гг.». На этот раз она посвящена 18-ой пехотной дивизии, боевой путь которой, в отличие от рассматриваемой в прошлой статье 14-ой дивизии, отличался крутыми поворотами и был ознаменован как яркими победами, так и тяжелыми поражениями.

18-я пехотная дивизия, как и другие дивизии финской армии, была образована в ходе начавшейся в Финляндии с 17 июня 1941 г. мобилизации. Она формировалась в Северо-Хямецком военном округе, охватывающем территорию Северной Хямеенмаа и Средней Финляндии с городами Тампере и Ювяскюля — одними из важнейших экономических центров страны. Организованная подобно большинству других дивизий, она включала в себя штаб, штабную роту, три пехотных полка — 6-ой, 27-ой и 48-ой, 7-ой легкий отряд, 19-ый полк полевой артиллерии, 26-ой тяжелый артиллерийский дивизион, 26-ю противотанковую артиллерийскую роту, 253-ю зенитно-пулеметную роту, 23-ий саперный батальон, 23-ю саперную колонну, 24-ый батальон связи, 36-ю роту химзащиты, взвод военной полиции и части снабжения (авторота, автомастерская, рота боезапаса, хозяйственная рота, отряд горюче-смазочных материалов, обочно-ремонтная группа), медицинскую роту, полевой госпиталь, ветеринарную роту и контору полевой почты. Командиром дивизии был назначен полковник Аарне Олави Паяри — один из известнейших финских военачальников, чье имя стало звучать в стране еще с 1930-х годов. Его военная биография, в отличие от большинства других финских командиров, не была связана ни с российской армией, ни с 27-ым Прусским егерским батальоном. Началась же она в сентябре 1917 г., когда Паяри вступил в ряды шюцкора в Лахти, а вскоре он, в звании сержанта, принял активное участие в Освободительной войне 1918 г. и был тяжело ранен. В 1919 г. он участвовал в Олонецком походе в Восточную Карелию, а после учебы в Высшей Военной школе в 1926 году назначается начальником Йоенсууского (затем — Северо-Карельского) округа шюцкора. На этой должности он пробыл до 1930 г., когда в обстановке вспышки в стране лапуаского движения посчитали за лучшее заменить командира приграничного округа на человека с менее импульсивным и более предсказуемым характером — и не ошиблись. Переведенный на пост начальника Северо-Хямецкого округа Паяри быстро показал себя с той стороны, которая и принесла ему известность по всей Финляндии. Центр этого округа, город Тампере, как уже упоминалось выше, всегда являлся одним из главных промышленных центров страны, а значит, и рабочего движения — до революции здесь бывал сам Ленин, а во время Освободительной войны он был одним из главных оплотов Красной Гвардии. И вот, когда в апреле 1933 г. праздновалось 15-летие освобождения Тампере от красных, находившиеся у власти местные социал-демократы решили отметить эту дату по-своему — развесить по городу красные флаги. Разумеется, Паяри не мог стерпеть такого кощунства и приказал шюцкоровцам сорвать их, за что и подвергся домашнему аресту. С тех пор имя его стало широко известным, однако по-настоящему он прославился во время Зимней войны 1939-1940 гг. Тогда, командуя 16-ым пехотным полком (который также был сформирован в Тампере), он показал себя как решительный и хладнокровный командир, сумевший своими немногочисленными силами нанести поражение частям 139-ой и 75-ой советских стрелковых дивизий в знаменитом сражении под Тол-

ваярви. Эта победа принесла ему и его начальнику — командиру группы «Т» полковнику П.Ю. Талвела, — огромную славу, и оба они были повышены в звании — соответственно до генерал-майора и полковника. Заслужив полное доверие Маннергейма и снискав любовь своих солдат, теперь он возглавил одну из лучших дивизий финской армии.

Начальником штаба дивизии являлся майор Рагнар Микаэль Ингелиус, пехотными полками командовали соответственно: 6-ым пехотным полком — полковник Торвальд Эрик Экман, 27-ым пехотным полком — подполковник Лаури Виктор Хаантера, 48-ым пехотным полком — полковник Теуво Кости Вартиоваара (5 августа 1941г. его сменил подполковник Юрьё Вольдемар Сора). Как и в других соединениях, в первом полку дивизии I-ый и II-ой батальоны были образованы на базе 6-ой пехотной бригады мирного времени, а III-ий — из резервистов. Остальные два полка также формировались из запасных — 27-ой в Кангасала, Оривеси и Мянття, а 48-ой — в Лиевестуори, Весанка и Кеуруу.

19-ый полк полевой артиллерии возглавлял подполковник Георг Юхан Вильгельм Лукандер, являвшийся одновременно начальником артиллерии дивизии. Во время Зимней войны он командовал тем самым 2-ым тяжелым артдивизионом, 150-мм гаубицы которого достались как трофеи советским войскам 13 февраля 1940 г., когда внезапно ворвавшиеся на его позиции танки обратили в бегство самих артиллеристов. Однако этот случай никак не повлиял на служебное положение Лукандера — наоборот, он был повышен и в звании, и в должности. Теперь под его началом находился артиллерийский полк, на вооружение которого имелось двадцать четыре 76-мм пушки (шестнадцать русских трехдюймовок образца 1902 г. и восемь трофейных советских пушек образца 1936г.) и двенадцать 114-мм английских гаубиц, распределенных по трем дивизионам так, что в каждом из них имелось по две пушечные и одной гаубичной батарее. 26-ой тяжелый артдивизион имел восемь 155-мм французских гаубиц и четыре 120-мм польские пушки, которые были переданы финнам немцами после захвата этих стран. Как в артполку, так и в тяжелом дивизионе все орудия передвигались на конной тяге.

Общее моральное и боевое состояние дивизии находилось на достаточно высоком уровне. Ее офицеры и солдаты, многие из которых храбро и умело сражались во время Зимней войны под началом своего нынешнего командира, вполне доверяли ему и, как и большинство личного состава финской армии, мечтали о возвращении отнятых СССР в 1940г. своих исконных земель. Все командиры ее полков — Экман, Хаантера и Сора, — впоследствии поднялись в должности до командиров бригад, хотя Экман, например, в Зимнюю войну не даже сражался на фронте и занимал должность начальника ПВО Армии Тыла, а Хаантера в советских разведывательных документах давалась довольно нелестная моральная характеристика (впрочем, трудно судить об ее объективности). Тем не менее ясно, что к началу войны личный состав 18-ой дивизии был вполне подготовлен к выполнению поставленных целей, а героические подвиги ее солдат и офицеров в Зимнюю войну были одной из причин того, что именно ей впоследствии ставились труднейшие задачи высшим командованием.

К началу боевых действий 18-я пехотная дивизия вошла в состав II-го армейского корпуса и была развернута на участке от Метсякюля до Иммоланярви левее р.Вуокси, общая ее численность вместе с приданными подразделениями составляла 20 116 чел. Ее 48-ой пехотный полк находился в резерве корпуса, зато в распоряжение дивизии был передан 3-ий крепостной артдивизион (двенадцать 155-мм, две 152-мм, восемь 120-мм и двенадцать 75-мм пушек, правда, большей частью устаревших). Первоначальной ее задачей являлось прикрытие Верхне-Вуоксинского промышленного райо-

на, однако, с принятием плана наступательной операции по возвращению Карельского перешейка перед ней также были поставлены другие цели. 28 июня разведка доложила, что советские войска якобы оставляют Энсо, и уже упоминавшийся генерал-майор П.Ю.Талвела, командовавший корпусом до 30 июня, приказал дивизии овладеть находящимся на территории города крупнейшим лесобумажным комбинатом до того, как его разрушит противник. Для выполнения этой задачи были выделены легкие егерские силы — 7-ой легкий отряд и самокатная рота 6-го пехотного полка, их поддерживала артиллерия 19-го артполка.

Однако, на самом деле советские части не собирались без боя сдавать Энсо. В то время этот участок обороняли подразделения 115-ой стрелковой дивизии, 4-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 22-го укрепленного района и 5-ый пограничный отряд, которые занимали построенные в межвоенный период приграничные укрепленные сооружения. С утра 29 июня финские егеря без артиллерийской подготовки перешли границу и атаковали советские позиции, однако заставить врасплох советских пограничников им не удалось. Заняв укрепления, они оказали упорное сопротивление, так что самокатной роте не удалось продвинуться вперед. Зато легкий отряд сумел к 8.00 овладеть северо-восточной частью комбината и захватить находящуюся здесь территорию склада. И все же для закрепления этого успеха необходима была помощь, однако командование корпуса не выделило ее, и, под натиском советских войск отряду пришлось вернуться на исходные позиции.

После этого сражения активные боевые действия на этом участке возобновились только через месяц, в рамках общего наступления финских войск на Карельском перешейке, когда перед 18-ой дивизией были поставлены новые важные задачи. Теперь она должна была, прорвав оборону советских войск на своем левом фланге, овладеть районом Илмее и тем способствовать продвижению главных сил II-го армейского корпуса на Хиитола. Для этого ее силы были значительно увеличены — дополнительно ей передавались I-ый батальон 57-го пехотного полка 15-ой пехотной дивизии, 9-ый крепостной батальон и 3-я, 4-я и 5-я отдельные крепостные роты, а самое главное — мощная артиллерийская группировка, состоящая, помимо артиллерии самой дивизии, из 3-го артдивизиона большой мощности (девять 203-мм гаубиц), 25-го тяжелого артдивизиона и II-го дивизиона 9-го артполка 10-ой пехотной дивизии (восемь 152-мм и четыре 122-мм гаубицы, четыре 120-мм и восемь 76-мм пушек) и крепостных дивизионов Ояне и Кеттунена (бывший 3-ий крепостной дивизион).

31 июля, в 12.30, после 20-минутной артиллерийской подготовки, части дивизии начали атаку. Советские войска упорно оборонялись, однако финским частям все же удалось в тяжелых боях сломить их сопротивление и, обойдя Илмее с юга и севера, 5 августа соединиться восточнее этого населенного пункта. В этих сражениях отличился рядовой противотанковой роты 27-го полка Вилхо Ряттё, подбивший из своей 45-мм пушки четыре советских танка. За это он получил Крест Маннергейма 2-го класса за №4 и, таким образом, стал первым кавалером этой награды из числа рядового состава.

После овладения Илмее 18-я дивизия продолжала наступление. В то время, как главные силы II-го армейского корпуса прорвали советскую оборону и овладели Хиитола, ее части быстро продвигались вперед в направлении среднего течения р.Вуокси, имея целью форсировать реку и разгромить находящиеся на ее восточном берегу советские войска. Здесь в ее состав был передан 49-ый пехотный полк 2-ой дивизии, а также временно придан 4-ый легкий пехотный полк. Стремительно наступая, передовые подразделения дивизии вышли к Вуокси, и в ночь с 17 на 18 августа части 27-го пехотного полка начали переправу через реку у Хопеасальми — сначала легкие силы на лодках, штурмботах и плотках, а затем и артиллерия на тяжелых понтонах. Захватив плацдарм на южном берегу, части дивизии быстро расширили его на юг и восток, и теперь специ-

ально выделенная для этой цели легкая бригада «Т» полковника М.Тийайнена могла нанести с него удар во фланг группировке противника, оборонявшей Выборг. Кроме того, этот успех компенсировал неудачные действия 6-го пехотного полка дивизии, продолжавшего топтаться на линии государственной границы у Энсо, так как главные ее силы глубоко обошли этот район и делали бессмысленной его оборону.

Тем временем дивизия продолжала наступление. Овладев межозерным районом Муолаанярви — Яюряпянярви — Пуннусярви, 27-ой и 49-ый пехотные полки, усиленные отдельным пограничным егерским батальоном и поддерживаемые 14-ым и 16-ым тяжелыми артдивизионами и дивизионом Ояне с жаркими боями продвигались вперед. 29 августа была захвачена Кивенаппа, в районе которой, совместно с наступавшей левее 2-ой пехотной дивизией были окружены несколько советских подразделений, а 31 августа, перейдя старую границу, части дивизии ворвались в деревню Майнила, знаменитую инсценированным здесь советской стороной провокацией 26 октября 1939 г. Вскоре и остальные финские соединения вышли на рубеж этой границы и, казалось, война для Финляндии должна была подойти к своему завершению. Однако дело обстояло не так просто, так как германское командование, чьи войска уже вышли на южные подступы к Ленинграду, рассчитывало на помощь финской армии в захвате города и неоднократно высказывало свои пожелания в этом отношении. Хотя Маннергейм и Рюти и возражали против осуществления подобных операций, опасаясь, с одной стороны, дать очередной повод для обвинений Советского Союза в угрозе Ленинграду со стороны Финляндии, а с другой — не желая бросать своих солдат на штурм мощных дотов Карельского укрепленного района, все же было решено не подходить формально к вопросу о переходе границы 1939 г. Исходя из оперативных соображений, 1 сентября Маннергейм принял решение продвинуться вперед и занять более выгодные для обороны позиции, чем пограничная линия. Основную роль здесь и должна была сыграть 18-я дивизия, которой предстояло захватить Белоостров, находящийся на советской территории в двух десятках километров от Ленинграда. 2 сентября, после мощной артподготовки, которую осуществляли орудия 19-го артполка, 4-го артдивизиона большой мощности и 14-го, 17-го и 26-го тяжелых артдивизионов, части дивизии форсировали р.Сестра и ворвались в Белоостров, а 7-ой легкий отряд одновременно занял и Александровку. Известие о потере этого важного пункта произвело тяжелое впечатление на советское командование, так как оно не располагало сведениями о том, собираются финские войска наступать на Ленинград или нет. Встревоженный первый секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) и одновременно член Военного Совета Ленинградского фронта А.А. Жданов лично позвонил командующему 23-ей армией генералу А.И. Черепанову и приказал ему вернуть Белоостров. Однако, при подготовке этой операции армейскому командованию пришлось преодолеть значительные трудности, так как основные усилия в то время были направлены на борьбу с немецкими войсками. Поэтому первая попытка отбить поселок 13 сентября силами батальона морской пехоты и стрелковой роты окончилась неудачно, и финские войска сумели контратаками отбросить их в исходное положение. Для осуществления второй попытки была сосредоточена более крупная группировка — 181-ый стрелковый полк 291-ой стрелковой дивизии, 48-ой отдельный танковый батальон и 5-ый пограничный отряд при поддержке артиллерии. На рассвете 20 сентября, после короткой артподготовки, эти части вновь атаковали финские позиции и, несмотря на сильный огонь и контратаки противника, к 8.00 освободили Белоостров. Отбить его обратно финские войска не смогли, и активные боевые действия на этом участке прекратились вплоть до лета 1944 г. Впрочем, в этих боях финскому командованию пришлось столкнуться не только с необходимостью решать собственными оперативными вопросами, но и с новой серьезной проблемой — массовыми отказами личного состава наступать через линию старой границы. Так, 12 сентября около

200 солдат 48-го пехотного полка 18-ой дивизии отказались идти в бой, волнения начались и в 27-ом полку. Солдаты считали, что раз граница 1939г. достигнута, то война уже закончилась и теперь незачем погибать неизвестно ради чего. Подобные настроения приобрели широкий размах не только в 18-ой дивизии, но и в других соединениях, и командование не могло не считаться с ними, тем более что и сам Маннергейм, как уже упоминалось выше, вовсе не стремился к наступлению на Ленинград. Кроме того, возросшие потери также не позволяли продолжать активные боевые действия. Так, 18-я дивизия потеряла до конца 1941 г. уже 3429 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (в т.ч. 748 — в боях за Белоостров), в других дивизиях жертвы были еще больше. Все это и привело к тому, что финской Ставкой был отдан приказ о переходе здесь к обороне, а высвободившиеся соединения начали перебрасываться отсюда в Карелию.

Таким образом, с сентября 1941 г. на Карельском перешейке началась позиционная война. 18-я пехотная дивизия, командир которой полковник А.О. Паяри одним из первых командиров дивизий был произведен в генерал-майоры 3 октября 1941 г., оборонялась на участке Александровка — Алакюль — Майнила. Ее состав поначалу оставался прежним, однако с октября финская армия начала переходить на новую войсковую организацию, согласно которой на базе каждой пехотной дивизии создавалась пехотная бригада и отдельный пехотный полк. Таким образом, к весне 1942 г. в 18-ой дивизии была сформирована 6-я пехотная бригада (бывший 6-ой пехотный полк и I-ый батальон 27-го полка) и остался 48-ой пехотный полк. II-ой батальон 27-го полка был расформирован, а III-ий впоследствии обращен на формирование 28-го отдельного батальона. Также был упразднен и 7-ой легкий отряд. Зато, в связи с расформированием соседней 12-ой пехотной дивизии, в 18-ю дивизию были временно переданы некоторые ее части — 46-ой и 47-ой пехотные полки, 1-ый легкий отряд, 7-ой полк полевой артиллерии, 27-ой саперный батальон, 22-ой батальон связи. Впрочем, эти части вскоре также были расформированы, а некоторые переведены в другие соединения. Что же касается перехода к новой организации, то в мае 1942 г. ее осуществление было прекращено, и 6-я бригада вновь стала пехотным полком.

Все же, несмотря на общее затишье на советско-финском фронте, во время позиционной войны 18-ой дивизии пришлось участвовать в довольно крупной боевой операции — захвате о.Гогланд (Суурсаари). Этот большой остров, имеющий стратегическое значение для обороны всего Финского залива, был поначалу оставлен советской стороной и в конце 1941 г. занят финнами. Однако 2 января 1942 г. советские войска вновь захватили его, и теперь немецкое командование поставило перед своими финскими союзниками задачу вернуть его, что полностью отвечало и их собственным интересам.

Для проведения этой операции был создан боевой отряд «П» под началом командира дивизии генерал-майора А.О. Паяри, в состав которого вошли и некоторые ее подразделения — II-ой батальон 6-го пехотного полка, I-ый батальон 27-го пехотного полка и I-ый дивизион 19-го полка полевой артиллерии, а также части береговой обороны — 2-ой батальон береговой обороны и 4-я моторизованная тяжелая батарея, общая его численность составляла около 3,5 тысяч человек. С воздуха отряд поддерживали самолеты 3-го и 4-го авиаполков и 6-ой авиаэскадрильи. Наступающие были сведены в два отряда — «С» под командованием подполковника Лаури Сотисаари и «М», который возглавил майор Мартти Миеттинен — будущий герой обороны Гогланда от немцев в сентябре 1944г. За день до начала наступления их перебросили в шхеры у Хаапасаари, а оттуда они в ночь на 27 марта выдвинулись по льду на исходные рубежи.

В 3.30 началась атака. Отряд «С» наступал на остров с запада, а отряд «М» — с востока, 2-ой батальон береговой обороны находился в резерве. Советский гарнизон под командованием полковника А.Д. Барина, насчитывавший 488 чел. при двух 45-мм орудиях и двух ротных минометах, оказал упорное сопротивление, однако острая нехватка боеприпасов быстро сказалась на исходе этого боя. Хотя продвижение финнов существенно затрудняли не только огонь советских бойцов, но и начавшаяся в это время снежная буря, все же к 14.00 был захвачен административный центр острова — Сууркюля, а к 6.20 28 марта — и вся его северная оконечность. Оборонявшиеся здесь советские солдаты сумели прорваться и отступить на о.Лавансаари, однако в южной части Гогланда бои продолжались до 17.00, а в отдельных пунктах — вплоть до 29 марта. Все же после улучшения погодных условий советская авиация подвергла остров ожесточенным налетам и нанесла большие потери занявшим его финским подразделениям, хотя и сама лишилась в воздушных боях значительного числа машин. Несмотря на это, 1 апреля части отряда «П» заняли и о.Тютярсари, а затем, с помощью немецких войск, сумели отразить советские контратаки. Всего в этих сражениях потери финнов составили 61 чел. убитыми, 109 ранеными и 2 пропавшими без вести, советские войска потеряли 213 чел. убитыми и 36 пленными. При этом пленные, в том числе раненые, были расстреляны финскими солдатами по приказу офицеров, которые объяснили его тем, что «русские матросы — это самые злые большевики и их ни в коем случае нельзя оставлять в живых».

После завершения Гогландской операции для частей 18-ой дивизии вновь наступил период обычной позиционной войны, продолжавшейся вплоть до лета 1944г. Из заметных событий ее боевого пути можно отметить лишь два — действие в ее составе III-го батальона 47-го пехотного полка расформированной 12-ой пехотной дивизии, укомплектованного бежавшими в Финляндию от мобилизации в немецкую армию эстонцами (в январе 1944 г. этот батальон был включен в 200-ый пехотный полк), и смену командования дивизии — с декабря 1943 г. ей командовал генерал-майор Пааво Юханнес Паалу, до того возглавлявший 1-ю пехотную дивизию. Хотя Паалу также считался способным военачальником — в феврале 1940 г. его дивизия защищала сектор Сумма на острие главного удара советских войск, а в октябре 1941 г. одной из первых ворвалась в Петрозаводск, — все же трудно понять, чем руководствовалась финская Ставка при принятии решения о таком перемещении — ведь Паяри гораздо лучше знал подчиненные ему войска, с которыми прошел по дорогам войны от Толварви до Белоострова и Гогланда пять лет! Нельзя утверждать с уверенностью, но, может быть, это обстоятельство также сыграло свою отрицательную роль в последующих боях. В том же 1943 г. сменились и командиры обоих пехотных полков — с 17 ноября 1943г. 6-ой полк вместо ставшего командиром 21-ой бригады полковника Экмана возглавил подполковник Рейно Калерво Инкинен, а 48-ым полком с 3 марта командовал подполковник Вяйнё Илмари Форсберг.

Как бы то ни было, к 1944 г. дивизия продолжала обороняться на Карельском перешейке на участке от Финского залива до Белоострова. В ее состав входили 6-ой и 48-ой пехотные полки, 28-ой отдельный батальон, 19-ый полк полевой артиллерии, 26-ой тяжелый артдивизион, 21-я, 26-я и 46-я противотанковые артиллерийские роты, 28-я минометная рота, 23-ий саперный батальон, 24-й батальон связи и подразделения снабжения, общая ее численность составляла 10 901 чел. Боевая мощь дивизионной артиллерии по сравнению с 1941 годом (как и в большинстве дивизий на перешейке) изменилась в целом незначительно — только в 19-ом полку трехдюймовые русские пушки обр. 1902 г. были заменены на более совершенные советские трофейные системы обр. 1902/30 гг. и 1936 г., а на вооружение противотанковых рот поступили 75-мм орудия.

Несомненно, в ходе готовящегося наступления советских войск, главный удар которых планировалось нанести именно в секторе 18-ой пехотной дивизии, ее ожидала тяжелая участь. Однако перед самым началом этого наступления 18-я дивизия была заменена 10-ой и отведена в резерв Ставки на укрепленную линию «ВТ» в район Кирьясало — Липола, где ее части вели строительные работы и, таким образом, первый мощный удар войск Ленинградского фронта 10 июня 1944 г. миновал ее. И все же стремительное продвижение Красной Армии вынудило финское командование уже на следующий день передать 6-ой полк дивизии в подчинение штаба IV-го армейского корпуса, который направил его в сектор 2-ой дивизии к Рийхисюръя. Эта дивизия оборонялась на левом фланге корпуса, где с 14 июня развернулось знаменитое сражение у Сийранмяки. 6-ой пехотный полк участвовал в нем, удерживая оборону на участке вдоль дороги Кивенаппа — Ахиярви, в то время как 48-ой полк действовал в составе 3-ей пехотной дивизии у Мусталампи, а остальные части продолжали дислоцироваться в районе Кирьясало. Впрочем, несмотря на стойкое сопротивление финских войск, линия «ВТ» была прорвана 14 июня на соседнем участке у Куутерселькя, и части 18-ой дивизии также были вынуждены отходить. К 17 июня они отступили в район Пуннусярви — Валкярви, а к 19 июня заняли оборону на линии «ВКТ» у Репола. Ее сектор обороны шириной около 2 км тянулся вдоль линии железной дороги у станции Тали от озера Кярстиньярви до озера Реполанярви, причем на передовой находился только 48-ой пехотный полк, а 6-ой полк и 28-ой батальон дислоцировались в резерве соответственно у Портинхойкка и Мярьямяки. Удержание этого района имело огромное значение для обороны всей финской армии на перешейке, так как только здесь местность позволяла советской стороне широко применять бронетанковую технику, в то время как на других участках изобилующая скалами и оврагами природа резко ограничивала такие возможности.

22 июня в 9.00, после мощной артиллерийско-авиационной подготовки, советские войска при поддержке танков перешли в наступление на станцию Тали. Финские части, понесшие большие потери уже в результате огня артиллерии, не могли сдержать их продвижение и были вынуждены отступить. Вот что показывал об этих боях пленный младший сержант 48-го полка А. Мальм: «В тяжелых боях у станции Тали наш первый батальон потерял половину своего личного состава. Остальные солдаты разбежались по лесам. Двое суток я скитался, затем организовал группу из пяти человек, с которой и сдался в плен». Советские войска захватили станцию и форсировали реку Талинйоки, и теперь оборона дивизии была расчленена на две части по обоим берегам озера Лейтимоярви — южнее оборонялся переданный в ее состав III-ий батальон 13-го пехотного полка 17-ой дивизии, а севернее — 28-ой отдельный батальон и III-ий батальон 48-го пехотного полка. Такое их положение нельзя было назвать выгодным, так как крайне затрудняло командованию маневр своими и без того поредевшими силами. После войны утверждалось, что в таком неудачном построении обороны был виноват командир IV-го армейского корпуса генерал-лейтенант Т.Лаатикайнен, однако в то время, как будет сказано ниже, всю вину возложили на командира дивизии генерал-майора Паалу.

24 июня вновь началась ураганная советская артиллерийская подготовка, сопровождаемая ударами штурмовой авиации. Хотя следовавшие затем первые атаки были отбиты, потери были огромны, а боеприпасы заканчивались. 25 июня советские войска мощным ударом сломили сопротивление дивизии по обеим берегам озера, а ее подразделения были отброшены к Мурукаллио и Нурмилампи. Советские танки прорвались на четыре километра в глубину к Юустила и Портинхойкка, где их контратаковали срочно переброшенные сюда части бронетанковой дивизии — батальон штурмовых орудий, I-ый батальон бронетанковой бригады и егеря. 26 июня командир корпуса

передал сектор 18-ой пехотной дивизии под начало командира бронедивизии генерал-майора Э.Р. Лагуса, а большая часть ее подразделений была отведена к Ихантала. На фронте остались только два батальона 6-го пехотного полка и III-ий батальон 48-го полка, артиллерия и другие части. Так как личный состав дивизии был до предела измотан и держался на пределе своих сил, было решено заменить ее переброшенной со Свири 11-ой пехотной дивизией. Впрочем, артиллерия и передаваемые в подчинение командирам других участков батальоны и даже полки продолжали активно участвовать в боях. Так, 27 июня 48-ой пехотный полк, которому вместо III-го батальона был передан III-ий батальон 13-го полка, при поддержке семи машин из состава прибывшей на помощь финнам 303-ей немецкой бригады штурмовых орудий пытался контратаковать советские войска у Коккомьяки, однако, понеся огромные потери, на другой день был отброшен обратно.

Таким образом, боевые действия 18-ой пехотной дивизии в этот период завершились весьма неудачно. Ее потери в июне 1944 г. составили уже 2804 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, т.е. 25% первоначальной численности. Моральное состояние личного состава также сильно упало. Вот что показывал на допросе один из пленных дивизии: «Когда нас отправляли из штаба полка в батальон, перед нами с речью выступил командир полка. В этой речи командир полка сказал нам примерно следующее: «Положение финской армии на Карельском перешейке сейчас очень серьезное. Мы понесли большие потери, но оставить участок, который сейчас обороняем, не имеем права. Маннергейм приказал нам держаться на правом берегу Вуокси до конца, не взирая ни на какие потери». Настроение у нас от этой речи не улучшилось. Особенно плохо чувствуем себя мы, солдаты старших возрастов. Большинство только ждет момента, чтобы любыми способами уйти с переднего края. Все солдаты говорят, что нужно во что бы то ни стало заключить мир. В своем кругу, когда нет поблизости офицеров, солдаты обо всем говорят откровенно. Мы ругаем правительство и своих офицеров, которые гонят нас на убой. Солдат Хумаламяки высказывался, например, так: «Неправильно сказать, что Германия проиграет войну — она уже ее проиграла и теперь вместе с собой тянет в пропасть и финский народ».

Как уже говорилось выше, ответственность за поражение дивизии в боях у Тали возложили на ее командира, генерал-майора П.Ю. Паалу. 29 июня он сдал командование полковнику Отто Густаву Снеллману, а сам был направлен в распоряжение руководства фортификационного строительства на линию «Салпа». Теперь, несмотря на продолжающиеся ожесточенные бои у Ихантала, как самостоятельное соединение 18-я дивизия участия в них не принимала, однако ее артиллерия, получившая к тому времени вместо 114-мм английских гаубиц советские 122-мм системы обр.1910/30г., продолжала активно поддерживать обороняющихся. Только после того, как бои здесь стихли и фронт стабилизировался, дивизия была переведена на участок у Носкуанселькя, где заменила на передовой 3-ю пехотную дивизию. Здесь у нее вновь сменился командир — 31 июля полковник Снеллман был ранен, и со 2 августа в командование ею вступил полковник Вяйнё Ойнонен. А в сентябре 1944 г., после заключения перемирия, ее части были отведены в район Йоутсено и затем демобилизованы. В Лапландской кампании она участия не принимала и, таким образом, боевой путь ее завершился. Всего за время войны дивизия потеряла 10 184 человека убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести, в том числе 4098 — в 1944 г., — пятое место среди всех дивизий финской армии. Несколько слов нужно сказать и о дальнейшей судьбе ее первого командира — генерал-майора Паяри. Переведенный на должность командира 3-ей пехотной дивизии, он вместе с ней также принял участие в сражениях на Карельском перешейке летом 1944г. Однако эта дивизия, не в пример 18-ой, была одной из худших в финской армии по уровню морального состояния личного состава, вдобавок к началу

советского наступления она не была полностью укомплектована до штатной численности. В результате ее оборона у Куутерселькя быстро рухнула под ударами советских войск, и в конце концов она заняла позиции на уже упоминавшемся второстепенном участке фронта у Носкуанселькя, где и встретила перемирие. А после этого ей пришлось вновь участвовать в боях — на этот раз против немцев, когда ей была поставлена задача путем высадки морского десанта овладеть районом Торнио. Впрочем, здесь она показала себя неплохо, однако сам Паяри не смог дождаться конца кампании — в октябре 1944 г. он был отозван в распоряжение Ставки и вскоре арестован по требованию Союзной Контрольной Комиссии. По-видимому, ему вменяли в вину расстрелы советских военнопленных при захвате Гогланда, однако этого все же не сумели доказать, и в конце концов он был отпущен. Вернувшись в ряды вооруженных сил, прожил он все же недолго — в 1949 г. во время маневров генерал-майор Паяри скончался от сердечного приступа.

Таким образом, оценивая боевой путь 18-ой пехотной дивизии во время войны 1941-1944 гг., можно сказать, что ей довелось пройти через все основные сражения на Карельском перешейке, выпавшие здесь на долю финской армии, — прорыв к Вуокси, захват и оставление Белоострова, овладение Гогландом, отступление с линии «ВТ», тяжелые бои у Тали, — которые, несмотря на тяжелые потери, она выдержала с честью.

Использованные источники и литература

- Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй Мировой войне. Л., 1989
Власов Л.В. Маннергейм/ ЖЗЛ М., 2005
Долгополов М., Кауфман А. Финские изверги. 1944
Информационный бюллетень 7-го отдела Политуправления Ленинградского фронта №18 от 27 июня 1944г.
Корж Г.Г. Карельский укрепленный район. Л. — Волгоград, 1987
Маннергейм К.-Г. Э. Мемуары. М., 1999
Черепанов А.И. Поле ратное мое. М., 1984
Эрфурт В. Финская война 1941-1944 гг. М., 2005
Jatkosodan historia. Osa 1 — 6. Porvoo-Helsinki, 1991-1994
Metsälä T. Isänmaan puolesta 1939-1945. Jyväskylä, 2005
Moisala O., Alanen P. Kun hyökkääjän tie suljettiin. Helsinki, 1989
Suomen sota 1941-1944. Osa 1, 3, 6, 7, 9, 10. Kuopio, 1951-1965
Tirronen U. Kotkan Rannikkopatteristo 1918-1993. Jyväskylä, 1994

Грибакин Андрей Станиславович — заведующий сектором Центрального музея Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.

О.В.ПИЛИПОВИЧ
ДВИЖЕНИЕ АНТИГЛОБАЛИСТОВ (АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТОВ)
КАК ОТВЕТ НА КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВРЕМЕННОСТИ

К началу XXI века благодаря научно-техническому прогрессу стало возможным то, о чем мечтали писатели-фантасты. Сверхзвуковые самолеты сокращают пространства, ничего не стоит вылететь из Москвы и в считанные часы оказаться в Египте или в Австралии. Мобильный телефон доносит человеческий голос через тысячи километров так четко, как будто бы наш собеседник рядом. На экране телевизора можно в реальном времени стать свидетелем катастроф, политических и культурных событий в любом месте Земли. Через Интернет можно получать любую информацию и болтать о пустяках с людьми, которых никогда не видел. В понятие «технический прогресс» мы, бесспорно, вкладываем положительный смысл. Одновременно происходит интернационализация цивилизации — одни и те же мелодии звучат на разных континентах, одни и те же телекартинки видят в Москве и в Джакарте. Тесные взаимопереплетающиеся связи в сфере экономики, торговли, финансов делают все менее значимыми границы государств, позволяют интернационализировать использование природных ресурсов, дают доступ к новейшим техническим достижениям во всех уголках мира. Эти явления знаменуют начало нового этапа исторического развития планеты.

Что же тревожит нас в разворачивающемся всемирном процессе? Ведь очевидно, что процесс интернационализации различных аспектов жизни на Земле — неизбежен и объективен. Разве не основоположники марксизма предвидели, что наступит время, когда не будет государств и весь мир объединится в единую семью людей? Все это так. Однако они считали, что интернационализация экономической и политической жизни позволит создать условия для того, чтобы ресурсы Земли справедливо распределялись между всем населением планеты, что послужит основой для единого справедливого человеческого сообщества — коммунистического, при котором каждый человек будет представлять для общества ценность как неповторимая личность.

На деле мы являемся свидетелями того, что лидерство в интернационализирующемся мире захватили транснациональные корпорации, лицом которых выступают сегодня США. Впрочем, не исключен такой вариант, что на определенном этапе транснациональным корпорациям больше не понадобятся и США как государство, и власть напрямую будет сосредоточена в руках группы мировых олигархов. Печальная и зловещая перспектива. Создается такое мировое устройство, где власть и процветание «золотого миллиарда» строится за счет порабощения и эксплуатации подавляющего большинства населения Земли. «Золотой миллиард» должен включить в себя население богатого Запада, хотя не исключено, что его граница пройдет и по другим странам, разделяя их на небольшую часть общества, допущенную в сообщество богатых будущего мира и на большую часть отверженных. Но даже те, кто будет принят в ряды «золотого миллиарда», должны будут принять условия «западнизма», как его определяет А.А Зиновьев.

Всемирную экспансию мирового империализма сдерживало существование СССР, который был не только государством с мощным экономическим и военным потенциалами, но и являл собою убедительный пример альтернативного капиталистическому пути развития. Сокрушение социализма как мировой системы сделало для США возможным нагло диктовать свою волю всей планете. Современный империализм, прежде всего американский перекраивает карту мира, совершает политическую экспансию, развязывает войны по всей планете, объявляя ее сферой своих стратегических интересов. Разрушаются механизмы международного регулирования, такие как ООН, по-

пираются нормы международного права, а взамен упорно навязываются новые, такие, которые оправдывают нарушение границ, нарушение государственного суверенитета, территориальной целостности, оправдывают интервенционизм и вмешательство во внутренние дела других стран (Югославия, Афганистан, Ирак). Идет передел мира, жестокая борьба за обладание ресурсами. Результатом чего стал еще более масштабный грабеж Западом и, прежде всего, американцами ресурсов других стран.

Итак, с началом нового века становится очевидным, что процессы глобализации постепенно затронули почти все сферы человеческой жизни. Что же подразумевается под самим термином «глобализация»? Глобализацию можно представить как идею мирового господства, как политическую, экономическую, военную, культурную и информационную экспансию «золотого миллиарда».

Главным агентом в становлении глобальной экономики были правительства стран «большой восьмерки» и контролируемые ими международные институты – МВФ, Всемирный банк, ВТО и т.д. Основы глобализации были заложены проводимой этими правительствами и организациями политикой. Механизм, с помощью которого эта политика действует, заключается в политическом давлении посредством прямых действий правительств или через деятельность МВФ, Всемирного банка, ВТО. Это давление использовалось в целях унификации всех национальных экономик. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки навязывались жесткие условия, которые они вынуждены были принять вне зависимости от специфики своего положения. Разумеется, и Россию не миновала эта участь, международные структуры почти полностью подчинили себе наше государство.

Характерным показателем процесса глобализации является и изменение роли государства. Национальные государства становятся менее автономными. Глобальная интеграция финансовых рынков и потоки информации, преодолевающие национальные границы, факторы ослабляющие роль национального государства.

Одним из главных факторов процессов глобализации также является стандартизация ценностей и культур. Под воздействием новых информационных технологий происходит разрушение национальных укладов жизни, социальных и экономических ценностей, национальных культур. Через глобальную сеть СМИ происходит навязывание и внедрение западного стиля жизни, где главная роль отводится индивидуализму, где человек освобожден от моральных и нравственных норм. Такие вечные понятия, как истина, красота, любовь, такие коллективные ценности, как родной язык, воинский долг, Родина отходят на второй план. Главенствующее место занимает доллар, и международная экономическая власть пытается превратить все в товар, где у каждого есть своя цена. Так, Александр Панарин в своей книге «Искушение глобализмом» подчеркивает опасность «... гегемонистского великодержавного сознания, способного вернуть человечество в неслыханную катастрофу, превышающую все предыдущие».¹ Наряду с этим он отмечает, что либерализм бросает вызов нравственным началам и основаниям цивилизации, более того противостоит всему человечеству.

Очевидно, надо осознать, что историческое развитие — всегда альтернативно в рамках определенной тенденции. Так, возможна глобализация в том смысле, о котором мы говорили, но возможна и интернационализация, если понимать ее, как процесс сближения культур и их взаимное обогащение, на основе чего формировалась бы новая человеческая личность высокой нравственности, широкого кругозора, вооруженная неисчерпаемыми достижениями науки, живущая в гармонии с другими подобными личностями и с природой. Ведь в основе проекта глобализации лежат расчеты об ограниченности и скорой исчерпаемости ресурсов Земли и избыточности ее населения. Но все это справедливо при продолжении той технотронной цивилизации, той антиэколо-

¹ А. Панарин. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. С.100.

гичной производственной деятельности и того расточительного образа жизни, который ведет человечество. Следовательно, нужно сломать парадигму глобалистского развития, предложив альтернативные технологии, а главное — альтернативный способ мышления для человечества. Сохранив разнообразие видов природы и разнообразие цивилизаций и культур, человечество получит неисчерпаемый источник для своего дальнейшего развития. Однако альтернативность развития ограничена во времени. Сегодня еще можно что-то изменить, завтра — нельзя.

Каким должен быть ответ человечества на это вызов? Со стороны развивающегося мира ответ заключается в обращении к «корням», почве, традициям, — с одной стороны, и в сопротивлении массовой западной культуре, с другой. Все чаще встает вопрос о моральном кризисе политики глобализма. Люди стремятся отстоять свое право на неунифицированное, национально-самобытное, свободное бытие. Все это позволяет лучше понять, почему неизбежно сопротивление глобализму. Любое действие рождает противодействие. Такое неоднородное, сложное и противоречивое явление, как антиглобализм стал главной силой в борьбе с глобальной экспансией.

В современной мировой политике мало найдется столь малоисследованных и неизученных социальных явлений, как движение антиглобалистов. Это тем более удивительно, что оно является, по сути, беспрецедентно открытым движением, играющим на поле предельно публичной политики и не имеющим каналов реализации власти, за исключением опять же предельно открытого воздействия на формирование общественного мнения. В России ситуация с изучением антиглобалистского движения еще более печальна, по сути, у нас нет ни одной сколько-нибудь серьезной научной работы, посвященной антиглобалистскому движению.

Рассуждая о сути антиглобалистского движения, его истории и перспективах, мы обязаны уделить значительное внимание сути самого термина «антиглобализм». Очевидно, что сегодня слово «антиглобализм» превратился в своего рода зонтичный бренд, термин, навязанный нам средствами массовой информации, бренд, под которым сосуществуют и развиваются разнонаправленные, подчас противоположенные движения и идеологии. Попытки найти единый субъект антиглобализма, его единый координирующийся центр, как и ответить на вопрос о финансировании движения, как представляется, заранее обречены на неуспех, и, более того, автоматически указывают на невысокий профессионализм исследователя, незнакомого с новейшей историей социальных движений в США и Западной Европе, а также логикой развития сетевых организаций.

Итак, **антиглобализм** — политическое движение, направленное против определенных аспектов процесса глобализации в её современной форме, в частности против доминирования глобальных транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций. Антиглобализм как понятие представляется несколько некорректным. Вернее стоит говорить об альтерглобализме как продукте взаимодействия различных культур, народов при поиске альтернативных господствующему порядку моделей развития.

Антиглобализм родился в апреле 94-го года, когда на юге Мексики в штате Чиapas, где поднял индейское восстание Субкоманданте Маркос. Субкоманданте Маркос обратился ко всем известным людям планеты, говоря о смерти ТНК и грядущей четвертой мировой войне. Была создана Сапатистская армия национального освобождения, и в апреле 2001 года Субкоманданте Маркос возглавил мирный поход на Мехико. К этому маршу присоединились режиссер Оливер Стоун, нобелевский лауреат Хосе Самаранго, вдова президента Миттерана, редактор "Монд Дипломатик" Игнасио Рамоне, несколько модных писателей, в т.ч. Г.Г.Маркес, и ряд депутатов Европарламента.

Однако принято считать, что антиглобализм зародился во Франции. В июне 1998 года нескольких французских изданий, общественных ассоциаций и профсоюзов объединились в Ассоциацию граждан за налогообложение финансовых операций, «АТТАК-Франция» (АТТАС — Association for the Taxation of Financial Transactions for the Aid of Citizens). Главным требованием АТТАК является установление «Налога Тоби́на» (налога, предложенного в 1972 году нобелевским лауреатом Джеймсом Тоби́ном). Его суть состоит в том, что 0,01% от всех финансовых операций направляется на борьбу с бедностью и поднятия экономики стран третьего мира. Кроме того, организация выступает за списание долгов развивающимся странам¹.

В декабре 1998 года активисты «АТТАК-Франция» провели в Париже международную встречу, на которую пригласили делегации «Движения безземельных» (Бразилия), «Политического и информационного центра международной солидарности» (Южная Корея), «Женского движения» (Канада), «Фермеров крестьянской организации Karnathaka» (Индия), «Международного форума альтернатив» (Бельгия)².

Позднее в ряды «антиглобалистов» влились: пацифисты, защитники животных, анархисты, «зеленые», изоляционисты, представители сексуальных меньшинств, профсоюзные организации, приверженцы притесняемых религий, представители молодежных, экологических, студенческих и антивоенных движений, борцы за права человека, защитники прав потребителей, националисты, противники аборт, безработные, хип-пующие студенты. В 2003 году в мире насчитывалось более 2500 антиглобалистских организаций.

В 2003 же году внутри движения произошло размежевание между радикалами, выступающими против глобализации вообще, и теми, кто добивается изменения ее форм. Последние получили название «альтернативные глобалисты» (или «альтерглобалисты»). Альтерглобалисты отказываются от организации массовых беспорядков, их деятельность направлена на диалог с властями. Борьба идет в основном против глобального неравенства, гегемонии транснациональных корпораций, формирования однополярного мира, загрязнения окружающей среды и.д.

Альтерглобалисты регулярно проводят в разных странах мира социальные форумы, различные акции протеста против крупного капитала и той модели глобализации

¹ Тобин – американский экономист, лауреат Нобелевской премии - подсчитал, что если обложить налогом в 0,01% все финансовые спекуляции на биржах, то полученной таким образом суммы хватит на полное решение проблемы голода на Земле (сейчас голодает около 2-х миллиардов) и проблем женской и детской смертности.

² Кроме вышеупомянутой организации АТТАК, могут быть названы следующие:

- «Глобальное действие». Призывает к протестной деятельности как на улицах мегаполисов, так и в сельских районах (протестные движения фермеров в Европе и коммунальных сельхозкооперативов в Латинской Америке и Малой Азии), к теоретической критике корпораций и независимому анализу характера и последствий их деятельности.
- «Блэк Блок» («Black Bloc»). Специализируется на погромах дорогих магазинов и офисов, столкновениях с полицией. Стоит на позициях анархизма. Выступает против капитализма, государства и войны.
- «Третья позиция» («The Third Position»). Организация возникла в Лондоне. Идеологическая основа - причудливое сочетание крайне левых и крайне правых взглядов, предполагающих использование агрессивных методов протеста.
- «Ya Basta». Итальянская организация, выступающая в поддержку движения Чьяпаса и против неолиберализма.
- «Хактивист». Объединение хакеров-активистов, действующих по политическим мотивам.
- Радикальные экологи (лидеры Ральф Найдер и теоретик Мюррей Букчин) считают, что избежать тотальной экологической катастрофы, неизбежно ждущей «общество растущего потребления», можно только при помощи антирыночной революции.

экономики, которую он несет с собой в своих же интересах. Альтерглобалистское движение довольно быстро стало широко известным в мире, хотя нередко значительная часть даже специалистов политологов до сих пор воспроизводит навязанную СМИ догму об этом движении как кучке погромщиков Мак-Дональдсов.

Альтерглобализм, в отличие от глобализма, не является четко сформулированной идеологией. Скорее, это смутное осознание различными слоями населения факта, что что-то в нашем мире идет не так. Поэтому разные группы антиглобалистов сплачиваются на совершенно разной основе. Альтерглобализм – это новый тип социального движения, которое несет свою протестную, и альтернативную составляющую. Фермеры борются против проникновения на отечественные рынки более дешевой продукции соседних стран, экологи бьются за сохранение в первозданном состоянии еще не загрязненных областей Земного шара, деятели культуры беспокоятся, как бы культурное пространство не превратилось в устрашающую смесь Голливуда с Диснейлендом и т.д.

Накопленный эмпирический материал позволяет выделить три основные сферы альтерглобализма:¹

1. протестные массовые акции, которые более правильным было бы назвать антиглобализмом;
2. постоянную, «повседневную» деятельность организаций (составляющих данное движение и подписавших Социальную хартию Всемирного социального форума);
3. социальные форумы (Всемирные, континентальные и национальные).

Российский альтерглобализм имеет ряд особенностей, делающих его непохожим на латиноамериканский или европейский. Их объединяющей чертой является лишь то, что все эти разновидности альтерглобализма противопоставляют себя другой идеологии создания глобального экономического, политического, информационного и культурного пространства, выкраиваемого по западному образцу.

Российский альтерглобализм имеет как зарубежно-европейские корни, так и собственно российские, то есть «два лица». Оба они существуют и развиваются как совершенно независимые друг от друга идеологии, поскольку отражают противоположные, взаимоисключающие стремления тех, кто им привержен.

Первые, «новые левые», исповедуют скопированную у своих европейских коллег альтерглобалистскую идею о том, что «иной мир возможен» – концепцию «глобализации в солидарности». Они регулярно принимают участие в антиглобалистских мероприятиях, проводимых, как правило, за пределами Российской Федерации – будь то Всемирный социальный форум (ВСФ), Европейский социальный форум (ЕСФ), протесты, приуроченные к проведению форума представителей мировых экономических и политических элит в Давосе, или любые другие протестные акции, направленные на срыв встреч Всемирной торговой организации (ВТО), саммитов «группы восьми» (G-8)².

¹Булавка Л.А. Личность в эпохи исторических трансформаций (социальный дискурс). М., 2004. С. 25.

² Важные даты:

- июнь 1999 г. - в Кёльне состоялась первая манифестация антиглобалистов.
- 2000 год - организована информационная сеть антиглобалистов InduMedia.
- 2001 год — Генуя - сорвать встречу лидеров «Большой восьмерки» приехало 200 000 антиглобалистов. В результате столкновений между силами правопорядка и антиглобалистами погиб один демонстрант и один полицейский, более 300 человек получили ранения.
- Январь 2001 г. – Всемирный социальный форум в бразильском городе Порту-Алегри. Всемирный социальный форум собрал в Порту-Алегри более 11 тысяч делегатов из 122 стран мира.
- Конец января 2006 г. – Всемирный Социальный Форум в Каракасе.

Вторые, «охранители», рассматривают западную глобализацию как угрозу культурным и национальным традициям России, ее территориальной целостности, суверенитету, а главное – ее праву на «особый путь». Поддержка «охранительному» крылу оказывается той частью политических и экономических элит российского общества, чьи интересы расходятся с интересами транснациональных элит, требующих либерализации экономического пространства в России.

Этот тип антиглобализма обычно таковым не считается, это патриотические движения, движения в защиту собственной культуры, собственной цивилизации. По сути, это достаточно конструктивный антиглобализм, позволяющий каждой цивилизации, каждому народу жить, не теряя основ собственной культуры, собственной автономности.

Однако и антиглобалистов власть пытается поставить под контроль. Если движения и акции соответствуют общественному мнению, это одно. Другое дело, что изолированные акции, как, допустим, акции «Наших», спущенные сверху, не получают никакого развития, даже если они хорошо финансируются. Пропрезидентское движение «Наши», аналогичное движение «Идущие вместе» — не получили отклика, как и акции СПС, потому что они не соответствуют настроениям масс. Есть попытки возглавить какие-то движения, в том числе антиглобализм в России, придав ему фактически прозападные формы.

Альтерглобализм в России идеология новая. Антиглобалистский Патриотический Союз Молодежи был создан лишь в 2002 году. И в России нет отрицательного отношения к альтерглобалистам: и русский народ, и альтерглобалисты в Европе вместе боролись против вторжения Джорджа Буша – младшего и военщины США в Ирак, вместе всегда выступаем против пожирания мира капиталистическими гигантами.

Контролигархический фронт России (КОФР) — российское общественное движение. О создании движения объявлено в Москве 5 декабря 2005. Его организаторы заявили о намерении сделать его первым в России официальным антиглобалистским движением.

КОФР создан на базе леворадикального объединения «Левый фронт», в которое входят около 30 движений, в том числе «Авангард красной молодежи», Союз советской молодежи, Российская коммунистическая партия и др.

Возглавили «Контролигархический фронт России» два лидера «Левого фронта» — Борис Кагарлицкий (председатель стратегического совета КОФР, директор института проблем глобализации) и Алексей Неживой.

КОФР намерен тесно сотрудничать с крупнейшими международными антиглобалистскими организациями «Globalize Resistance», «Corporated Watch» и Северо-западный антикорпоративный альянс.

По словам представителей КОФР, главная цель организации — борьба с транснациональными корпорациями «до их полного уничтожения». В качестве первого объекта выбрана компания ТНК-ВР как «образец олигархической структуры».

30 марта 2006 Контролигархический фронт представил антикоррупционный доклад «Штормовое предупреждение» (авторы — Борис Кагарлицкий, Алексей Неживой и руководитель фонда «Новая демократия» Семен Жаворонков), составленный, как утверждают авторы, по информации СМИ об участии членов оппозиционных партий (КПРФ, СПС, «Яблоко» и «Родина») в финансовых скандалах, нецелевых расходах на выборах, партийном бизнесе и лоббировании¹.

¹ <http://ortoys.ru/wiki/> Контролигархический фронт России

Как пояснили авторы, партия «Единая Россия» не рассматривалась, поскольку она скорее «злоупотребляет административным ресурсом», чем коррупцией, а что касается ЛДПР, то «информация о коррупции в этой партии общеизвестна и избыточна»¹.

Другой вопрос: есть ли перспективы у антиглобалистов в России? Ведь есть мнения, что антиглобализм — чисто европейская идеология и в России не приживется.

Политолог, доктор экономических наук Иосиф Дискин считает, что у движения антиглобалистов в России перспектив нет.

В нашей стране, по мнению Дискина, акции антиглобалистов — это всего лишь игра ума, забавы левых интеллектуалов, поскольку только они могут являться истинными противниками глобализации и понимать суть этого явления. Тем не менее, тенденция глобализма не несет реальной угрозы для России.

Антиглобализм, как подчеркивает политолог, — развлечение интеллигентов развитых стран: «они могут позволить себе болеть за весь мир, сочувствовать слабым государствам, которые, однако, не осознают эту проблему на таком интеллектуальном уровне». Для слаборазвитых стран наличие серьезных антиглобалистских движений не характерно, поскольку в первую очередь приходится решать вопросы, связанные с тем, как прокормить бедствующее население.

Власть международных корпораций, по словам Дискина, не имеет места в России. Страна способна развиваться, не опасаясь за то, что она может оказаться во власти демиургов нового глобального сообщества. Это, по мнению политолога, не станет реальной проблемой, что в равной мере относится и к вступлению РФ во Всемирную торговую организацию. «Даже Китай, — отмечает эксперт, — страна, которая ратует за децентрализацию экономики, — первая рвется в ВТО»².

Это абсолютно не правильно. Безусловно, разница между европейскими и российскими антиглобалистами существует. Но нас объединяет то, что мы не хотим быть винтиками в машине капитализма и не хотим поглощения всех наций, государств крупными монополиями. В конечном итоге, антиглобализм к России ближе, чем к Европе. Ибо европейцы другой жизни не знали, а мы знали жизнь в великой стране, которая могла дать по зубам западным агрессорам и для нас современное положение еще более неприятно.

По словам заместителя директора Центра политических технологий Бориса Макаренко, движение антиглобалистов является удобной и модной формой самовыражения для различных протестных движений. Но парадокс в том, что, будучи гражданами развитых государств, противники глобализации объективно отстаивают интересы стран третьего мира.

Парадоксальным Макаренко считает и положение антиглобалистов в России: РФ в чем-то близка к Западу, однако по экономическому уровню соответствует развиваю-

¹ Обвинения, представленные в докладе:

- КПРФ — элитная недвижимость, находящаяся в собственности руководства, связи с Борисом Березовским и Михаилом Ходорковским, продажа мест в предвыборных партийных списках, теневое лоббирование;
- «Яблоко» — связи с Михаилом Ходорковским и продажа мест в партийных списках;
- СПС — расхищение средств, собранных на предвыборную кампанию в 2003;
- «Родина» — связи с Борисом Березовским и Михаилом Ходорковским, продажа мест в предвыборных партийных списках.

По мнению наблюдателей и представителей оппозиционных партий, представленный доклад свидетельствует о подлинном характере КОФР как организации, которая создана «некоторыми сотрудниками администрации президента» для проведения акций «чёрного PR» против оппозиционных партий в виду предстоящих парламентских выборов.

² <http://otech.xproject.ru/organization.htm> / Россия не подвластна демиургам глобального сообщества

щимся странам. Отмечая тот факт, что антиглобалисты в России все же есть, политолог подчеркивает, что их акции, тем не менее, не отличаются массовостью.

В то же время политолог отметил, что пока движение противников глобализации в мире на подъеме, оно будет удобным лейблом, в том числе и в России, привлекая различные общественные силы, протестующие против тех или иных решений властей.

Так, под этим модным флагом российские антиглобалисты сегодня протестуют против вступления РФ во Всемирную торговую организацию.

На наш взгляд, в России еще не настало время для появления массовой антиглобалистской организации. Но это не означает того, что таковых организаций нет. Они ведь, в первую очередь, неформальны. Но все же если этим группам не перекроют кислород в ближайшие несколько лет, и они смогут развиваться — все окажется в их руках. Мы предполагаем, что нужно около 5-7 лет для такого процесса. И если российские антиглобалисты смогут объединиться в мощное политическое (а почему нет?) объединение — они смогут влиять на политику государства. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что антиглобализм (или, вернее, альтероглобализм) это не движение маргиналов, а, в первую очередь, движение за большую социальную справедливость.

Пока отечественные антиглобалисты были способны лишь создавать тексты такого рода: «...Лишенная субстанциональности дисциплинарность вовсе не предполагает раскрепощения (которое преодолело бы кантовский духовный ригоризм), она предполагает всемирно-историческую унификацию под эгидой доктрины прав человека, непримиримой к любому человеку, кроме человека экономического. Лишенная субстанциональности диалектика вовсе не подразумевает трансгрессии (которая смела всевозможные пределы, установленные гегелевским заговором господина и раба), она подразумевает лишь вялое политкорректное сосуществование под эгидой толерантности, непримиримой ко всему, что восстает против обыденности и умеренности...»¹.

Однако сдвиги последних лет поставили ряд новых задач перед антиглобалистским движением. Их суть — в переходе от утверждения альтернативности к разработке альтернативы и началу её частичной реализации. Антиглобалисты поняли, что на одной критике дорогу в светлое и справедливое будущее не проложить. Чтобы воззвать к общественной поддержке, нужны более сильные доводы и аргументы. Сейчас у антиглобалистского движения перспективы несомненно есть. Вообще, возможные варианты развития антиглобалистского движения рисуются следующим образом.

1. Движение, развёртывая в полной мере свой альтернативный по отношению к существующему порядку вещей потенциал и базируясь на нём, становится в глобальном масштабе осью сил, систематически и фронтально противостоящих господствующему варианту транзита — противостоящих, прежде всего, изнутри системы, в стратегическом союзе со значительной частью её противников; в тактическом — со сторонниками «проигравших» вариантов системообразующей тенденции.

2. Оно развивается в подсистему глобального гражданского общества, сосуществующего с глобальным политическим обществом и ведущего в рамках единой системы борьбу за максимальную широту, демократичность и эффективность своего «надзора» над этим последним, за его эволюцию к установкам «инога мира», скорейшего удовлетворения требований большинства и т.д.

3. Включение антиглобалистского движения (или некоторых его секторов) в институты глобальной политической власти при одновременном завоевании им гегемонии в гражданском обществе — глобальном или «цивилизованного мира».

Вариантов будущего у антиглобалистского движения несколько. Но как бы то ни было, не вызывает сомнения тот факт, что антиглобализм в цивилизованном плане — это прежде всего «негативная» реакция западной цивилизации на глобальную истори-

¹ Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста. Составитель А. Ашкерев. С. 9

ческую ситуацию и очевидные тенденции её развития. Это новый ответ на вызовы мира, новая позитивная программа перестройки правил игры, направленных на общедоступность знаний, образования, культуры, движение по направлению к социальному и культурному диалогу, а не «столкновению цивилизаций». И пока глобализация не будет проходить без негативных последствий для стран, не входящих в «золотой миллиард», антиглобализм будет существовать. неслучайно лозунг альтерглобализма – «Иной мир возможен», одновременно является и кредо их практической деятельности.

Пилиппович Оксана Владимировна — кандидат философских наук, преподаватель Московского гуманитарного университета

С.В.АЛЕКСЕЕВ
ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Говоря о цивилизационном подходе, всегда сталкиваешься с целой серией проблем. И не последняя среди них — многозначность самого термина «цивилизация». Обычно противопоставляются два его значения. С одной стороны, «цивилизация» — определенный уровень развития культуры и общества, и в этом смысле термин употребляется в рамках нескольких «мироцелостных» концепций исторического развития. С другой, «цивилизация» — локальная культура или культурно-исторический тип в понимании сторонников «цивилизационного» подхода. Обычно эти варианты толкования термина противопоставляются.

Однако подобное противопоставление, в принципе, необязательно. Само название «цивилизация (от *civilis* — «городской», но и «гражданский») подразумевает определенный уровень общественного развития. Такой уровень можно называть цивилизацией, а можно, в рамках цивилизационного подхода, — цивилизованностью. Ясно, что нельзя называть цивилизацией нечто, не обладающее признаками цивилизованности. Не всякая локальная культура — «цивилизация», и встречающиеся иногда выражения «цивилизационщиков» вроде «цивилизация австралийских аборигенов» звучат, мягко говоря, странно.

Признаки цивилизованности известны. Это, во-первых, города; во-вторых — письменность; в третьих — монументальное искусство. На важность последнего признака указывалось неоднократно. Он свидетельствует если не о наличии мобилизующей массы сверхценности, то о ее интенсивных поисках в данном обществе. Наличие же такой сверхценности, религиозной или идейной, — важная характеристика любой цивилизации.

Ключевым является не формальное наличие этих признаков (как у варваров, живущих в римских городах), а их воспроизводство — строительство новых городов, создание новых монументальных и письменных памятников.

Предлагалось много вариантов набора признаков, позволяющих выделить ту или иную локальную цивилизацию. Автору этих строк представляется убедительным следующий набор признаков:

1. Политический суверенитет или совокупность суверенитетов на определенной территории
2. Единая религия или единый набор соперничающих мировоззренческих доктрин.
3. Единая система письма.

Границы локальной цивилизации определяются зоной безусловного преобладания всех трех признаков.

На основе этих признаков можно предложить следующее определение. Локальная цивилизация — цивилизованная этническая или полиэтническая общность, политически суверенная в том или ином смысле, сплачиваемая преобладанием общих религиозных воззрений и общей системы письменности.

Наряду с понятием локальной цивилизации в литературе отмечен довольно удачный термин «субцивилизация». Признаком субцивилизации с известной долей

условность можно назвать наличие двух из вышеперечисленных признаков локальной цивилизации. С условностью — поскольку если сочетания «суверенитет + особая сосуществующая религия» или «суверенитет + особая сосуществующая система письма» выглядят как признак убедительно, то о сочетании «религия + система письма» без суверенитета этого уже сказать нельзя. Подобные случаи (например, возникшие в древности и средневековье этнические диаспоры) чаще всего являются остаточным состоянием цивилизации, территория которой поглощена более успешными соперниками. Так и уместнее их определять.

Следует отметить, что границы цивилизации могут выходить в «варварскую» периферию и отчасти ее захватывать, причем цивилизация играет при этом центростремительную и цивилизующую роль.

Средневековая цивилизация в Европе поднимается из руин темных веков на протяжении VI — IX веков. На Западе в начале IX века сложилась, что очевидно, латинская католическая цивилизация. Ее границы определялись границами католических королевств. В рамках этой зоны господствовала латинская письменность и преобладал латинский литературный язык. В IX — XI веках, в ходе разделения церквей, весь латинский мир оказался в духовной власти Римско-католической церкви. В рамках западной средневековой цивилизации четко выделяется скандинавская субцивилизация в границах трех скандинавских королевств, зоны распространения (все высокое средневековье) германского рунического письма. Субцивилизация эта носила пограничный с «варварской» периферией характер, условно включая такие не вполне цивилизованные территории, как Швецию до конца XII века или Исландию. Выделение других субцивилизаций в рамках латинского мира — англосаксонской IX — XI вв., чешской X — XI вв. — возможно лишь при детальном изучении вопроса о признаках цивилизованности на соответствующих территориях. То же самое можно сказать о кельтской «цивилизации» раннего средневековья.

Наиболее древней являлась в средние века византийская христианская цивилизация. Воспроизводство цивилизации в «темные» VII — VIII века иногда ставится под сомнение. Но уже в IX веке средневековая византийская цивилизация сложилась окончательно. Ее границы определялись границами Империи Ромеев, а после начала XIII века — ромейских государств (империи Ласкарей-Палеологов, Трапезундской империи Комнинов, Фессалоникской империи, Эпирского и Морейского деспотата), а также некоторых греческих, греко-крымских и албанских княжеств. На всей этой территории господствовали почти безраздельно греческая письменность и греческий литературный язык. Исторический центр Православия, византийская цивилизация может с безусловностью характеризоваться и как древнейшая Православная. Она имела несколько выходов в «варварскую» периферию — прежде всего, в южнославянские земли в VIII — IX вв. (до распространения славянских азбук), и в некоторые области Западного и Северного Кавказа.

Симптоматично, что субцивилизаций в рамках Византийской не выделяется. Именно в рамках восточного христианства (не только Православия), готового говорить с верующими на их родных языках, стало возможным сложение самобытных этнических письменных культур и самобытных цивилизаций. В Закавказье, например, уже в раннее средневековье складываются две самостоятельных христианских цивилизации — грузинская и армянская. Их раздельное, хотя и тесно связанное существование, обусловлено не только религиозным разделением V — VII вв. на православных грузин и монофизитов-армян, но и более ранним созданием армянской и грузинской письменности, заложившим основы независимых письменных культур.

Здесь время перейти к разговору о славянских цивилизациях средневековья. Попробуем показать, в силу каких причин единой славянской цивилизации не сложилось — и в то же время сложилась самобытная Русская цивилизация. Первая причина ясна — значительная часть славянских земель, в том числе все западнославянские, уже в раннее средневековье, на стадии формирования цивилизаций, оказались под латинским религиозным, политическим и культурным влиянием.

Древнейшей собственно славянской цивилизацией, насколько мы можем судить, являлась болгарская. Она начала было складываться как субцивилизация в рамках греко-византийской, но уже с конца IX века выступила самостоятельной цивилизацией, в чем огромную роль сыграло восприятие глаголической и возникновение кириллической азбуки, развитие старославянского литературного языка. Болгарская цивилизация просуществовала до начала XI века, когда пала под ударами византийцев.

На рубеже XI/XII веков складывается своеобразная югославянская цивилизационная зона в составе Сербских земель (Рашки, Зеты, Боснии) и Хорватии. Столь осторожное определение связано с уникальностью этого явления на цивилизационной карте Европы. Здесь налицо имелось преобладание общераспространенных славянских систем письма (глаголицы и в Рашке кириллицы) и славянских литературных языков в пределах нескольких независимых или автономных королевств. При этом в религиозном плане зона единства не представляла. Хорватия на протяжении всего периода ее существования (XI — XV века) оставалась католической, Зета (Дукля) колебалась между Римом и православием, Рашка (Сербия) оставила эти колебания к концу XIII века, а в Боснии вообще утвердилась еретическая бабунская церковь. Но, стоит заметить, сами религиозные альтернативы (католицизм, православие, манихейские ереси) были общими для всего региона и для присоединившейся к нему после событий начала XIII века Болгарии. Это позволяет с некоторой осторожностью говорить об особой и цельной южнославянской цивилизации XII — XV веков. Погибла она в результате турецкого нашествия. Хорватия вследствие этого окончательно перешла в лоно западной латинской цивилизации, а осколками обретшей перед гибелью православную цельность южнославянской цивилизации парадоксально остались романские Дунайские княжества — до своей не религиозной латинизации в XVIII — XIX вв.

Итак, южнославянские цивилизации, связанные с Русью культурно, не имели с ней полновесного цивилизационного контакта. Древнеболгарская цивилизация погибла как раз тогда, когда Русь принимала христианство. Южнославянская цивилизация оказалась территориально отрезана от Руси монгольским нашествием и, кроме того, характеризовалась чуждым набором религиозных альтернатив. Русь, уже Московская, после турецких завоеваний унаследовала культурные достижения сородичей, принесенные бежавшими на север изгнанниками. Благодарная память о южнославянских учителях навсегда сохранилась в русской культуре. Однако их история никогда не воспринималась, как своя собственная. Самостоятельность исторических путей балканских славян и Руси всегда осознавалась.

На Руси набор признаков цивилизованности складывается к концу X века. Города в собственном смысле слова, по мнению археологов, появляются к середине столетия. Кириллическая письменность начинает проникать на протяжении первой его половины. Первым подлинным памятником монументальной архитектуры на Русской земле считается киевская Десятинная церковь святой Богородицы, возведенная в 991 — 996 годах. Таким образом, при желании можно назвать даже точную дату рождения Русской цивилизации — 12 мая 996 года, когда была освящена Десятинная. Но в любом случае, ясны две вещи. Русская цивилизация и Русское государство строились, в первую очередь, трудами первых князей-христиан святой Ольги, святого Владимира и

Ярослава Мудрого. И сложилась Русская цивилизация именно как цивилизация православная.

О воспроизводстве признаков цивилизованности на Руси после монгольского нашествия можно спорить. Но уже с первых десятилетий XIV века таковое вновь налично в полном объеме. Соответственно этим дискуссиям, можно говорить об одной либо о двух сменявших друг друга Русских цивилизациях. Я придерживаюсь первого варианта. Границы Русской средневековой цивилизации определялись границами русских княжеств, а в XIV — первой половине XV века также находившегося под сильнейшим русским культурным влиянием Великого княжества Литовского. Затем — границами Московского и Российского государства. В рамках этой территории преобладала или безраздельно господствовала православная вера. Книжность была исключительно славянской, в подавляющем большинстве случаев кириллической.

Несколько слов в заключение о дальнейших судьбах двух основных на XVI век европейских христианских цивилизаций — Русской и Латинской. Последняя, выйдя в XVI веке за пределы Европы, в то же время на коренной территории вступила в стадию распада и деструкции, связанную с Реформацией. В XVIII — XIX вв. произошла грандиозная попытка смены цивилизационной парадигмы западного мира на «просветительские» (условно) ценности. Однако эта смена, по сути попытка выстроить новую цивилизацию, повлекла за собой чудовищные по масштабам урбанизацию и индустриализацию, исчерпание возможностей экстенсивного развития и как следствие — культурный (пока не материально-экономический) тупик, прекращение воспроизводства отдельных признаков цивилизованности. Нынешняя проблема «вымирания» старой Европы — лишь одно из проявлений этого.

Русь с проблемой по-настоящему не сталкивалась, но с ней столкнулась Россия XVIII — XIX вв., хотя сначала и в меньших масштабах. Три-четыре раза предпринимались попытки аналогичной смены цивилизационной парадигмы. Но они проваливались с разной степенью катастрофичности. Русская цивилизация продолжала существовать, сохраняя базовые традиционные формы. Последняя и самая серьезная попытка была предпринята уже в начале XX века, в 1905 — 1917 годах. Она кончилась подлинной катастрофой — к несчастью, не только для тех, кто ее предпринимал. Последовавшая затем попытка советских коммунистов построить новую цивилизацию на новой идейной основе также окончилась в итоге исторической неудачей, заведя в тупик, во многом аналогичный западному. В настоящее время Россия с очевидностью находится на цивилизационном распутье.

Д.М.ВОЛОДИХИН
ДУША БЕЛОГО ДЕЛА.
ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ

"Крепкое здание государственности нельзя возвести на песке отвлеченных теорий. Здание будущей России должно покоиться на надежном фундаменте, заложенном нашей многовековой славной историей..."

(генерал А.П.Кутепов, 1929 год)

Гражданская война в последние годы становится в фокус внимания историков, публицистов, идеологов. Если обратиться к соответствующим разделам учебников для средней школы, для подготовительных отделений или же для вузов, отыщется с десятком разнообразных позиций и платформ относительно этого времени. Собственно, отношение к революции, гражданской войне, белому делу служит одним из главных индикаторов, по которым современного мыслителя и политического деятеля можно отнести к определенному лагерю. А все призывы «забыть», «не обострять ради консолидации», «объединиться и не ворошить прошлое» — хороши до определенного предела. Не грех объединяться с теми, кто честно заблуждается, кто ностальгически привязан к СССР последних десятилетий, но с умными, влиятельными и по внешней видимости очень патриотичными слугами беса в союз вступать нельзя.

«Нельзя вести переговоры с существами, у которых нет души...»

ГРОЗА НАД РОССИЕЙ

История белого дела — одна из ключевых страниц в книге жизни всей Русской цивилизации. К ней необходимо отнестись бережно, с благоговением и почтительной нежностью.

Гибель старой русской культуры, гибель императорской государственности, страшная резня в отношении русского народа, невиданные гонения на Православную церковь были чудовищной трагедией, и современного православного человека, правого традиционалиста, они интересуют постольку, поскольку стоит вопрос: отчего Господь попустил это несчастье?

Русская цивилизация к тому времени пребывала в преклонном возрасте. Подсчеты ученых, занимающихся цивилизационным подходом, различаются, но общий вывод таков: Россия задолго до начала XX века прошла пик своего развития. Русский дом еще был довольно крепок и внушительен на вид, однако перекрытия обветшали, а в стенах завелась гниль. Разве не наводнена была Россия революционными организациями самого отчаянного пошиба? Разве кровавый террор, развязанный против политической элиты и самой правящей династии, не находил поддержки в среде образованных людей, зараженной либеральной идеологией? Разве не отняли у Церкви в XVIII веке ее земли? Разве не ставили во главе Церкви безбожных госчиновников обер-прокуроров, порой откровенно враждебных по отношению к христианству? Разве наше крестьянство не было разорено чудовищной реформой 1861 года? Разве наше дворянство не утратило навыка к честной службе? Разве наше духовенство не было загнано в тесную клетку «штатов»? Разве общество не получило страшную дозу оккультной отравы, разошедшейся из столиц по всем крупным городам Империи? И кто с нами сделал это? Да кто угодно! Не все ли равно, каков разбойник, если привратник уснул? Беда в том, что Православное царство в лице государей, иерархов, служилой аристократии, да и всех подданных соблазнилось, допустило на свои земли много отвратительного. По-

этому революция 1917 года, гражданская война и преисподняя, царившая у нас еще полтора или два десятилетия, были тем лихом, которое наступает, словами древних летописцев, «по грехом нашим». Не наказание от Бога, не урок даже, а простое попущение того, что заслужила Россия своей духовной распущенностью.

Вероятно, цивилизация императорской России простояла бы еще век, два, а то и три до прихода естественного срока смерти. Концентрация внутреннего яда постепенно нарастала бы в ее теле, подготавливая кончину. Однако Первая Мировая война, инспирированная международной антисистемной стихией, нанесла по ней сокрушительный удар. Здание рухнуло. До второй половины 30-х на развалинах был ад крошечный. Потом на российском пустыре, дымящемся старыми пожарищами, обнищавшим, утишенным безбожной силой, попытались возродить Империю. И она встала — одни стены да пушки на них, без духа, без слова, оживляющего могучего колосса... Старая Россия умерла, да почит дух ее в Боге. Но так сильно было на наших землях присутствие честного креста, так крепок был тот «демографический материал», который прежде именовался русским народом, что выстояло отечество в войне с гитлеризмом, а на месте старой Русской цивилизации начала подниматься новая. Это происходит на наших глазах. Еще она, как младенец, испускает неосмысленные крики, еще слаба, но растет быстро и, даст Бог, скоро наберется разума.

Чем же была белая рать, поднявшаяся в годы, когда наша страна получала все «честно заработанное» некрепостью в вере, в долге, в служении Господу? Полагаю, прежде всего, само возникновение белого добровольчества — знак особенного благоволения Руси от Бога. Ведь именно тогда, в Гражданскую войну и позже, в 20-х, в 30-х годах воссияло множество новых святых. Совсем недавно, несколько лет назад, канонизации подверглась тысяча людей, чьи судьбы связаны с разными периодами русской истории. В основном это праведники и мученики советской эпохи. Под илистыми наносами оккультизма, либерализма, модернизма, скопчества какого-нибудь, безмысленной духовной лени обнажилась великая чистота! Так вот, белое дело — такая же награда России, настоящая медаль от Господа, и носить ее следует с гордостью. Герои белого дела — светские мученики, страдальцы за Россию, за государя, за веру. Последнее православное воинство перед долгой ночью...

Мне могут возразить: «Да полно! Воевало всего 3-5 процентов населения России, за белых — и того меньше, не более 1-2 процентов. К тому же само движение было крайне разнородным. Тут и эсеры, и сторонники Учредительного собрания, и люди с невнятными религиозными взглядами, и прямые масоны, и просто живые щепки, унесенные житейским морем на сторону Колчака и Деникина, и даже кавказские горцы, никоим местом не православные... Так стоит ли говорить о православном воинстве?»

Стоит! Это необходимо сделать. Уходящая Русская цивилизация была по сравнению с красной эрой образом рая, пусть искаженным и подпорченным, но сияющим церковными крестами, украшенным домовитой крепостью, говорящим с миром словами монастырских старцев... И если западное рыцарство ходило в крестовые походы ради «завоевания рая» в Святой земле, то наше, русское — вот оно! — защищало рай на своей родине. Как человек был создан по образу и подобию Божию, так православные цивилизации — Византийская, Русская — играли роль образа рая, т.е. служили напоминанием о рае небесном. Белое дело показало: такой силы, чтобы вновь поднять Второе Земское ополчение, как при Минине и Пожарском, у страны уже нет, — она постарела, оскудела духом. Но в ней еще достаточно праведников, чтобы возвысить голос против наступающего сатанинства. Русское сердце должно трепетать от любви к тем, кто поднялся тогда против самого духа времени, против низости и безбожия. Да, белое движение на практике оказалось разнородным. Но главная идея противоборства, шедшего на протяжении нескольких лет, — древняя, она суть вера и духовная крепость,

воюющие против соблазна и падения. Вот она — главная сущность белого дела, его стержень, его основа, к которому налепилось много чего; стояние за православие против безбожия, за государя и государство против интернационала, за отечество против многочисленных сепаратистов и большевистского правительства, равнодушного к интересам русского народа, — таковы главные идеалы, без которых белое движение никогда не родилось бы.

Во главе белого движения стояли в разное время люди в большей или меньшей степени преданные вере, в большей или меньшей степени способные поддаваться давлению со стороны лукавых союзников, в большей или меньшей степени допускающих в жизни демократические кунштюки. Они восстали против красного беснования, и довольно, и славно. За одно это они достойны почтения. Но в гуще движения всегда присутствовали фигуры, менее заметные на первый взгляд, однако на деле составлявшие душу «белой гвардии». Белые православные монархисты, патриоты в глубинном значении этого слова, сыграли роль магнита, притянувшего к себе все, способное на чистоту и бескорыстную доблесть. Люди Традиции, русские византийцы — как же их было мало! Несколько тысяч, в крайнем случае, — десятков тысяч. Но для чести России этого достаточно. Их лидерами стали люди рыцарственного склада, составившие настоящий Белый Камелот. Это прежде всего А.П.Кутепов, В.О.Каппель, С.Л.Марков, М.Г.Дроздовский, М.К.Дитерихс, а вместе с ними еще целый ряд отважных и благородных офицеров. Большинство из них приняло мученическую смерть. Роль ядра Добровольческой армии, действовавшей на Русском Юге, играли десяток-полтора полков, состоявших из идейных, сознательных борцов с коммунистами. Офицерство и образованный класс России составляли эти соединения. Они были готовы к любым жертвам, к любому напряжению сил. Мобилизованные массы шли за ними, опирались на их стойкость. Живой душой белого дела там был генерал А.П.Кутепов (1882—1930), убежденный сторонник монархии, имперской идеи, добрый христианин и слуга отечества.

О некоторых людях говорят, что они появились на свет «не в свое время». Генерал Кутепов — из тех, кто вышел на историческую арену в точности тогда, когда эпоха призвала его. День в день. Но духу времени он был противоположен: период русской смуты начала XX века нашел в нем своего рода живой волнолом. Кутепов по характеру и воспитанию своему был врагом хаоса, сторонником порядка, стражем, охранителем до мозга костей.

ОФИЦЕР ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Александр Павлович Кутепов родился в городе Череповец. Отец его служил лесничим, вся семья исповедовала православие. Военная карьера будущего полководца началась в Перебургском пехотном юнкерском училище. Впоследствии он служил в разных пехотных полках, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. За храбрость и командирские способности его неоднократно награждали. Из Первой мировой вышел он георгиевским кавалером и командиром лейб-гвардии Преображенского полка, лучшего в русской гвардии. Для выходца из семьи с весьма скромным достатком, Кутепов сделал к тридцати пяти годам превосходную карьеру. Однако все главные события в его жизни были еще впереди. Занавес перед главным актом в судьбе Александра Павловича поднимет 1917-й год.

Во время февральских событий 1917 года Кутепов — чуть ли не единственный из боевых офицеров Петрограда — организовал вооруженную оборону центра столицы, огнем отбивая наскоки революционных отрядов.

27 февраля 1917 года Александр Павлович получил от генерала Хабалова приказ: создать «карательный отряд» и оборонять столичный район от Литейного моста до Николаевского вокзала. Кутепову с большим трудом удалось сколотить небольшую группу, постоянно вступающую в столкновения с отрядами революционеров. Его воспоминания сохранили сведения о нескольких боевых эпизодах.

Вот один из них: «... из-за угла Сергиевской улицы вылетело несколько машин, облепленных рабочими с красными тряпками и винтовками. Беспорядочно стреляя, они направились по Литейному проспекту. Немедленно был открыт огонь, и все машины, кроме одной, были брошены вместе с убитыми на Литейном проспекте, часть же людей убежала. Одна из машин продолжала быстро двигаться по Литейному; рабочие, облепившие автомобиль, падали на мостовую, но шофер, как видно, раненый, все же на полном ходу повернул машину и уехал обратно. Вся эта машина была прострелена пулями, а стекла в ней разбиты. Я приказал собрать всех убитых и перенести их в пустой каретный сарай одного из домов на Литейном проспекте. От всех убитых рабочих сильно пахло спиртом. В это время ко мне прибежал штабс-капитан Розенбах, бледный, с оборванным погоном, и доложил, что, выйдя на угол Моховой и Пантелеймоновской улицы, солдаты его роты смешались с толпой, пытавшейся его избить и оторвавшей у него шашку».

В Добровольческую армию Александр Павлович вступил в декабре 1917 года, пребывая в чине полковника. Он участвовал в трудных и кровопролитных 1-м и 2-м Кубанских походах, стал одним из главных творцов победы добровольцев в сражении за Каменноугольный (Донецкий) бассейн.

ГЕНЕРАЛ-ДОБРОВОЛЕЦ

Роль ядра Добровольческой армии, действовавшей на Русском Юге, играли десятков-полтора полков, состоявших из идейных, сознательных борцов с коммунистами. А в первые месяцы полки были только на бумаге: их роль играли маленькие добровольческие роты. Офицерство и образованный класс России составляли эти соединения. Они были готовы к любым жертвам, к любому напряжению сил. Мобилизованные массы шли за ними, опирались на их стойкость.

Живой душой белого дела и стал генерал Кутепов, предстающий в воспоминаниях современников убежденным сторонником монархии, имперской идеи, добрым христианином и слугой отечества. На протяжении всей Гражданской войны генерал не занимал в командовании белогвардейцев первых мест, однако обладал решающим авторитетом. Кроме того, именно ему подчинялось ядро боеспособных войск белых на Юге России. Он отличался необыкновенной личной храбростью, твердой волей, трезвым умом и неизменно проявлял заботу о подчиненных. В то же время, тактические способности Александра Павловича получили разные оценки: от восторженных до критических (воспоминания генерала Я.А.Слащова). В страшных условиях Гражданской войны генерал неоднократно пресекал самыми суровыми мерами грабежи, бесчестные убийства, бесчинства озверевших солдат. Корниловец Александр Трушнович пишет о нем следующее: «Он был военным человеком в лучшем смысле этого слова. Простой в обхождении с людьми, которых он считал достойными, -- а достойным он считал каждого, выполнявшего свой долг. Скромный и нетребовательный в личной жизни, он соединял в себе военную твердость и рыцарское благородство... Лишних слов он не говорил. Его храбрость была самая трудная из всех видов храбрости -- разумная и культурная. Под Крученой Балкой мы стояли шагах в двадцати от Кутепова, принимавшего письменное донесение от адъютанта. Вблизи разорвался тяжелый снаряд, и большой булыжник ударил Кутепова в спину. Он на мгновение закрыл от боли глаза. И только. Его крепкая фигура стояла как изваяние...»

С мая 1919 года Кутепов возглавлял ударный кулак Вооруженных сил Юга России — Добровольческий корпус. Всегда и неизменно его полки принимали на себя основную тяжесть боевых действий. Для этого требовалась невероятная стойкость — как древним гоплитам, раз за разом выдерживающих атаки беснующейся варварской конницы, лишь смыкая ряды над павшими товарищами. Эти железные люди видели в Кутепове «вождя милостью Божией». Пять месяцев добровольцы под командой Кутепова громили красных, уступая им в численности, артиллерии, испытывая недостаток во всякого рода боевых припасах. На протяжении лета – осени 1919 года Добровольческий (1-й армейский) корпус вел наступление на направлении главного удара, т.е. Харьков-Курск-Москва. Полки кутеповского корпуса взяли Орел, бились с превосходящими силами за Кромы и пытались продвинуться в сторону Тулы.

Однако белое командование не сумело организовать тылы: добровольцы не получали поддержки живой силой, а с наступлением холодов оказались лишены теплой одежды. Лучшие силы корпуса были перемолоты красной массой. Судя по отзывам белых военачальников, участвовавших в Орловско-Кромской битве, власти белых не сумели использовать душевный подъем, с которым встречало добровольцев население освобожденных городов. Спустя недолгое время новую власть начинали ненавидеть больше прежней, большевистской.

Понеся огромные потери, добровольцы начали отступление. Корпус Кутепова медленно отходил, ведя арьергардные бои, до степей Подонья, а затем к Новороссийску, откуда эвакуировался в Крым. В хаосе всеобщего отступления он сохранил наивысшую боеспособность. Фактически на нем держались тогда Вооруженные силы Юга России.

Место главнокомандующего оставил А.И.Деникин. Его занял барон П.Н.Врангель, составивший из белых войск, оказавшихся в Крыму, Русскую армию.

Летом-осенью 1920 г. Русская армия ворвалась в Северную Таврию и освободила несколько городов, в том числе Мелитополь. Боевые части Кутепова вновь сыграли роль главной ударной силы. Однако возможность снять значительные силы с советско-польского фронта и бросить против Врангеля позволила красному командованию «вбить» Русскую армию обратно в Крым. Новое наступление советских войск вынудило врангелевцев покинуть полуостров. Они эвакуировались в Турцию. Большая часть оказалась в сосредоточена в Галлиполийском лагере.

Гражданскую войну Александр Павлович закончил в чине генерал-лейтенанта и с авторитетом одного из виднейших деятелей белого движения.

В Галлиполийском лагере благодаря его усилиям армия сохранила организацию, боевой дух и не превратилась в скопище вооруженных бродяг. Здесь он вновь занял должность командира 1-го армейского корпуса, куда были сведены все белые части, помимо казачьих. За боевые заслуги 20 ноября 1920 года Александр Павлович был возведен в чин генерала от инфантерии.

«ВОЖДЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»

В декабре 1921 года с частями корпуса он прибыл в Болгарию, а в 1924 году переехал в Париж и там организовал тайную работу по борьбе с большевистским режимом в России (включая разведывательную и диверсионную деятельность). После смерти барона Врангеля генерал возглавил Русский Обще-Воинский Союз (1928—1930). Именно тогда, по словам историков, генерал вырос в «крупную политическую силу». Соратники называли его «вождем контрреволюции». Руководя РОВС, Александр Павлович всеми силами заботился о сохранении его в качестве единой и мощной военной организации. Для него война еще далеко не закончилась.

В 1929 году генерал сказал: «Армия стоит вне партий... Чтобы армия была духовно здорова, нужно, чтобы чины ее возвысились над своими партийными убеждениями... и служили лишь общенациональным целям. Это не значит, что армия «аполитична»: она имеет свое определенное политическое лицо, она хочет восстановления национальной России, хочет возрождения Российской государственности».

Располагая значительными казенными средствами, Кутепов жил очень скромно, помогал русским эмигрантам, во множестве впадшим в нищету, не присвоил и копейки чужих денег. Однажды дав в долг из казенных средств надежному, как ему казалось, человеку, он не дождался возврата и возместил недостачу собственными деньгами, хотя все расходы были полностью в его воле и под его контролем. По воспоминаниям современников, для него был свят завет «За веру, царя, отечество!» Разделяя монархический идеал, генерал, в то же время, говорил: «Если в России после свержения коммунизма установится другая форма национальной власти, защищающая жизненные интересы, честь и достоинство Российского государства, армия будет не за страх, а за совесть служить России, подчиняясь этой власти». Он справедливо считался «человеком глубоко и до конца традиционным».

26 января 1930 г. его похитили агенты НКВД, от рук которых он и принял смерть мученика. Среди героев белого движения титаническая фигура Кутепова вышшеается несокрушимым утесом. Именно он олицетворяет лучшее, что было в белом добровольчестве.

**Е.Н.ГРОМЕНКО
МАКСИМ ПЕТРОВИЧ ДМИТРИЕВ
(1858-1948 ГГ.)
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Художник, один перед лицом общества, способного в любой момент и по любому поводу обречь его на славу или подвергнуть наказанию молчанием. Есть только одно условие: быть объективным и смелым — произведение искусства в любом обществе, независимо от политической системы, должно отражать правду. Правда — это сама жизнь, а искусство — правда его создателя. Искусство — это процесс взаимообогащающего облика правды зрителя и правды художника, независимо от того, совпадают они или нет.

Общество является великим, если оно не мешает выражению правды художника, какой бы горькой она не была.

Терпимость — это уважение чужой правды и в то же время ее объективная критика.

В искусстве есть никогда не стареющие темы: любовь, смерть, рождение, пути, по которым ему предстоит идти. Высокая задача искусства — отразить вечность, а то, что когда-то было названо «реализмом» — единственной истиной искусства. Мастерство, воображение и высокий художественный уровень, с которым выполнено произведение, заставляют его жить в веках.

Одной фотографией можно сказать больше, чем тысячью слов. Она позволяет дать образ настоящего. Не экономьте на пленке, так как кадры, которые не нужны сейчас, могут пригодиться в дальнейшем.

Какая фотография больше всего удалась? — спрашивают у Освальдо Саласа, — та, что сниму завтра, — отвечает он.

Такое вступление, автор считает необходимым, так как перед тем, как преступить к «описанию» коллекции, важно показать значимость такой фигуры, как ее создатель.

Начало русского публицистического фоторепортажа связано с именем художника-фотографа Максима Петровича Дмитриева. Его творчество было новым шагом вперед по пути реализма, на который стремился вывести свое искусство учитель Дмитриева А.О. Карелин.

М.П. Дмитриев родился в 1858 г. в деревне Повалишино, Тамбовской губернии, в дворовой семье помещика Афонасьева. Ребенком его отдали на воспитание бездетному крестьянину Куприянову в Егорьевский уезд, Рязанской губернии. Здесь он учился в церковно-приходской школе. Недолго, однако, ему довелось жить в довольстве. Куприянов обеднел, и подростку пришлось работать по найму. Четырнадцатилетнего Максима Дмитриева отвозят в Москву, где мать устраивает его в учение к фотографу М.П.Настюкову. Договор был заключен на шесть лет. Ученик занимался чисткой стекол для пластинок, наклейкой портретов, потом ретушью. По воскресеньям он посещал классы рисования Строгановского художественного училища.

В 1874 г. Настюков послал Дмитриева в свой павильон на Нижегородскую ярмарку, где тот несколько дней проработал с Карелиным. Молодой фотограф был радушно встречен художником и, наконец-то, увидел, как фотографическое ремесло в руках настоящего мастера становится искусством. Только через три года связанный договором с Настюковым, Дмитриев в 1877 году поступает на службу в ателье Лейбовского и поселяется на квартире у одного из нижегородских художников, таким образом, попадает в среду любителей искусства. «Знакомство с произведениями лучших писателей, изучение истории искусства, горячие споры о направлениях в живописи — все это за-

ложило такой прочный фундамент жажды знаний в душе молодого человека, — пишет об этой поре жизни Дмитриева его биограф, — что он в течение всей своей дальнейшей жизни всегда интересовался... всем происходящем в мире искусств, науки и технике».¹ В 1879 году он получил приглашение Карелина поступить к нему лаборантом. Таким образом, Дмитриев изучал тонкости карелинского мастерства: приспособление подчиняться только одному закону — закону перспективы, чтобы ни одна фигура на групповом снимке не расплывалась; композицию портретов — художник вошел в историю отечественной светописы как основоположник бытового жанра; «карелинские принципы» пользования оптикой — техника съемки в павильоне объективом с добавочными линзами (прием в съемке отдельных участников группы со стороны стены, это позволяло ему «замыкать» группу строя снимок в овале).

7 февраля 1866 г. Дмитриев, получив в канцелярии губернатора разрешение, в Нижнем Новгороде открывает свою фотографию,² просуществовавшую более сорока лет, до конца 20-х годов XX века.

Профессиональная фотография в 80-ые гг. в Нижнем Новгороде развивается довольно интенсивно. По данным «Памятной книжки Нижегородской губернии на 1889 г.» в городе насчитывалось 6 фотографических заведений, сосредоточенных в районе Большой и Малой Покровки, Осыпной и Варварской улиц. Конкуренция была высока, поэтому перед мастером стояла задача привлечь внимание публики к своему ателье, создать имя, авторитет и уважение в фотографическом мире.

1889 год стал в творческой биографии Дмитриева началом триумфального шествия по фотографическим выставкам самого высокого ранга.

На Всероссийской фотографической выставке в Москве 1889 году, приуроченной к пятидесятилетию светописы впервые появилась витрина, до тех пор неизвестного фотографа-волжанина. Знаток поразил разнообразие жанров: портрет, пейзаж, групповые снимки. Профессионалы в то время как исключение показывали пейзажи и «ментальные» снимки на бытовые сюжеты. Любители, главным образом, фотографировали виды. В снимках новичка явно была видна школа Карелина. Внушительны были виды Нижнего, снятые на пластинке 30х40 см.³

В следующем году М.П. Дмитриев посылает свои портреты на выставку в Одессу и Казань. Высшие награды на Одесской выставке «за позировку в портретах» и в Казани — «за сцены и жанры, мастерски скомпонованные».⁴ Расхваливая эти стороны творчества, многие справедливо усматривали несомненное влияние карелинской композиции. «Что значит художник-фотограф! Какие виды, как умело, они сняты при выгодном освещении, как хороши его жанры: это просто картины из живых людей, — восторженно писали о работах Карелина в 1890 г., а затем, переходя к Дмитриеву: «именно та же художественность выразилась в его фотографических картинах, вырванных из жизни».⁵ Была отмечена и новая черта: стремление захватить в поле зрения аппарата человека в труде, в быту. Дмитриев производил искусную съемку в павильоне, добываясь художественной выразительности в жанровых сценах, но ему было тесно в «стенах», привлекала неприкрашенная жизнь трудового люда, жизнь Нижнего Новгорода и Поволжья. Так, художника интересовала «поэзия края» с ее социальными контрастами и противоречиями.

В Нижнем Новгороде был широко представлен весь социальный состав русского общества, включая торговую и промышленную буржуазию, растущий рабочий класс,

¹ Ермилов Н.Е. "Полувековой юбилей фотографа М.П.Дмитриева", "Фотограф", 1927г.,№3-4, с.105

² Дмитриев М.П. Фотографии М., 1996г., с.14

³ Морозов С. Русская художественная фотография М., 1955г., с.91

⁴ Фотограф-любитель СПб., 1890г., №6, с.24-25

⁵ Фотограф-любитель СПб., 1890г., №11, с.26

постепенно выходивший на политическую арену. Промышленный переворот 90-х гг. привел к усилению капиталистической эксплуатации. Интенсивно шло расслоение деревни. Поволжские города наполнялись обнищавшими крестьянами, заполнившими набережные и пристани в надежде заработать мелкие крохи на пропитание, становясь обитателями ночлежек, опускаясь на самое «дно» жестокой и несправедливой жизни. Исчезнувших бурлаков заменили «босяки». Все это не проходило мимо внимательного фотографа-гражданина.

В 1891 г. на Поволжье обрушилось стихийное бедствие. Засуха, сопутствующие ей голод и эпидемии, часто посещали Нижегородский край. Варварское ведение земледелия, истощение почвы, хищническая вырубка лесов — об этих и других причинах засухи говорилось в кругах, с которыми был связан Дмитриев.

Неурожай 1891 г. был особенно губителен. Бедствие народа привлекло к Поволжью внимание всей страны. Росло общественное возмущение бездействием властей. Выступления в пользу голодающих, живое участие в налаживании помощи бедствующему крестьянству рассматривалось правящими кругами подчас как проявление «неблагонадежности». Стоит особо отметить, денежные пожертвования Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, и, конечно, М.П. Дмитриева, который не мог остаться в стороне от происходящих событий.

Но этим мастер не ограничился — он объездил с фотоаппаратом наиболее пострадавшие от засухи уезды губернии. Его снимки показывали страшную правду, отражали истинное «лицо» бедствия.

В следующем году в губернии на почве голода разразилась эпидемия холеры и тифа. Фотограф снова совершил поездку.

Дмитриев понимал силу убедительности документального снимка. Он фотографировал виды деревень: вымершими кажутся эти деревни с голыми костяками крыш, солома с которых давно ушла на корм скоту.

Он заходил в избы и фотографировал вповалку лежащих тифозных больных. Снимал жалкие остатки крестьянского стада. Показывал попытки организации помощи: в серии снимков запечатлен самоотверженный труд людей — врачей, сестер милосердия, учителей, отдельных земских деятелей, стремившихся помочь народу в его горе. Снимки Дмитриева, даже предварительно отобранные чиновниками, составляли суровый обвинительный документ против царизма.

То были годы, когда в иллюстрированных журналах появилось автотипия, позволявшая воспроизводить фотографию без перерисовки гравером. Распространялись и фототипические изделия.

Не самые «сильные» снимки из серии Дмитриева попали на страницы изданий (большой частью без указаний автора). К этому времени Дмитриев создал собственную фототипическую мастерскую, в которой и напечатал «альбом сцен» неурожайного 1891-1892 года в Нижегородской губернии.

Открытие мастерской провинциальным фотографом и выпуск альбома, посвященного взволновавшему страну народному бедствию, было заметным событием, тем более что иллюстрированное дело в стране большей частью находилось в руках иностранцев, высказавших мысль о том, что русским предпринимателям не под силу подобное начинание.

С сочувствием отнесся к труду нижегородца «Фотографический ежегодник» П. Дементьева, отметив его немалое значение в искусстве художников-живописцев: «Изображение таких исторических моментов почему-то не послужило темой ни для одной из картин на бывших в последнее время выставках, — не без упрека замечает ежегодник, — между тем фотография делала свое дело и успела правдиво и художе-

ственно запечатлеть многое из пережитого в последнюю тяжелую годину неурожая и эпидемий. М.П. Дмитриеву принадлежит немалая заслуга в этом деле»¹.

Работа художника была высоко оценена известным критиком Стасовым, он отзывается об этой серии фотографий, как о совершенно новом явлении в искусстве, небывалом ни в Европе, ни в России.

Труд М.П. Дмитриева в «голодный год» можно считать важным этапом в истории русского публицистического репортажа, в развитие которого конечно, тщательно подавлялась правительством.

1892 год принес Дмитриеву не только российское, но и широкое международное признание: золотую медаль ему вручили на Московской выставке, единственному из всех русских экспонентов; на Парижской всемирной фотографической выставке по Художественному отделу профессиональных фотографов он был удостоен также золотой медали; в Сен-Жиле он получил награду Гран-при, а на международной выставке в Брюсселе — Почетный диплом.²

На Парижской выставке он представил работу «Арестанты на строительных работах», чем заслужил «выговор» со стороны графа Ностица И.Г.: «Светописи г. Дмитриева так хороши, но удивляет меня, для чего он послал во Францию светопись, изображавшую арестантов на постройке... Удивляюсь, как г. Дмитриев не избрал другого сюжета. Не доставало ему ... выставить ссыльнокаторжных на пути в Сибирь. Теперь, увы, на Руси тоже преобладает реальная школа».³

А в это время фотограф был поглощен работой над разоблачительным материалом — готовился к выходу альбом «Неурожайный 1891-1892 год в Нижегородской губернии». Это целый этап в его художественном творчестве.

Большое число репортажных, сильных своей документальностью снимков, составляли еще одну огромную коллекцию, названную «Волжские типы». Они редко попадали в печать. На страницах журналов преобладали фотографии, отражавшие показную дворцовую жизнь, юбилеи, благотворительную деятельность «августейших особ». Светопись служила интересам правящего класса.

Только в наши дни возможно объективно оценить идейно-общественную направленность труда Дмитриева. Хранящаяся в архиве Нижегородской области богатейшая коллекция негативов — ценное наследство, одинаково интересное и для фотографа, и для историка, и для художника. Здесь и снимки-наброски, и отдельные моменты из жизни нижегородцев, и картины быта Поволжья. Не все работы этой серии отвечают требованиям реалистического искусства. Во многих снимках, отражающих тягостное существование обездоленного крестьянства, и рабочего люда, даны натуралистические подробности, разбивающие цельность образа. Нередко автор пренебрегает композицией, торопясь снять привлекший его типаж, но эта особенность присуща фоторепортажу, так как съемки ведутся не в павильоне, а в условиях повседневной жизни.

Дмитриев снимал жанровые сцены на фоне ландшафта. Такова работа «Рыбаки», помещенная в одном из выпусков изданного фотографом фототипического «Альбома Нижнего Поволжья»: возле развешанных сетей сняты сидящие у чугушка с ухой волжские рыбаки подстриженными «под горшок», выцветшими от солнца волосами, в домашних рубашках.

Многие из фотографий Дмитриева воспринимаются как иллюстрации к произведениям А.М. Горького. В 1902 г. Московский Художественный театр готовил к постановке пьесу «На дне». Горький просил прислать в Москву снимки «босяков», страни-

¹ "Фотографический ежегодник" СПб., 1894г., с.267

² "Нижегородский листок" 1893г., авг.

³ Фотограф-любитель "Письмо из Парижа", СПб., 1892г., №9, с.342-345

ков.¹ И вот мы видим снимок: перед нами Сатин — не нужны ни грим, ни костюм, ни декорации — у стены ночлежного дома стоит живой персонаж горьковской пьесы. Фотографии странников: в армяках, с котомками за плечами, с кружками; здесь можно найти и некрасовского Власа и горьковского Луку.

Неутомимый фотограф снимал крестьян, цыган и цыганок, своих посетителей во время беседы, схватывая их живые жесты и характерное выражение лица.

Разглядывая снимки волжских городов, как будто окунаешься в их бурлящую жизнь. Вот двадцать-тридцать сгорбленных, пестро одетых людей в залатанных рубахах, лаптях тянут канат. На барже, надрываясь, другие крутят тяжелый ворот и наглядно показано, как нелегко им это дается; а позади, на фоне, видна фигура «хозяина» или приказчика в длинном сюртуке и высоком картузе, довольного собой и своим положением, он же зря смотрит, как бы «сверху», расставляя тем самым всех на свои места.

Перед нами снимки волжских пристаней. Фотографии рабочих, грузчиков: они катят бочки по мосткам, несут на спине тяжелую кладь. Но они так близки автору, поэтому, именно на них, он тратит драгоценную пленку.

Своеобразным итогом первых лет самостоятельной работы в Нижнем Новгороде стало объявление, опубликованное в местной прессе в августе 1893 г.: «Фотограф М. Дмитриев снимает моментально во всякую погоду портреты, группы, виды зданий; продаются снимки волжских видов, типов, сцен, виды Нижнего Новгорода и нижегородский ярмарки»².

Даже части достигнутого М.П. Дмитриевым — процветающего, доходного предприятия, обширная клиентура во всех слоях общества, громкого имени в русском и зарубежном фотографическом мире — хватило бы с избытком фотографу-коммерсанту, фотографу-ремесленнику. Но фотограф-художник, фотограф-гражданин, каким был Мастер, не мог почивать на лаврах.

Выйдя из недр народа, и теперь, уже зрелым человеком, коснувшись «болеи народных» Дмитриев все чаще стал обращаться к жизни трудового люда Нижегородского Поволжья. Отдельные, хотя бы и «живописные» этнографические зарисовки его уже не удовлетворяли. Он приступил к изданию целых тематических циклов, к которым обращался многократно. Понять исключительную значимость Дмитриева не только для краевой, но и общерусской истории вообще, как фотолетописца жизни трудового Поволжья без циклов фотографий о бурлаках, сельских торжках, ложкарях-заволжанах, скитожителях, рабочих фабрик и заводов, невозможно.

Глубокий интерес М.П. Дмитриева к отечественной истории и этнографии во многом сформировался благодаря его активному участию в деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК).³ Она была открыта в 1887 г., сразу же обозначив направление своей грядущей деятельности: выявление в государственных, монастырских и частных архивах нижегородских документов, публикацию их и введение в научный оборот, создание в Нижнем Новгороде исторического музея. В это время Санкт-Петербургская Академия Художеств только еще начинает сбор данных по истории русской национальной культуры отдельных регионов страны, нередко обращаясь к нижегородской общественности с просьбой прислать всевозможные изобразительные материалы местных памятников: кремлей, храмов, земляных крепостных валов.

¹ Морозов С. Русская художественная фотография М., 1955 г., с.97

² Нижегородские новости 1893 г. август

³ НГУАК — Нижегородская губернская ученой архивная комиссия (1887-1917 гг.) — создана по инициативе Гацисского А.С., объединила исследователей истории нижегородского края, основной задачей ставила сбор документов (подлинников и копий) и их публикацию в особых трудах "Действия НГУАК" (издано 18 томов). После 1917 года на базе коллекций и рукописей НГУАК был создан Государственный архив Нижегородской области.

Дмитриев снимал панорамы города с Нижегородским каменным кремлем со стороны водного партера слившихся Волги и Оки, руины башен, неповторимые в своем архитектурно-художественном решении местные церкви. При этом в зависимости от естественного освещения, выбирал наиболее характерные, верхние точки съемки, чтобы передать не только обобщенный образ того или иного здания, его декоративно-художественные особенности, но и объемно-пространственное решение.

Среди представленных фотографом в Санкт-Петербурге работ были по истине русские «картинные» виды: затихла Волга в большом паводковом разливе, не шелохнувшись, стоит, подняв ввысь к небу мощные безлиственные стволы, ветлы. Все замерло в трепетном ожидании весеннего тепла и пробуждения. Лишь пробирающиеся сквозь притопленные кусты по глубоководью лодка рыбаков указывает на присутствие извечного «утра природы» человека.

Но вклад в дело краеведения фотографом не ограничился натурной съемкой. Для музея и публикаций НГУАК он изготавливал репродукции с древних рисунков и литографий, снимал на месте археологические находки Сейминского становища, фиксировал различные этапы реставрации Строгановской церкви. Своими древностями и громкой славой в прошлом Дмитриева манил Макарьевский Желтоводский монастырь, под стенами которого почти два столетия на многих языках шумела знаменитая ярмарка. Но после пожара 1816 г. ярмарку перенесли в Нижний Новгород. НГУАК взяла под свой контроль ремонт архитектурного ансамбля. В 1901-1904 гг. Дмитриев снимал руинные монастыря, гибнувшие фрески XVII века Троицкого собора и только что восстановленное здание трапезной палаты с пристроенной к ней величественной шатровой колокольней.

Местные ежегодные торжки устраивались в крае по многим богатым селам, собиравшим крестьянские товары окрестных районов. Среди них огромное место занимала ежегодная ярмарка в селе Бор, который располагался напротив Нижнего Новгорода, стоит отметить, благоприятные географические условия для успешного экономического развития этого района — на возвышенной береговой линии Волги недалеко от места впадения в нее лесной речки Везломы — связующее звено между древним Нижним и Заволжьем. Здесь, за Волгой, у посадских в древности располагались коржи-покосы, бортные ухастья, звериные ловы, домницы для выварки из болотных руд железа, разработки строевого леса, здесь в годы лихолетий они укрывались от неприятеля.

Торг в древней Боровской слободе официально был учрежден в XVIII веке. К 9 мая ежегодно сюда свозились для распродажи: хлеб, домотканые холсты, волжская обувь, железные и глиняные изделия, всевозможная точеная из осины, клена посуда, веретена.

Кроме горшков и крынок здесь во множестве продавались гончарные трубы, емкие корчаги для хранения муки, овощей и ягод. Фотограф подметил главное в этой сельской ярмарке и дал не только панорамные виды торга, но и неповторимую галерею типов заволжан: мужиков, женщин и детей, коренный старообрядцев-киржачей в длиннополых кафтанах и принарядившихся в домотканые расцвеченные шитьем уборы сельских красавиц. Как и в других фотоциклах Дмитриева, трудовая Россия конца XIX века здесь жила напряженной жизнью, гордясь богатством наработанного за долгую зиму крестьянского «зделья», создававшего славу кузнеца, древодела, горшечника, ткача Заволжья. Он не мог не рассказать в своих фотоочерках и о знаменитом на весь мир лужкарном промысле поволжан, в частности о производстве около города Семенова ложек.

Изготовление всевозможной резной и точеной деревянной посуды в лесном Заволжье не только для себя, «про свой обиход», но в первую очередь на продажу, что было здесь обычным делом. Супеси и суглинки «холодный неродатой», земли не дава-

ли для прокорма населения собственного хлеба, которого обычно хватало лишь до середины зимы. П.И. Мельников образно подметил «другой на месте заволжанина давно бы с голода помер, но он же не лежебок, человек досужий. Чего земля не дала умением за дело взяться берет... Леса волжанина кормят. Ложки, плоски, чашки точит да красит; ведра, лопаты, весла, лейки — все, что из лесу можно добыть, рук его не минует»¹.

Много лет путешествий по селам деревням Заволжья, фотограф создал из отдельных фотозарисовок целую поэму о самобытности таланта и ужасающей нищете мастера ручного дела, вынужденного привлекать к каждодневному изнурительному труду всех членов своей многочисленной семьи. Женщины распиливали древесину, дети «били баклуши» (заготовки для будущих изделий), опытные мастера резали, точили братины и поставцы на удивительно простых лучковых токарных станках. Затем, все это продавалось на сельских торжках купцам-скупщикам на крайне невыгодных для «ручника» условиях.

Огромное место в творчестве Мастера занимает коллекция «Волга от истоков до Твери» — на старых открытках новгородского фотографа-художника. Около 900 открыток с большой выразительностью повествующих о бескрайних просторах Волги, о тяжелом труде волгарей, было сделано Дмитриевым.

В 1894 г. на специально предоставленном ведомством путей сообщения пароходе «Ольга» М.П. Дмитриев совершает поездку по Волге — от Рыбинска до Астрахани. Им было сделано примерно 500 снимков.² Это — своеобразная летопись Поволжья. И лишь в 1903 г. М.П. Дмитриев завершил свою работу, сфотографировав Волгу от истока до Рыбинска.

¹ Мельников П.И. «В лесах». Кн.1, Горький, 1976г., с.12

² Тверская старина Тверь., №1-2, 1995г., с.15

С.В. СМОЛЯНСКИЙ **РГАСПИ: ИСТОРИЯ АРХИВА**

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) был образован в октябре 1991 года на базе бывшего Центрального партийного архива (ЦПА ИМЛ), который был национализирован президентским указом от 24 августа 1991 г. и был открыт для посетителей в декабре 1991 года. В ходе реформы федеральных архивов в марте 1999 г. РЦХИДНИ был объединен с бывшим Центральным архивом ВЛКСМ, образованным в 1965 г. на базе архива общего отдела ЦК ВЛКСМ как Центральный архив ВЛКСМ и носившим с 1992 г. название Центра хранения документов молодежных организаций — ЦХДМО. В результате чего объединенный архив получил новое название — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Этот архив стал основным хранилищем документации по истории социализма, документов КПСС и ее предшественников до 1953 г., а также документов по истории комсомольского движения в стране.

Центральный партийный архив своими корнями уходит в документальные собрания различных организаций и учреждений российской социал-демократической эмиграции конца XIX — начала XX века (Группа «Освобождение труда», «Союз русских социал-демократов», редакция газеты «Искра» и журнала «Заря» и некоторые другие). С развертыванием после II съезда РСДРП (август 1903 г.) регулярной деятельности общепартийных и фракционных руководящих центров и организаций российской социал-демократии началось формирование и их архивов. В 1903 — 1917 гг. в Женеве, Париже, Кракове, Берне и других городах Европы собирались и хранились документы Центрального комитета и Центрального органа РСДРП (газета «Социал-демократ»), организационных центров эмигрантских партийных групп, руководства большевистской фракции и ее лидера В.И. Ленина, редакций большевистских нелегальных газет. Обособленно формировались и хранились документы Бунда, польской и латышской социал-демократий, основные архивы меньшевистской фракции, личные архивы Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, А.Н. Потресова и других лидеров меньшевиков.

Первым официальным архивным и одновременно библиотечным учреждением российской социал-демократии была Библиотека и архив РСДРП, созданная в Женеве по инициативе группы большевиков в январе 1904 г. и утвержденная Заграничным отделом ЦК РСДРП. Ее возглавил уже известный в то время исследователь религиозно-этических сектантских течений России В.Д. Бонч-Бруевич, человек, увлеченный собиранием историко-революционных материалов. В Женеве в 1902 — 1917 гг. работала большая общедоступная библиотека, названная именем её основателя социал-демократа Г.А. Куклина после его смерти. С 1907 г. по завещанию Куклина библиотека стала собственностью РСДРП. Благодаря усилиям Куклина и его преемников, заведующих библиотекой, В.А. Карпинского и С.Н. Равич, библиотека получила известность как центр собирания и хранения документов по истории освободительного движения в России. В Берлине таким центром оказалась библиотека, созданная в 1911 г. князем Д.И. Бебутовым, в Париже — Русская библиотека им. И.С. Тургенева и др. Активную роль в организации собирания историко-революционной документации и литературы играл в тот период писатель М. Горький.

После Октябрьской революции 1917 г. собиранием и хранением документов историко-революционного профиля стали заниматься новые государственные архивные учреждения, в том числе Архив революции и внешней политики России, Архив Октябрьской революции (АОР), куда поступали документы советских государственных структур, а также специально созданные научно-исследовательские центры со своими архивами, принадлежавшие государству или Коммунистической партии.

21 сентября 1920 г. выходит Постановление Совнаркома РСФСР «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии (Истпарта) при Народном комиссариате просвещения. На Истпарт возлагалась обязанность создать свои местные органы, а также специальные архивы и библиотеки для хранения и использования собранных материалов. Председателем Истпарта избран М.С. Ольминский, а с декабря 1921 г. Истпарт входил в аппарата ЦК РКП(б) на правах отдела.

Ольминский (Александров) М. С. (1863-1933) — один из старейших деятелей революционного движения в России, профессиональный революционер, литератор. В революционное движение вступил с начала 80-х годов; примыкал к народничеству. В 1898 г. вступил в РСДРП, с 1903 г. — большевик. Был членом редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», принимал участие в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». Активный участник Октябрьской социалистической революции. Позднее заведовал ист-партотделом ЦК РКП (б), был редактором журнала «Пролетарская революция», членом дирекции Института В.И. Ленина.. На протяжении с 1921 по 1930 гг. Рязанов ежегодно отправляется в страны Западной Европы для поиска и приобретения необходимых Институту Маркса и Энгельса книжных, документальных, музейных коллекций, которые финансировались ЦК партии и Советским правительством. Заграничные корреспонденты ИМЭ проводят самую активную работу по собиранию материалов для Института (Б.И. Николаевский — в Берлине, Б. Суварин — в Париже, Р. Раздольский — в Вене и др.). В октябре 1921 г. выходит первый номер ежемесячного исторического журнала Истпарта «Пролетарская революция», публиковавшего собранные истпартами документы и мемуары, исследовательские статьи, библиографию, хронику деятельности истпартов. Журнал продолжал издаваться и выходить с материалами по данной тематике вплоть до 1941 года.

Истпарт в 1928 г. был присоединен к Институту В.И. Ленина и в новом учреждении, расширившем свою научную проблематику за счет истории партии, с 1929 г. начал формироваться Центральный партийный архив. В 1931 г. институты Маркса-Энгельса и Ленина объединяются в единый Институт Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП (б) (ИМЭЛ) с Центральным партийным архивом (ЦПА) в качестве одного из структурных подразделений. По характеру деятельности и содержанию находившихся на хранении документов ЦПА представлял собой научно-исторический архив, в отличие от текущего, оперативного архива, непосредственно входившего в структуру аппарата ЦК. Научные центры, образовавшие ИМЭЛ, а также сам ИМЭЛ в 1930-х — 1940-х гг., положили начало документальному собранию и ныне составляющему особо ценную часть архива.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, первоначальная функция которого состояла в формировании базы источников и литературы для подготовки изданий сочинений и переписки основоположников марксизма на языках оригинала и в русском переводе, организовал фотокопирование рукописного наследия Маркса и Энгельса, находившегося в архиве Социал-демократической партии Германии в Берлине. Осенью 1924 г. с Правлением СДПГ был заключен официальный договор на проведение этой работы. По заказу ИМЭ в государственных архивах Австрии, Бельгии, Германии, Франции и других стран изготовлялись фото и машинописные копии документов полицейских учреждений, касавшихся Маркса и Энгельса, других участников революционного и рабочего движения. Институт приобрел на Западе несколько крупных книжных собраний по истории социализма и рабочего движения, одновременно систематически вел поиск интересовавших его документов и музейных материалов в семейных, личных архивах, в антикварных фирмах, торговавших рукописями. Отмечая большие успехи в развитии ИМЭ, ЦК ВКП (б) в своем постановлении в июне 1929 г. требовал «неуклонно и

настоячиво продолжать пополнение книжных и архивных фондов, ... стремиться приобретать все, имеющее прямое или косвенное значение в области марксоведения». Деньги на эти цели Политбюро ЦК и Советское правительство неизменно ассигновали, руководствуясь главным образом идеологическими и политическими соображениями, закрепляя свою роль идеологического центра в международном коммунистическом движении. Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 11 июля 1924 г. ИМЭ был признан единственным на территории СССР «государственным хранилищем всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности Маркса и Энгельса», с предоставлением права «изъятия упомянутых оригинальных документов» из всех государственных учреждений СССР и союзных республик.

В результате развернутой в широких масштабах собирательской деятельности в 1920 — х и 1930 — х гг. были приобретены или получены в дар за рубежом оригиналы некоторых документов Маркса, Энгельса и Ленина, отдельные коллекции документов и музейных материалов Великой Французской революции, Парижской Коммуны 1871 г., революционных событий 1830, 1848 — 1849 гг. в Германии, Франции, Австро-Венгрии, комплексы рукописных и печатных материалов теоретиков, политиков, организаторов, активных участников революционного, рабочего, социалистического движения различных идеологических оттенков конца XVIII — начала XX века главным образом из Германии и Франции, а также Англии, Бельгии, Голландии и других стран. Среди фондообразователей У. Адамс, Г. Бабёф, М.А. Бакунин, Б. и Э. Бауэры, А. Бебель, И.-Ф. Беккер, Э. Бернштейн, Л. Блан, О. Бланки, Ф. Буонарроти, Э. Вайян, В. Вольф, Г. Гервег, М. Гесс, Ш. Делеклюз, В. Дитман, И. и Е. Дицгены, Ф. Домела Ньювенгейс, М.-А. Жюльен, Э. Кабе, К. Каутский, Ф. Лассаль, Л. и П. Лафарги, А. Ледрю-Роллен, Ф. Лесснер, В. и К. Либкнехты, Ж. и Ш. Лонге, Ф. Меринг, А. Мерргейм, Л. Мишель, П.Ж. Прудон, Эл. и Эд. Эвелинги, И.Г. Эккариус, Г. Юнг и др., известные философы А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Л. Фейербах (всего поступили личные архивы более 120 человек).

Массовые сталинские репрессии 1930 — х годов, унесшие миллионы человеческих жизней, негативным образом повлияли и на сохранность личных, семейных архивов, библиотек, которые являлись предметом собирательского интереса Центрального партийного архива. После арестов, обысков, конфискации были утрачены многие документальные архивы, книжные собрания, принадлежавшие участникам революционного движения, политическим эмигрантам — коммунистам из разных стран, кадровым работникам государственного, хозяйственного и партийного аппарата, деятелям российской науки и культуры. Лишь незначительная часть таких материалов, уцелевшая в архивах спецслужб, впоследствии поступила в ЦПА. Репрессии не обошли и коллектив Центрального партархива. В 1931 г. в связи с арестом Д.Б. Рязанова комиссия по чистке уволила из ИМЭЛ более 200 человек, в их числе и несколько сотрудников архива; в 1937 г. по крайней мере семь сотрудников ЦПА были арестованы.

В 1938 году впервые был подготовлен список фондов ЦПА, в котором был зарегистрирован 81 фонд, под № 1 находился фонд К. Маркса и Ф. Энгельса, № 17 — ЦК РСДРП — РКП(б) — ВКП(б). Кроме того, учтены под отдельным номером также фонды Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) и других партийных органов, коммунистических фракций 14 профсоюзных центров, 47 личных фондов деятелей ВКП(б); указано, что «Архив Ленина и партийно-исторических документов» (т. е. Основной фонд Института Ленина с архивом Истпарта) хранится «без обозначения номера фонда». В феврале 1939 г. Комиссия ЦК, проверявшая работу ИМЭЛ выразила озабоченность «засоренностью» архива документами «врагов народа» (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Рязанова и др.), а также документами лидеров II Интернационала, не относящимися, по мнению комиссии, к профилю партархива. Рекомендации комиссии об уни-

чтожении документов были выполнены лишь частично, основная же часть указанных документов сохранилась.

Предвоенный и послевоенный периоды характеризуются более регулярными поступлениями документации от основных фондообразователей ЦПА — аппарата ЦК ВКП (б), партийных учреждений. Были приняты на хранение, в частности, документы всероссийских и всесоюзных партийных съездов, конференций, пленумов ЦК ВКП (б), проходивших в 1918 — 1940 гг., большинства отделов ЦК за тот же период, прекративших деятельность региональных бюро ЦК и т.д. В 1931, 1940, 1944, 1957 гг. и далее примерно один раз в пять лет в ЦПА передавались документы республиканских, краевых, областных парторганов (протоколы и стенограммы съездов, конференций, заседаний пленумов и бюро партийных комитетов, партийных и партийно — хозяйственных активов). Они присылались в ЦК ВКП (б), где анализировались как один из источников информации о деятельности региональных парторганов. В 1962 г. ЦПА получил из ЦК протоколы заседаний Политбюро ЦК за 1919 — 1940 гг., в 1978 г. — протоколы Оргбюро и Секретариата ЦК с материалами, документы управлений и отделов ЦК 1939 — 1952 гг. В 1969 — 1991 гг. ЦПА стал обладателем документов персонального учета членов КПСС, персонального учета руководящих кадров, входивших в номенклатуру ЦК, многотысячного комплекса персональных партийных дел, рассматривавшихся Центральной контрольной комиссией (ЦКК) ВКП(б), Комиссией, затем Комитетом партийного контроля, в том числе дел, содержащих документы по реабилитации членов партии, репрессированных в 1920 — х — 1950 — х гг. по политическим мотивам.

В сентябре 1943 г., находясь в эвакуации, ЦПА принял Архив прекратившего деятельность Коммунистического Интернационала. В августе 1944 г. архив Коминтерна, вместе с другими материалами ЦПА, был возвращен в Москву, где начался его разбор и проверка. В декабре 1949 г. по постановлению Политбюро ЦК Архив Коминтерна передается в Общий отдел ЦК партии и лишь в 1959 г. возвращается в ЦПА. В Общем отделе ЦК, затем в ЦПА была обеспечена сохранность документации Коминтерна, проведены почти полностью систематизация и описание фондов, входивших в Архив Коминтерна.

С получением Архива Коминтерна в ЦПА сложились основные документальные комплексы, которые сохраняются и сегодня. Вновь образованная секция документов международного коммунистического движения присоединилась к существовавшим ранее секциям документов К.Маркса и Ф.Энгельса, документов В.И.Ленина, документов по истории КПСС. Наряду с документами руководящих органов КПСС и Коминтерна, Центральный партархив получил многие личные архивы известных партийных и государственных деятелей СССР, международного коммунистического движения. Передача осуществлялась самими фондообразователями, а после их смерти — членами семей, партийными учреждениями и архивами. Среди них документы, составившие в ЦПА фонды А.А. Жданова, Ф.Э. Дзержинского, М.И. Калинина, С.М. Кирова, В.В. Куйбышева, А.В. Луначарского, М.С. Ольминского, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталина, А.С. Щербакова, Е.М. Ярославского и др.

В 1948 году в ЦПА создается секция по работе с местными партийными архивами. Ее задачи были разработка методических инструкций и пособий для местных партархивов, организация повышения квалификации кадров (краткосрочные курсы и совещания местных архивистов в Москве), обследование работы местных партархивов, анализ отчетной документации и подготовка обзорных писем ЦПА, ответы на различные вопросы методического и организационного характера путем переписки.

Комплектование архива документами руководящих комсомольских органов, центральных комсомольских учреждений велось в соответствии с правилами и переч-

ниями, утвержденными ЦК КПСС для Архивного фонда КПСС, но с середины 1970 — х годов ЦА ВЛКСМ все больше внимания стал уделять собиранию документов личного происхождения. В этой связи для ЦА ВЛКСМ было характерно участие в довольно широких общественных кампаниях по сбору документов и вещественных музейных материалов, в частности, совместно с журналом «Юность», — по концентрации в архиве и сохранению писем с фронта и на фронт периода Великой Отечественной войны, по установлению контактов более чем с 500 ветеранами комсомола для изучения и приема в архив их личных и семейных документов и др. За четверть века существования (1966 — 1991) ЦА ВЛКСМ реализовал разработанные в 1966 г. планы комплектования. Основу архива составили фонды съездов и конференций комсомола, сохранившиеся в полном комплекте, за исключением I — IV съездов, собранных фрагментарно, и Центрального комитета ВЛКСМ. В этих фондах самые ранние документы архива: программы и уставы союзов рабочей молодежи «III Интернационал», материалы I съезда РКСМ. Фонд ЦК ВЛКСМ является наиболее информативным и крупным по объему (почти 2/3 всего ЦА ВЛКСМ). Среди документов фонда протоколы и стенограммы пленумов ЦК ВЛКСМ, совещаний и встреч; протоколы и постановления Бюро и Секретариата ЦК комсомола и материалы к ним; планы, отчеты, докладные записки, справки и информация всех структур ЦК, документы региональных бюро (Поволжья, Северного Кавказа, Северо-Запада, Средней Азии, Дальнего Востока и др.) и национальных секций комсомола (Белорусской, Латышской, Еврейской, Немецкой и др.), относящиеся к 1920-м годам. Документы фонда отражают функции, компетенцию, практическую работу ЦК комсомола, участие комсомола в государственной, политической, экономической, культурной жизни общества. Документы Антифашистского комитета советской молодежи и Комитета молодежных организаций СССР отражают международные связи ВЛКСМ и других советских молодежных организаций. В архиве собраны знамена, вымпелы, значки, сувениры всех проведенных всемирных фестивалей молодежи. Переданные уже в ЦХДМО архивные материалы издательства «Молодая Гвардия», редакции газеты «Комсомольская правда», редакций 19 молодежных, юношеских и детских журналов показывают издательскую деятельность ЦК, принципы использования массовых печатных изданий в идеологической работе. В фонд «Выставка ЦК ВЛКСМ «Ленинско-Сталинский комсомол, 1942 — 1953 гг.» включены документы по истории комсомола с 1917 г., особенно широко — об участии молодежи в Великой Отечественной войне, что существенно дополняет информацию документов ЦК ВЛКСМ этого периода. Фонд Центрального совета Всесоюзной пионерской организации (ВПО) им. В.И. Ленина и примыкающие к нему фонды Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» и Всероссийского — «Орленок» вместе с документами ЦК ВЛКСМ — источник изучения детского движения в стране, опыта работы комсомола с детьми и подростками. Всего к 1992 г. в ЦА ВЛКСМ находилось 34 архивных фонда и коллекции (430 тыс. ед. хр.) и 30658 ед.хр. музейных материалов.

24 августа 1991 г. издаётся Указ Президента РФ «О партийных архивах», согласно которому в связи с прекращением деятельности ЦК КПСС и других партийных учреждений, партийные архивы переданы в ведение Государственного комитета по делам архивов РФ. 12 октября 1991 г. Постановлением Совета Министров РСФСР на базе бывшего ЦПА создаётся Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Тем же постановлением на базе бывшего архива аппарата ЦК КПСС создавался Центр хранения современной документации (ЦХСД). Директором РЦХИДНИ назначен доктор исторических наук В.П. Козлов, ранее работавший ученым секретарем отделения истории АН СССР, его заместителями Ю.Н. Амиантов и О.В. Наумов. В ноябре 1991 г. принимается временное положение о РЦХИДНИ как государственном архиве федерального уровня, бывшие секции ЦПА преобразуются

(при этом некоторые объединены и получили новые названия) в отделы, Образованы дирекция, отдел кадров, бухгалтерия, инженерно-техническая и хозяйственная службы, а также научный и научно-методический (позднее экспертно-методический) советы, которому временно поручается рассекречивание документов. Вся деятельность РЦХИДНИ строилась на основе правил работы и организационно-методических актов государственной архивной системы под непосредственным руководством Роскомархива. Введена в действие система планово-отчетной документации ГАС, разработанной Роскомархивом. В дальнейшем эта система претерпела многочисленные изменения и перестройки, готовятся и утверждаются дирекцией РЦХИДНИ новые правила работы читального зала архива. Отныне отменены ограничения на посещения архива и пользования документами. Архив объявлен открытым для всех отечественных и зарубежных пользователей вне зависимости от их партийной и политической ориентации. В открытое использование переданы все ранее закрытые документы, кроме составляющих государственную тайну.

В декабре 1991 года проходит обсуждение и утверждение дирекцией новой концепции комплектования архива, поскольку его основные, постоянные фондообразователи прекратили деятельность. Главными задачами комплектования стали: 1) получение документов всех прекративших деятельность центральных учреждений КПСС; 2) организация на договорных началах комплектования документами современных политических партий, организаций, общественных движений общероссийского значения; 3) личные документы их лидеров и активных участников; 4) личные архивы известных деятелей КПСС и Советского государства (бывших членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, членов правительства СССР, ответственных сотрудников аппарата ЦК, руководителей средств массовой информации и др.). Постепенно начинается разработка и утверждение экспертно-методическим советом методики и организации подготовки краткого (не аннотированного) путеводителя по фондам и коллекциям центра.

В области использования документов с 1991 — 1992 гг. было обеспечено реальное расширение доступа к архивам отечественных и зарубежных пользователей, вследствие чего возник «публикаторский бум»: издание многих ранее мало известных или закрытых документальных источников. Посетителям читальных залов предоставляется подавляющее большинство из имеющихся на хранении и описанных документов. Ограничен доступ лишь к некоторым документам, содержащим государственную тайну (или еще не прошедшим рассекречивание в установленном законом порядке), а также к кадровым, персональным партийным делам и другим документам, затрагивающим охраняемые законом личные интересы граждан. С 1994 г. в РЦХИДНИ (позднее в РГАСПИ) действует специальный «Регламент использования документов с информацией, относящейся к тайне личной жизни граждан».

Основным учетным и одновременно научно-справочным аппаратом к фондам РГАСПИ остаются описи. Часть из них снабжена историческими справками, предисловиями, указателями. Вспомогательную роль играют различные каталоги и картотеки. Научно-справочный аппарат РЦХИДНИ и ЦХДМО создавался в течение длительного времени. Он позволяет посетителям и сотрудникам архивов находить документы для научно-исследовательской, публикаторской, справочно-информационной работы, однако его уровень не полностью отвечает современным требованиям к содержанию и технической оснащенности справочно-информационной системы архивов. Основным методом развития и совершенствования имеющегося научно-справочного аппарата является компьютеризация, создание компьютерных баз данных, компьютерных каталогов, указателей к фондам, перевод описей и других традиционных форм справочного аппарата в электронный формат с предварительным уточнением и редактированием заголовков дел и др. Посетитель РГАСПИ в будущем получит в свое распоряжение, в

частности, базу данных и коллекцию сканированных образов наиболее важных документов, подготовленных по программе компьютеризации Архива Коминтерна. Все более широко компьютерные технологии используются в учете, систематизации и описании архивных документов и музейных предметов. Большое внимание уделяется изданию путеводителей и других справочников по фондам и коллекциям архивов. РЦХИДНИ издал два путеводителя, а ЦХДМО подготовил путеводитель по всем хранящимся фондам и коллекциям. Рукопись (компьютерный набор) путеводителя предоставляется исследователям в читальном зале архива. Необходимыми справочными пособиями для пользователей документацией РГАСПИ являются опубликованный каталог повесток дня заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) и справочно-информационное издание об организационной структуре Коминтерна. Представление о составе и содержании бывших партийных архивов Российской Федерации дает составленный сотрудниками этих архивов и ВНИИДАД справочник «Государственные хранилища документов бывшего Архивного фонда КПСС» (Новосибирск, 1998).

Список использованной литературы

- Материалы сайта <http://rusarchives.ru/>
- Материалы сайта <http://www.rgaspi.ru/>
- Государственные архивы СССР: Справочник-путеводитель: В 2ч. М., 1989.
- Федеральные архивы России и их научно-справочный аппарат. М., 1994.
- Государственные хранилища документов бывшего Архивного фонда КПСС. Новосибирск, 1998.
- Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиогр. указ. М., 1997
- Архивные документы в библиотеках и музеях Российской Федерации. Справочник. М.: ВНИИДАД, 2001.
- Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах. 7 июля 1993 г. // Отечественные архивы. 1993. №5. С.3-16.
- Положение об Архивном фонде Российской Федерации // Российская газета 1994. 24 марта; Отечественные архивы. 1994. №3. С.3-12.

«Реальность массмедиа» Никласа Лумана — VS Verlag, Wiesbaden, 2005.

Работа крупнейшего немецкого социолога, создателя концепции социальных систем, посвящена проблеме массмедиа, их места и роли в современном обществе. В своей книге автор развивает оригинальную трактовку массмедиа как обособленную социальную систему.

Никлас Луман (Niklas Luhmann) обратился на сей раз к обширной и интересной теме — массмедиа в современном обществе. Основу книги составляет исследование массмедиа, его характеристика и структура.

Нам выпало жить в эпоху изменений во всех сферах жизни, которые затрагивают каждого человека. Подробно проанализировав историческую и социальную составляющую (иногда, правда, излишне сгущая краски), составитель книги, к сожалению, намного меньше уделил внимание простому человеческому отношению к средствам массовой информации, практически ничего не сказано о современных электронных СМИ, о литературных источниках.

Книга состоит из шестнадцати глав, наибольший интерес и практическое значение имеют около десяти из них. Первые главы посвящены новостям и комментариям, рекламе в СМИ и развлечениям. Вторая половина книги является более основательной, фундаментальной. Здесь рассматриваются функции массмедиа, идет речь о публичности. Подача информации в этих частях выполнена на хорошем научном уровне: так, автору удалось подобрать к каждой своей рекомендации по несколько адекватных примеров (а это, на мой взгляд, непростая работа).

Качество самого текста книги является весьма убедительным подтверждением квалификации автора — сам по себе текст книги служит прекрасным примером эффективного, пускай и непростого, научного письма.

«Фирменным знаком» Лумана является обращение к истории и предпосылкам возникновения современных средств массмедиа. На этой почве им сделано множество открытий. Автор показал превосходство массмедиа (книги, журналы, газеты и др.) в современном обществе над остальными сферами жизни простого человека.

Увы, при этом, мы не услышали ни характеристики массмедиа с точки зрения отношения аудитории к ней, ни перечня недостатков этой системы. Основным тезисом Никласа Лумана является указание на необходимость изучения общей конструкции СМИ, ее реальности, ее функций, различных схем, структур.

Реконструируя состав литературы, которые легли в основу многих глав, автор довольно смело высказывает предположения о будущем массмедиа, в частности о развитии радио и телевидения, газет и журналов («...Это приведет к тому, что новостные сообщения будут концентрироваться вокруг отдельных событий — происшествий, несчастных случаев, сбоев, озарений...»).

Стиль автора довольно сложный для восприятия, достаточно много различных социологических и научных терминов. Кратким комментарием было бы удобнее пользоваться, если бы сноски были бы постраничными, а не концевыми (т.е. находящиеся в конце книги). Кроме того, в книгу можно было бы включить выдержки из статей различных газет и телевизионных программ, что сделало бы материал книги не таким сухим и научным.

Однако ценность книги Н. Лумана для российских читателей, несомненно, видна. В отличие от большинства западных авторов, проводящих исследования европейских стран и ограничивающихся, как правило, странами Западной и Центральной Европы, Луман включает в свой анализ и Россию, страны Восточной Европы (есть упо-

минания о НТВ, ОРТ). Учтем также, что данная книга была написана достаточно недавно, что естественно сказывается на фактах — они современны и актуальны.

Вполне уместным выглядит примечание А.Ю. Антоновского в конце книги. Он подытоживает материал, написанный Луманом, и выделяет главную мысль книги: «Откуда возникает новость, а вместе с ней и единственная известная реальность, выходящая за пределы повседневности, — главный вопрос исследования Лумана». Он также пытается провести аналогию между властью и массмедиа, видя в этих двух социальных системах много общего. Интерес у Антоновского вызвал и феномен бульварной прессы, который затронул автор в своей книге.

В общем и целом, работа Никласа Лумана безусловно является передовой в области современных средств массовой информации и их влияния на общество. Автор попытался собрать и проанализировать все основные тенденции массмедиа последних лет, опираясь на опыт развитых стран. Немного смущает довольно сложный стиль изложения, что не портит основного смысла данной работы. Книга может быть интересна как социологам, так и политологам, журналистам, а также всем, кто интересуется современными особенностями массмедиа.

К.Ю. Вильгельм